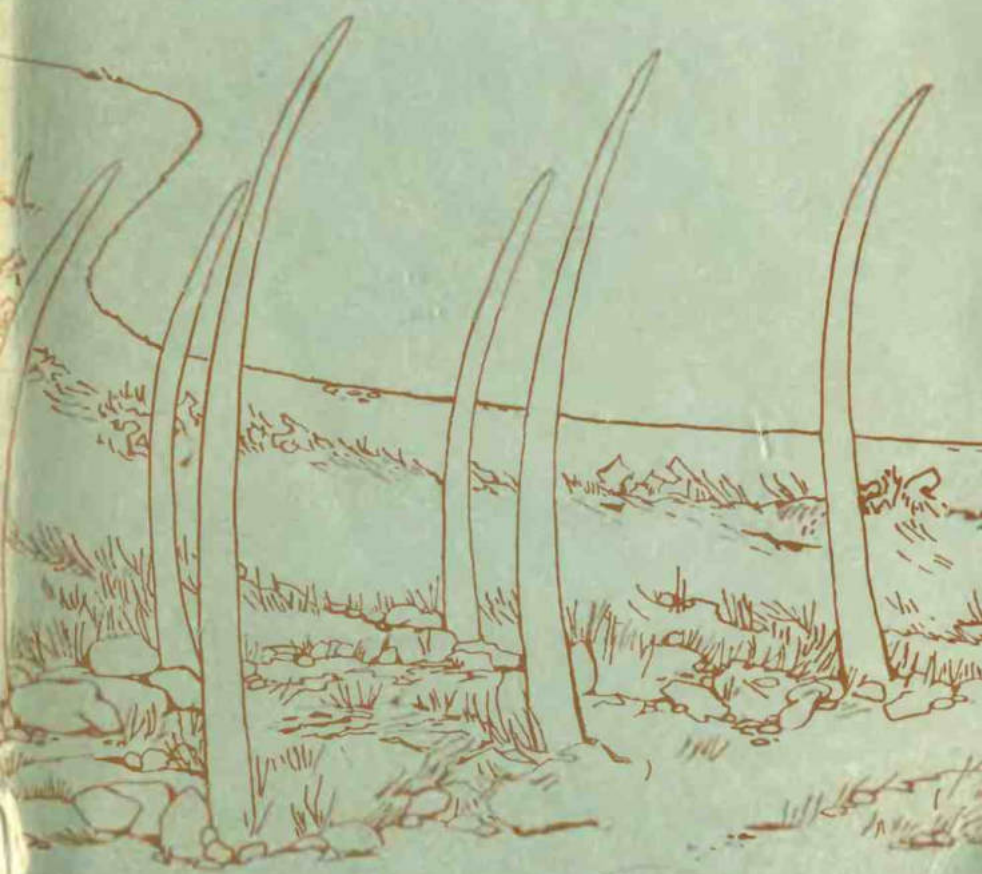

С.А. АРУТЮНОВ, И.И. КРУПНИК, М.А. ЧЛЕНОВ

«КИТОВАЯ АЛЛЕЯ»

— Древности островов пролива Сенявина

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая

С.А. АРУТЮНОВ, И.И. КРУПНИК, М.А. ЧЛЕНОВ

«КИТОВАЯ АЛЛЕЯ»

Древности островов
пролива Сенявина

vk.com/ethnograph

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1982

Летом 1976 г. на острове Ыттыгран в проливе Сениявина открыт уникальный археологический памятник «Китовая аллея» — комплекс сооружений из длинного ряда вкопанных вдоль береговой линии черепов гренландских китов и параллельного ему ряда столбов 4—5-метровой высоты из челюстей китов. Авторы — участники экспедиции, используя различные данные, смогли разгадать тайны прошлого и реконструировать социальную и культурную жизнь создателей «Китовой аллеи».

Ответственный редактор
член-корр. В. П. АЛЕКСЕЕВ

This book contains description and analysis of several ancient Eskimo edifices in the area of Seniavin Strait and Cape Chaplin (Indian Point). The most important of them is the Whalebone Alley, a giant alignment of bowhead whale skulls and mandibles, combined with scores of meat caches and other stone structures, clustered on the northern shore of Yttygran Island. The monument is tentatively dated by the Final Punuk period (ca. 1300 A. D.). A thoroughful comparative treatment of all related data, archaeological, linguistic, ethnographic, narrative, epic, etc., has convinced the authors to suppose that the Whalebone Alley served as a sacred meeting place for ceremonies of a secret society. Later drastic changes in ecology and consequently in economy and social structure of the Asiatic Eskimo communities have forced the Whalebone Alley and the ritual complex connected with it to come into decay and oblivion.

vk.com/ethnograph

ВВЕДЕНИЕ

Эта книга посвящена анализу весьма необычного памятника древнеэскимосской культуры, открытого в 1976 г. на Чукотке, описанию других, находящихся поблизости от него памятников и попытке реконструкции этнокультурной обстановки в эпоху их создания.

Этническая территория современных эскимосов, насчитывающих около 100 тыс. человек, растянулась на огромном пространстве от Гренландии и Лабрадора через всю Американскую Арктику вплоть до Восточной Чукотки. Четко осознавая свое лингвистическое и общекультурное единство, отчетливо противопоставляя себя своим соседям — индейцам в Америке и чукчам в Азии, эскимосы в то же время распадаются на большое число более мелких этнических групп, между которыми имеются существенные языковые и культурные различия.

История эскимосской культуры может быть прослежена как минимум на протяжении последних трех-четырёх тысячелетий. Своего наивысшего расцвета эта культура, отражающая специфический хозяйственно-культурный тип арктических охотников на морского зверя, в разной степени сочетавших также рыболовство и охоту на дикого оленя, достигла в области Берингова пролива и северной части побережья Берингова моря. Это наиболее богатый промысловыми ресурсами район в высоких широтах, и здесь жизнь древнего человека была обеспечена несравненно надежней и стабильней, чем где-либо на обширных пространствах Арктики и Субарктики. Развитие культуры эскимосов Берингоморья на протяжении последних двух тысяч лет характеризовалось преобладанием в их хозяйстве охоты на крупных морских млекопитающих — моржей и китов. Использование добытых морских животных было многообразным и удовлетворяло самые различные потребности: мясо и внутренности шли в пищу людям и на корм собакам, а жир, кроме того, также для отопления и освещения жилищ; моржовый клык, китовая кость и китовый ус давали материал для производства орудий и всевозможных поделок, шкуры шли для покрытия жилища, обтяжки лодок, пошива одежды и т. п. Китовые кости также находили широкое применение при сооружении жилищ, могил, хранилищ для мяса, байдарных помостов-сушил. Поэтому обилие китовых костей, выходящих на поверхность в виде обломков или вертикально стоящих столбов из китовых челюстей, обычно маркирует места древних эскимосских поселений.

Эскимосскую культуру на Чукотке, древнейшие памятники которой относятся ко времени рубежа нашей эры, приято разделять

на несколько эпох. Самая ранняя известная из них, древнеберингоморская, характеризовалась уже высокоразвитой и вполне сформировавшейся технологией добычи морских млекопитающих с многочисленных кожаных байдар и использованием сложных гарпунов из моржового клыка с поворотными наконечниками. К VIII в. н. э. она постепенно переходит в культуру пунук, просуществовавшую до XIII—XV вв. и отличавшуюся резким преобладанием китобойного промысла, который в предшествующих вариантах древнеберингоморской культуры не играл столь решающей роли. В более высоких широтах, на арктическом побережье Аляски и отчасти Чукотки, в это же время или даже чуть ранее складывается культура бирнирк, носители которой специализировались на охоте на мелких ластоногих. На ее основе к XII в. в Северной Аляске формируется культура туле, которая, широко распространившись на запад и восток и охватив к XVI в. почти всю этническую территорию эскимосов, постепенно вытесняет все прочие формы древнеэскимосской культуры, в том числе и пунук.

Эпоха туле на побережье Чукотки хронологически совпадает с так называемым «малым ледниковым периодом» — сильным похолоданием в XV—XVIII вв. почти во всем северном полушарии. В это время древний эскимосский китобойный промысел, хотя и не исчез полностью, все же сильно сократился, сохранив свое важное значение лишь в районе Берингова пролива и на побережье Северо-Западной Аляски. Наконец, прямым продолжением культуры туле явилась так называемая «историческая» культура XVIII—XIX вв., которая ознаменовалась постепенным массовым распространением металлических орудий и огнестрельного оружия, контактами с европейцами и вызванными этим изменениями в социальной и духовной культуре эскимосов.

Все же можно сказать, что эскимосское население Чукотки, которое принято называть азиатскими или сибирскими эскимосами, вплоть до середины XIX в. сравнительно мало общалось с европейцами (русскими и американцами) и лишь косвенно подвергалось их культурному влиянию. Гораздо более интенсивным и продолжительным было взаимодействие эскимосов с кочевыми чукчами — сначала охотниками на дикого оленя, а затем и оленеводами. Очевидно, уже с начала — середины II тысячелетия н. э. происходит все более интенсивный процесс оседания чукчей на морском побережье и освоения ими навыков эскимосской охоты на морского зверя, который сопровождался постепенным вытеснением или ассимиляцией чукчами эскимосского населения. В результате к концу XIX в. на побережье Чукотки сохранились лишь два изолированных ареала расселения азиатских эскимосов (рис. 1). Один из них на территории, непосредственно примыкающей к горному массиву мыса Дежнева, имел своим центром крупнейший поселок этой части побережья Наукан; второй, более крупный, располагался на юго-восточной оконечности Чукотского полуострова. Его центром был поселок Старое Чаплино, или Унгазик, на мысе Чаплина, а северную периферию составляли острова пролива Сенявина — Аракамчечен и

Ыттыгран и примыкающее к ним слабо заселенное материковое побережье.

Археологически северный и южный ареалы азиатских эскимосов изучены весьма неодинаково. В северном ареале раскопано несколько древних могильников, охватывающих ряд хронологических эпох от начала древнеберингоморья до туле, и детально обследован ряд древних поселений. Напротив, в южном ареале мы располагаем лишь данными предварительных разведочных работ. Однако южный ареал должен быть не менее, если даже не более, чем северный, богат памятниками всех эпох развития эскимосской культуры. Недавние открытия показали, что среди этих памятников имеются уникальные сооружения, которые пока что не находят параллелей нигде более в Арктике.

Летом 1976 г. в Providенском районе Чукотского автономного округа в районе мыса Чаплина и островов пролива Сенявина работала исследовательская группа Института этнографии АН СССР под руководством М. А. Членова. Целью работы этой группы были, в частности, локализация и осмотр мест недавно покинутых поселений азиатских эскимосов. Во время обследования бывшего поселка Сиклюк на северном берегу о-ва Ыттыгран, оставленного жителями в 1950 г., был обнаружен комплекс сооружений из длинного ряда вкопанных группами по два и по четыре вдоль береговой линии черепов гренландских китов и второго, параллельного ему ряда столбов 4—5-метровой высоты из челюстных костей этих же животных. Оказалось, что это сооружение резко отличалось по своему внешнему виду от всех известных к тому времени памятников древнеэскимосской культуры. Неожиданно возникшие перед глазами исследователей странные, относительно ровные и длинные выкладки из китовых костей, параллельными рядами уходившие вдаль наподобие какого-то гигантского створа, сразу же подсказали название памятника — «Китовая аллея» *.

В августе—сентябре 1977 г. исследование Китовой аллеи было продолжено специальной экспедицией Института этнографии АН СССР. Состав группы, включавшей М. А. Членова (руководитель отряда), С. А. Арутюнова, И. И. Крупника и И. И. Пейроса, был подобран таким образом, чтобы обеспечить участие в работах специалистов разных профилей (история, этнография, социальная организация азиатских эскимосов, древнеэскимосские культуры, экология и традиционное хозяйство, лингвистика), обладающих опытом работы на Крайнем Севере, в частности на Чукотском полуострове. В задачи экспедиции входило рекогносцировочное обследование и составление детального плана Китовой аллеи, археологическая разведка памятника, осмотр прилегающих территорий островов Ыттыгран, Аракамчечен и части материка, а также фиксация сохранившейся устной традиции, связанной с Китовой аллеей, у местного населения.

* Первое упоминание об открытии памятника см.: Членов, 1976, 136. В обследовании принимали участие также ленинградские этнографы Е. А. Михайлова и А. А. Азаров.

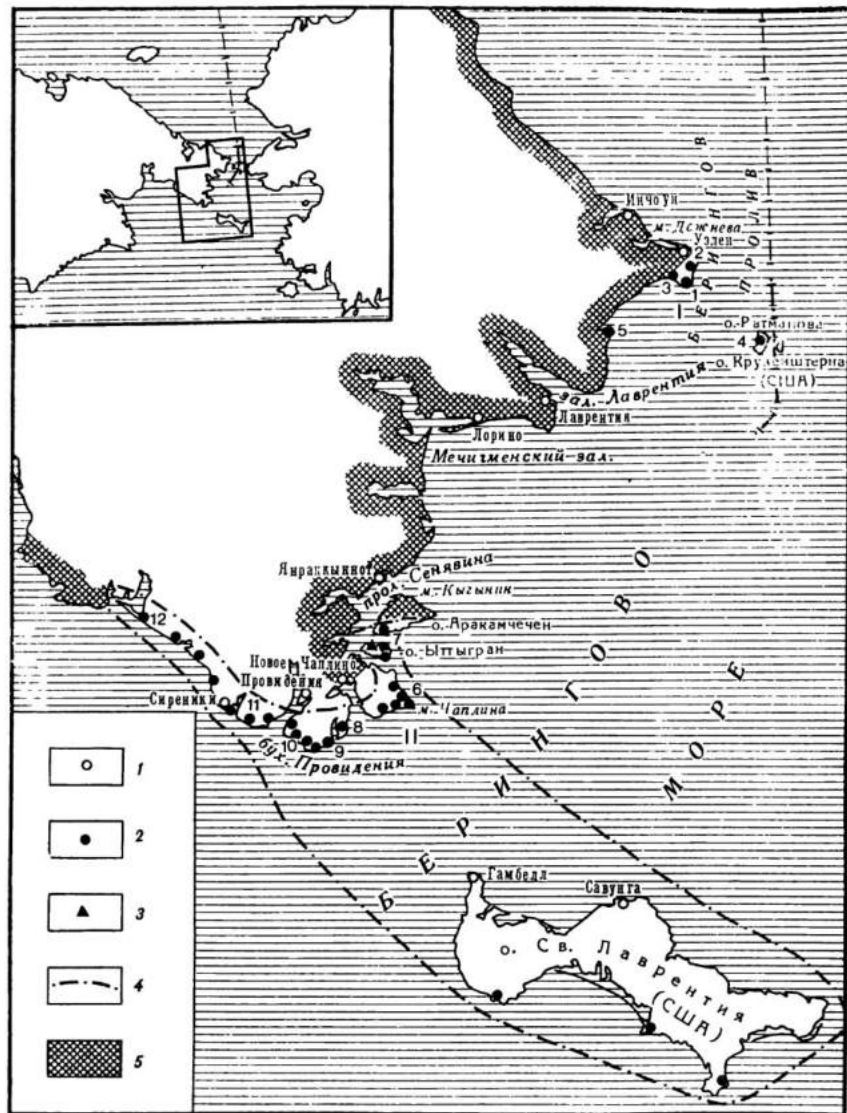

Рис. 1. Расселение азиатских эскимосов

1 — современные поселения, 2 — заброшенные и древние поселения, 3 — Китовая аллея, 4 — граница северного (I) и южного (II) ареалов азиатских эскимосов в середине XIX в., 5 — побережье, осваиваемое приморскими чукчами ко второй половине

XIX в. Цифрами на рисунке обозначены древние поселения: 1 — Наукан, 2 — Мамрохпак, 3 — Нунак, 4 — Имаклик, 5 — Кайкак, 6 — Уйгавик, 7 — Сиклюк, 8 — Тасик (Чечен), 9 — Кивак, 10 — Аван, 11 — Имтук, 12 — Сянлык

Успеху этой экспедиции во многом способствовали местные жители, эскимосы села Новое Чаплино, прежде всего охотничья бригада под руководством, увы, уже покойного капитана вельбота С. И. Иены, возившая нас по островам пролива Сенявина. Посильное участие в работах отряда принимали чаплинские старожилы. Всем нашим друзьям-эскимосам, особенно А. Тагитуткаку, И. Алитку, Иппи, Саникак, Стулик, авторы приносят глубокую благодарность за гостеприимство и помощь. Значительно облегчило нашу работу также доброжелательное внимание и максимальное содействие со стороны руководства Провиденского района Чукотского автономного округа и всех жителей поселка Новое Чаплино.

В 1977 г. работа на самой Китовой аллее и в ее окрестностях на островах Ыттыгран и Аракамчечен длилась всего 10 дней. Около полутора месяцев авторы провели также в поселках Новое Чаплино, Япракыннот, Сиреники и Провидения, где занимались сбором этнографической информации.

В 1979 г. исследования Китовой аллеи были продолжены группой, в которую, кроме упомянутых специалистов, входил также историк-первобытник Л. А. Абрамян. Сложные погодные условия ограничили район исследования только о-вом Ыттыгран, на Аракамчечен попасть не удалось. В 1979 г. были уточнены многие конструктивные особенности Китовой аллеи и осмотрено южное побережье острова. Как обычно, последний месяц экспедиции был посвящен этнографическим работам в Новом Чаплино, Сирениках и Провидения.

Результаты этих, а также некоторых предшествующих этнографических исследований суммированы в настоящей книге, которую мы предлагаем вниманию читателей. Следует иметь в виду, что археологическое исследование памятника, его раскопки по ряду причин, о которых мы упомянем ниже, практически не начинались. Это обстоятельство обуславливает несколько необычный жанр нашего сочинения, представляющего собой попытку проанализировать дошедший до нас памятник культуры, как бы не дотрагиваясь до него лопатой археолога, очертить те культурные и исторические рамки, в которых он может рассматриваться. Хотя мы отдаем себе отчет в неизбежной гипотетичности некоторых выводов (далеко не обязательно, впрочем, устраняемой даже при самых детальных раскопках), тот основной фон, на котором мы исследуем Китовую аллею, та историческая ситуация, которую мы реконструируем на основании подробного этнографического анализа, представляются нам заслуживающими внимания необходимыми историко-культурными предпосылками для более детального, очевидно, многолетнего обследования памятника. Насколько мы правы, судить читателю.

В книге использованы фотографии следующих авторов: Л. А. Абрамяна — рис. 5, 6, 8—10, 12, 13, 15—26, 28—36, 39, 40, 44—49, 69; С. А. Богословского — рис. 64, 65, 66; И. И. Крупника — рис. 37, 38, 41, 42, 52, 57, 63; Г. К. Нечасова — рис. 2; Н. А. Перова — рис. 54а, 54б, 55, 56; М. А. Членова — 27, 51, 59—62.

Глава первая

ОПИСАНИЕ ПАМЯТНИКА

Острова пролива Сенявина

На наблюдателя, приближающегося с моря к Китовой аллее, этот памятник, при всей простоте составляющих его элементов, производит глубокое впечатление. Правда, оценить его композицию можно только в хорошую погоду, в условиях достаточной освещенности и видимости, что в проливе Сенявина бывает далеко не часто. Водное зеркало не очень широкого пролива Йергин между островами Ыттыгран и Аракамчечен почти со всех сторон ограничено гористыми берегами и выглядит как большое внутреннее озеро (рис. 2). Бухта Сиклюк, на берегу которой расположен памятник, окружена с северо-востока и юго-запада обрывистыми скалистыми выступами, но между ними сопки несколько понижаются и образуют относительно пологий склон, покрытый разнообразной тундровой растительностью. На этом зеленом фоне четко вырисовываются группы кажущихся издали ярко-белыми столбов из китовых челюстей, а при подходе к берегу над травянистой кромкой пляжа становятся видны причудливые очертания китовых черепов, вкопанных в гальку узкой носовой частью.

Сам о-в Ыттыгран (по-эскимосски *Сиқлыуқ*) сравнительно невелик и достигает в длину 16—18, а в ширину 5—7 км. Он состоит из двух горных массивов: небольшого западного вокруг горы Альпынгит (*Альпыңит*)* и более крупного восточного, соединенных

---

* Здесь и далее в тексте в скобках приводятся местные названия в принятой эскимосской орфографии.

между собой плоской перемычкой. Берега его слабо изрезаны. На северном берегу, обращенном к проливу Йергин, имеются три небольшие бухты: Сиклюк, Стыграк (*Стыграк*) и Стыграгвак (*Стыграгвак*), с востока на запад; южный берег обрывистый и крутой за исключением береговой части в районе перемычки между двумя массивами и единственной на острове, хорошо защищенной бухты Амьяк на юго-западной оконечности.

Лежащий к северу от Ыттыграна более крупный о-в Аракамчен (по-эскимосски *Киги*), длиной до 40 и шириной до 15 км, своими очертаниями напоминает равнобедренный треугольник, обращенный основанием к проливу Йергин. Западная часть его — крупный горный массив с центральной вершиной г. Афос (ок. 600 м); на крайней восточной оконечности острова расположен скалистый выступ мыса Кыгынин, соединенный с основной частью острова широкой низменной перемычкой. Вдоль обследованного нами южного берега тянется серия небольших открытых бухт; известно, что северо-западный и северо-восточный берега острова скалисты и слабо изрезаны. На всем острове имеются только две закрытые бухты, удобные для якорных стоянок: бухта Ратманова на северной оконечности и бухта Глазенапа, или Пагиляк (эск. *Пагиляк*), на юго-западной оконечности в проливе Йергин.

Кроме этих двух более крупных островов, в проливе Сенявина имеются еще два крошечных островка — Кынкай (эск. *Кикка-как*, чук. *Чечкин*) и Нунеанган, или Нунанирак (эск. *Нунанигак*), не обитаемых как в прошлом, так и в настоящее время.

В наши дни оба крупных острова также необитаемы.

В недалеком прошлом Ыттыгран и южный берег Аракамчена входили в территорию расселения эскимосского племени унгазигмит, центром которого был крупный поселок Унгазик (Старое Чаплино) на мысу Чаплина. В конце XIX—начале XX в. здесь существовал ряд мелких эскимосских и чукотских поселков (рис. 3): Сиклюк (*Сикльук*) и Напакутак (*Напакутак*) на Ыттыгра-

Рис. 2.
Панорама
пролива
Сенявина

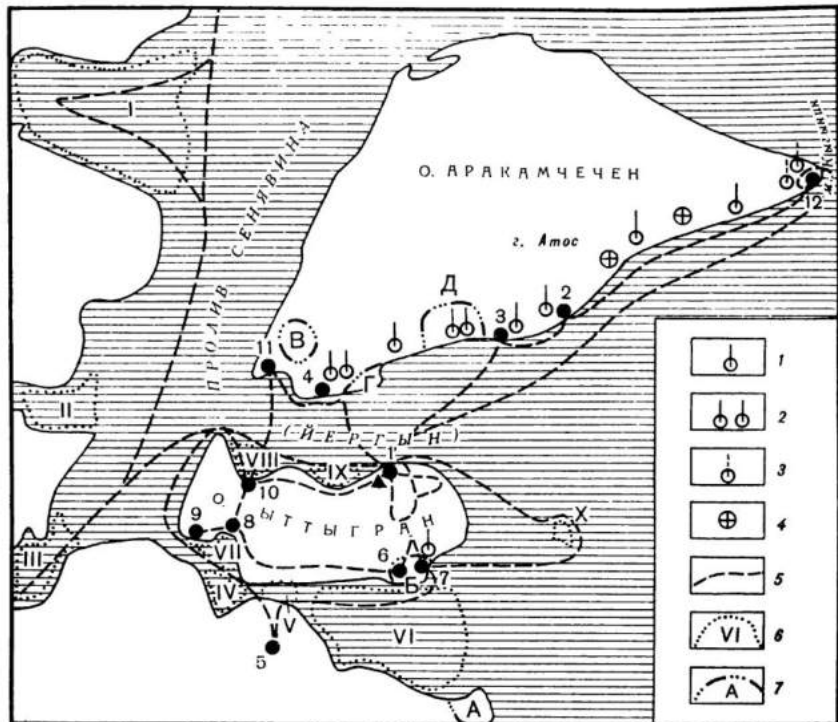

Рис. 3. Острова пролива Сенявина

1 — стоящие одиночные столбы из челюстей кита, 2 — группы стоящих столбов, 3 — упавшие столбы или обломки столбов, 4 — предполагаемые остатки древних поселений, 5 — маршруты экспедиций 1976, 1977 и 1979 гг., 6 — древние охотничье-промысловые угодья, 7 — древние урочища. Цифрами на рисунке обозначены: заброшенные и древние поселения: 1 — Сиклюк, 2 — стоянка на мысе Оленьем, 3 — Мейныгук, 4 — Ярга, 5 — Ингахпак, 6 — Сивурат, 7 — Напакутак,

8 — Тывьярак, 9 — Амьяк, 10 — Стыгравак, 11 — Пагиляк, 12 — Кыгнин; древние охотничье-промысловые районы: I — Пенкигней, II — Калилик, III — Ромулет, IV — Кытлингай, V — Ингахпак, VI — Чечекуюм, VII — Амьяк, VIII — Стыгравак, IX — Стыграк, X — Нунавирак. Буквами на рисунке обозначены древние урочища: А — Пыхняк, Б — Икрылюок, В — Мейнгынгай, Г — Мыкхыляк, Д — Мейныатхыгыргы

не; Пагиляк (Пагиляк), Йергын (Ярга), Мейныгук (Мейныгук) и Кыгнин (Киги) на Аракамчечене, население которых не превышало в общей сложности 180—200 человек, Северный берег Аракамчечена, а также внутренние районы обоих островов осваивали чукчи-оленоводы, тяготевшие к яракыннотской территориальной группе. До настоящего времени территория островов используется для сезонного выпаса оленей оленеводческими чукотскими бригадами яракыннотского отделения совхоза «Заря коммунизма». Прилегающая акватория в настоящее время также сезонно используется для промысла морского зверя бригадами из эскимосского поселка Новое Чаплино и чукотского поселка Яракыннот.

Структура Китовой аллеи

Остатки заброшенного поселка Сиклюк и основные сооружения Китовой аллеи располагаются на плоской галечной косе Синракак (*Сингазақ*) шириной до 60—80 м, в древности отделявшей от моря небольшую лагуну (рис. 4—6). Сейчас почти вся лагуна заполнена отложениями с нависающего над ней горного склона и заросла довольно обильной травянистой растительностью, среди которой прослеживаются лишь маленькие остаточные озера. Остатки землянок и яранг бывшего поселка протянулись по косе вдоль линии берега примерно на 300 м; Китовая аллея, которая начинается почти сразу за краем поселка, — еще на 500 м. Поверхность косы, в целом ровная, густо заросла элимусом и полынью на местах древних жилищ. Она приподнята над уровнем воды всего на 1—1,5 м и обрывается задернованным уступом к галечному пляжу шириной до 20—25 м, частично затопляемому водой во время приливов. Бровка косы выражена четко, особенно в ее центральной и юго-западной части, где располагаются остатки поселка и все сооружения Китовой аллеи. Состояние бровки центральной части косы и обилие лежащего на пляже плавника и старых моржовых скелетов показывают, что берег здесь относительно стабилен и, по крайней мере, в последние десятилетия не подвергался волновой эрозии. Напротив, в юго-западной части косы, удаленной от поселка, хорошо видны следы разрушения бровки и размыва берега. При зачистке бровки в обнажении под слоем гальки мощностью 10—15 см проступает еще один слой дерна, который, вероятно, фиксирует более раннюю поверхность косы. Насколько можно судить, он прослеживается в береговом обрыве, по крайней мере, до центральной части Китовой аллеи. Создается впечатление, что здесь коса подвергается постоянному размыву, за счет чего ее ширина сократилась на несколько метров. Древность размывтой бровки подтверждается находками на пространстве между ней и современной бровкой занесенных галькой китовых черепов.

Южный берег остаточной лагуны сразу переходит в довольно крутой склон, принадлежащий двум сопкам, одна из которых, восточная, Югахтахак (*Югахтазақ*), высится над поселением, а другая, Амаралык (*Амағалык*), — над Китовой аллеей. Между ними более пологий подъем ведет к перевалу, через который пролегает тропа, идущая к юго-восточному берегу острова в бывший поселок Напакутак. Верхние, более крутые склоны гор представляют собой в основном каменистые осыпи; нижние, более пологие, покрыты обильной тундровой растительностью.

Детальная съемка Китовой аллеи показала, что все сооружение складывается из следующих структурных элементов (рис. 7): ряда черепов гренландских китов, вкопанных 15 группами параллельно линии берега у самой кромки; параллельного ему ряда столбов из челюстных костей гренландских китов; серии ям и искусственных каменных структур на косе между рядами черепов и столбов; серии каменных ям, выложенных в теле осыпи, спускающейся со

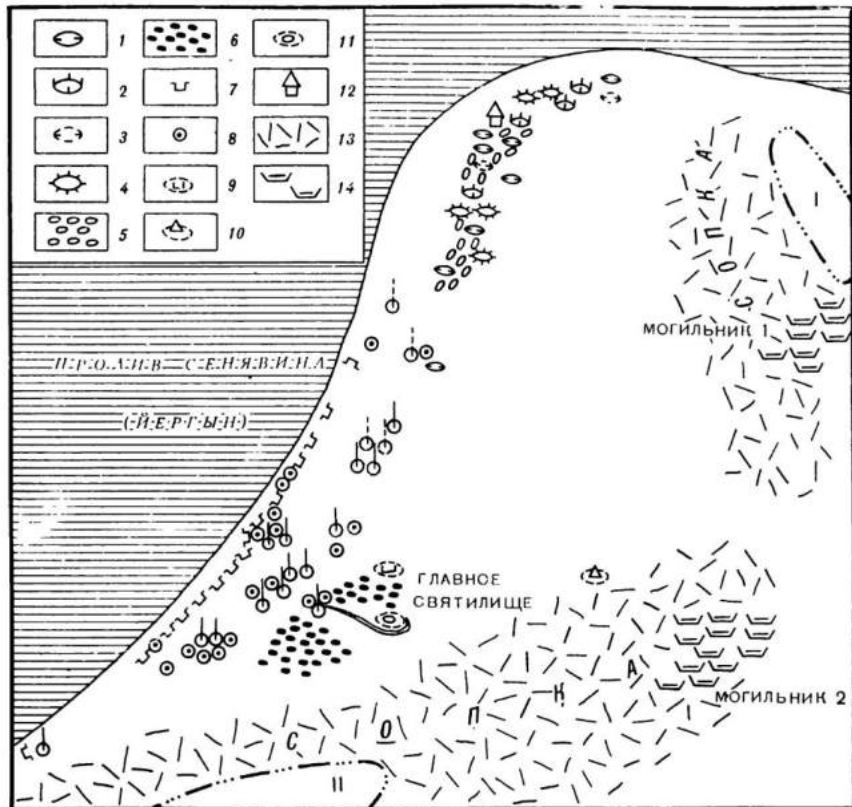

Рис. 4. План бухты Сиклюк: Китовая аллея и древнее поселение

1 — воронки полуземлянок, 2 — воронки с обломками китовых костей, 3 — неясные воронки или спорные жилища, 4 — кольца от яранг, 5 — мясные ямы в грунте, 6 — мясные ямы в каменной осыпи, 7 — группы китовых черепов, 8 — основания сломанных столбов, 9 — череп кита в кольце из камней, 10 — «наблюдательный пункт», 11 — главное святилище с каменной дорогой в осыпи, 12 — избушка, 13 — осыпь, 14 — могильник; прочие обозначения те же, что и на рис. 3. Древние урочища: I — Югахтахак, II — Амаралык

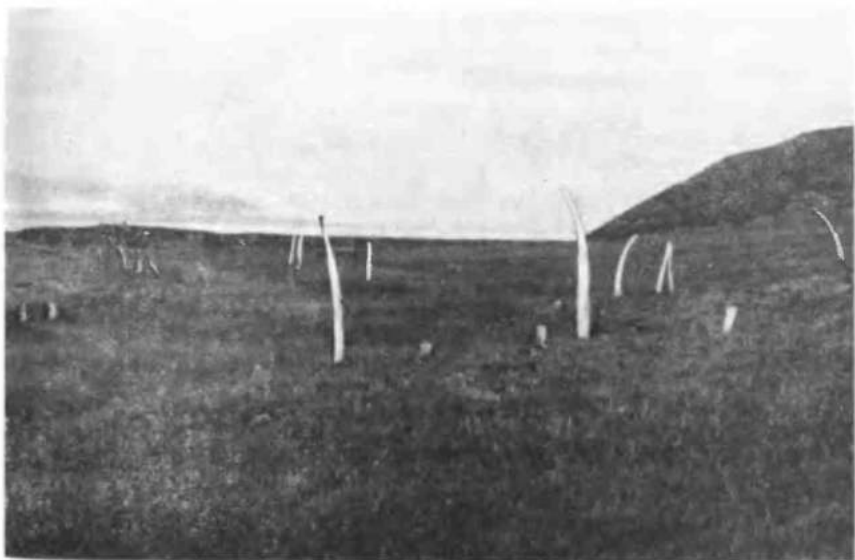
склона сопки; видимо, функционального центра памятника — искусственной дороги и каменного кольца, названного Главным святилищем; прочих каменных выкладок на склоне сопки и у ее подножья.

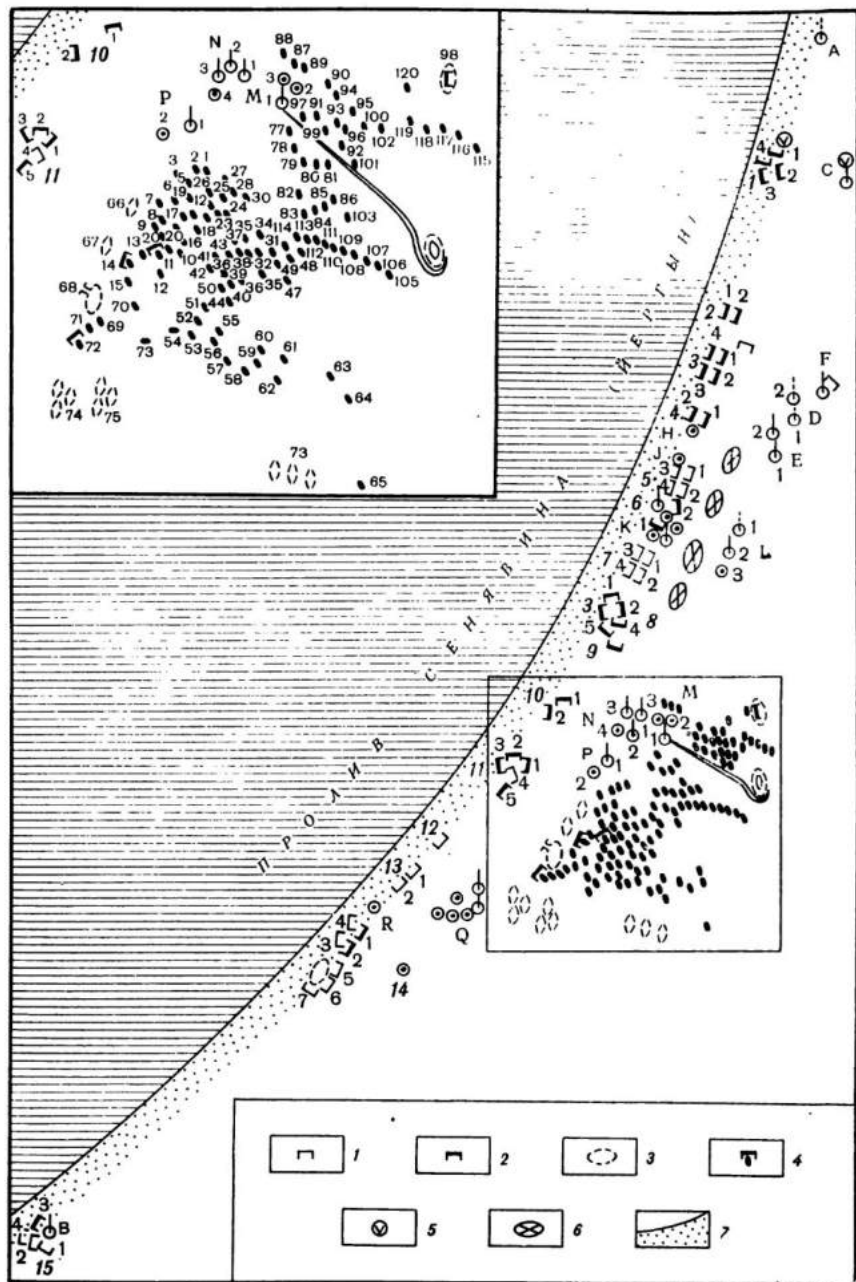
1. Ряд черепов гренландских китов располагается непосредственно у бровки косы, приподнятой на 0,5 м над галечным пляжем. Общая длина его составляет 300 м. В него входят 15 четко различных структурных единиц, которые мы условно называем «группами черепов», хотя некоторые из них представлены всего одним черепом, а другие, помимо черепов, включают в себя и столбы из китовых челюстей. Определяющим для выделения такого структурного элемента, следовательно, является наличие черепов или

Рис. 5. Вид на центральную часть Китовой аллеи

Рис. 6. Скопление столбов в центральной части Китовой аллеи

черепа, который вкопан или, по-видимому, был ранее вкопан носовой частью в галечный грунт. Закладка шурфа у повалившегося черепа группы 4 позволила прояснить технику укрепления черепов в грунте (рис. 8). От черепа предварительно отделялись все челюстные кости, причем верхние челюсти обламывались, а возможно, даже отпиливались, о чем свидетельствуют сравнительно ровные плоскости обломов носовых костей черепов. Носовая часть вкапывалась в землю на глубину 50—60 см до плотного галечного слоя. В яме череп закреплялся с двух сторон крупными валунами, а пространство между ними закладывалось крупной галькой. Таким образом, носовая часть оказывалась полностью заглубленной, а на поверхности оставались собственно черепные кости, в стоячем положении напоминающие гигантских крабов, расставивших клешни (рис. 9, 10). Конструкция эта оказалась тем не менее неустойчивой, так как относительно тонкие носовые кости, удерживающие мощную затылочную часть на поверхности, первыми подвергались гниению. В результате значительная часть черепов повалилась, скорее всего под давлением льда, часть их находится в стороне от первоначального места закрепления, но сохранившиеся в земле отломившиеся носовые кости позволяют в ряде случаев восстановить исконное положение черепа. В настоящее время некоторые группы черепов еще сохранили прежний геометрически четкий порядок расположения составляющих их черепов; в других группах этот порядок нарушен, но мы исходим из предположения, что некогда он существовал и может быть для некоторых групп реконструирован с уверенностью.

За северо-восточный предел Китовой аллеи мы принимаем большой одиночный столб из китовой челюсти, стоявший непосредственно у кромки над пляжем (от него сохранилось сейчас только основание). В 55 м восточнее его начинается группа землянок поселка, и здесь не удастся обнаружить каких-либо связанных с аллеей элементов. В 50 м юго-западнее этого столба далее вдоль берега находится первая группа из четырех поваленных черепов, геометрический порядок которых нарушен, но компактность группы сохраняется. Первоначальный порядок удалось восстановить благодаря находке вкопанных носовых костей от трех черепов (рис. 11). Оказалось, что черепа 1.1 и 1.4 завалились, но сохранили еще соединение со вкопанной частью. Череп 1.3 также завалился и сдвинут по отношению к носовой части, которая обнаружена на одной линии с носовой частью черепа 1.4, ближе к бровке.

Рис. 7. Общий план Китовой аллеи

1 — стоящие китовые черепа, 2 — поваленные черепа, 3 — каменные кольца и выкладки, 4 — ямы, накрытые китовыми черепами, 5 — обломки челюстей, вкопанные мышелком вверх, 6 — гумусные ямы, 7 — галечный пляж; прочие обозна-

чения те же, что и на рис. 3 и 4. 1/2000 нат. вел.; цифры большие — группы черепов 1—15; цифры маленькие — обозначения черепов и столбов внутри группы; латинские буквы — обозначения столбов; цифры на врезке — обозначения мясных ям

Сильно разрушенный череп 1.2 оттащен далеко в сторону, при поверхностном осмотре его носовая часть обнаружена не была. Все это дает основание восстановить группу 1 как конструкцию из четырех поставленных парами друг против друга черепов, повернутых плоскостью перпендикулярно к линии берега. Последнее обстоятельство имеет немалое значение, так как все остальные группы черепов, кроме второй крайней группы 15, развернуты плоскостью параллельно линии берега.

В 60 м далее на запад вдоль берега мы встречаем группу 2, состоящую из двух черепов. Оба черепа завалились, но геометрический порядок группы в целом сохранен. Черепа стоят строго один за другим, их поперечные оси параллельны линии берега. Далее на запад в 20 м находится группа 3, состоящая из четырех черепов: двух ближних к берегу, стоящих, и двух дальних, завалившихся,

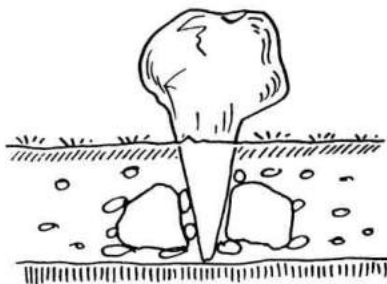

Рис. 8. Способ крепления китового черепа в грунте

Рис. 9. Одна из групп черепов Китовой аллеи

Рис. 10. Группа черепов 3

хотя геометрический порядок группы четко сохранен. Еще далее в 20 м располагается группа 4 из двух черепов, стоящих параллельно береговой линии.

Все остальные черепа стоят далее группами вдоль линии берега. Группа 5 в 20 м юго-западнее образована четырьмя стоящими черепами, из которых три стоят в изначальном положении, четвертый завалился. Это одна из двух групп, сохранивших исконный порядок расположения черепов. В 20 м далее к юго-западу расположена группа 6, в которую входит поваленный череп, окруженный серией столбов К, и условно отнесенный к ней второй череп, лежащий на поверхности в 2 м западнее регулярной группы 5. Возможно предположить, что эти два черепа некогда составляли «двойку», затем разрушенную. Остатки носовых костей черепа 6.1 не найдены. Далее в 10 м расположена вторая сохранившая первоначальный порядок группа 7, состоящая из четырех регулярно стоящих черепов. Плоскостью они развернуты параллельно берегу.

На участке Китовой аллеи между группами черепов 1 и 8 первоначальный порядок расположения черепов сохранился практически неизменным. За редким исключением черепа стоят на своих местах или завалились недалеко от них. Совершенно иной характер имеют группы черепов на участке от № 8 до № 11. Порядок в них почти полностью нарушен, многие группы производят впечатление беспорядочных набросов. Возможные объяснения этого — расположение этих групп в центральной части излучины, которую образует береговая линия бухты Сиклюк. Очевидно, регу-

лярное движение льда в этом районе имеет юго-западное направление, и таким образом льды, оставляя нетронутой бровку берега в северо-восточной части излучины, выпирают на берег в центральной ее части, т. е. там, где расположены группы черепов № 8—11, и движутся далее вдоль берега на юго-запад параллельно бровке, систематически разрушая ее.

В 20 м далее по берегу от группы 7 расположена группа 8, состоящая из пяти повалившихся, лежащих неупорядоченно, но компактно черепов. Положение черепа 8.1 близко к изначаль- ному, его ось параллельна береговой линии. Можно полагать,

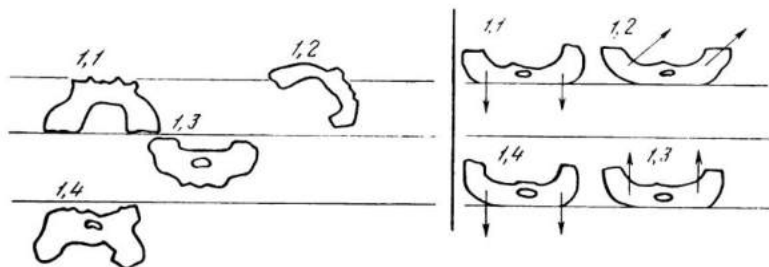
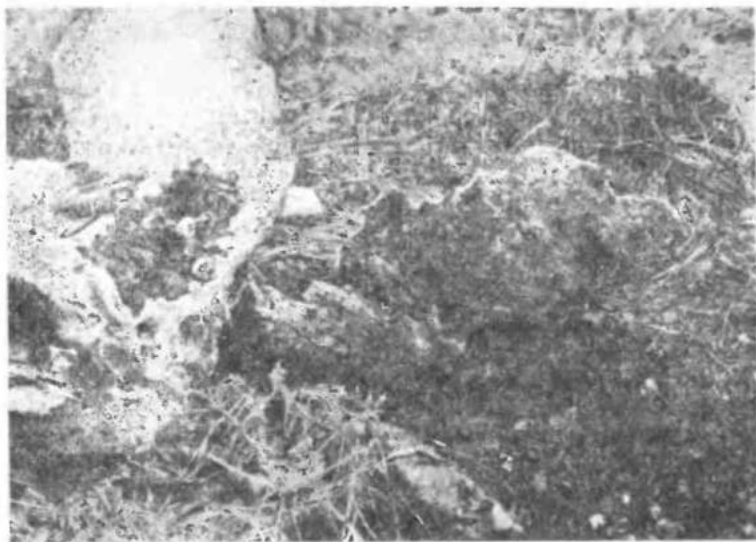

Рис. 11. Реконструкция первоначального положения группы черепов 1

слева — современное положение облом- ление разворота или падения черепов под ков носовых костей в грунте, справа — действием механических сил реконструкция; стрелками указано направ-

что здесь мы имеем дело с сильно нарушенной движением льда регулярной «четверкой» черепов. Положение крайнего пятого черепа в этой группе неясно, возможно, он когда-то образовывал пару с одиночным черепом 9, лежащим в 10 м к югу от группы 8.

В 30 м к юго-западу от группы 8 находится группа 10 из двух заваленных и лежащих на расстоянии 5 м друг от друга черепов. Далее в 25 м за ней — группа 11, которая состоит из четырех беспорядочно сваленных в кучу черепов и одного лежащего в 5 м к западу от них. Вскрытие оснований носовых частей показало, что у трех черепов в компактной группе они обломаны и слом засыпан галькой и грунтом, так что места, где они были первоначально вкопаны, без раскопок установить нельзя (рис. 12). Четвертый в этой группе череп 11.4, крайний с юго-запада, еще соединен с носовой частью, но положение наружной части его по отношению к носовой неправильное. Похоже, что он был надломлен на уровне поверхности (нынешней или древней, находившейся, вероятно, на 10—15 см ниже) и затем повернут по часовой стрелке под влиянием механического давления, очевидно льда. По носовой части можно определить, что он был вкопан в регулярном положении осью параллельно береговой линии. Условно эту группу также можно реконструировать как регулярную «четверку», хотя для более убедительной аргументации потребуются дальнейшие исследования. Пятый, изолированный череп, возможно, был сопряжен с одиночным черепом, образующим сейчас группу 12, расположенную в 30 м далее по берегу.

Рис. 12. Способ крепления черепов в грунте. Видна обломанная носовая часть черепа

Рис. 13. Зачистка замывого в гальку китового черепа

На участке Китовой аллеи между группами черепов 12—14 мы не встречаем того беспорядочного наброса, который был засвидетельствован в центральной части. Многие черепа остались здесь в первоначальном положении, но так, что они образуют не регулярные пары и четверки, подобные тем, которые мы наблюдали на участке между группами 2—7, а как бы ряд вытянутых в линию черепов. Объяснение этому, очевидно, следует искать также в характере движения льдов, которые на этом участке, как мы уже отмечали выше, систематически деформировали бровку, двигаясь параллельно ей. Такое предположение подтверждается нахождением в 1979 г. «недостающих» черепов в этих группах прямо на пляже, где они лежали, засыпанные галькой (рис. 13). Таким образом, следует предположить, что здесь современная бровка проходит как раз посреди не бывших регулярных групп черепов (рис. 14).

Группа 13 состоит из двух черепов, вкопанных рядом друг с другом у самой бровки примерно в 10 м к юго-западу от одиночного черепа 12. Предположительно эта группа представляет собой заднюю часть регулярной «четверки», два передних черепа от которой могли быть свалены, смыты или замыты в галечный пляж при разрушении бровки косы (рис. 15).

В 25 м далее по берегу находится группа 14, подразделяющаяся на две группы 14а и 14б (рис. 16). Основанием для объединения их в одну группу служит лишь аномально близкое расстояние между ними (всего 1,7 м). Подгруппа 14а сложена тремя черепами, окаймляющими с двух сторон аккуратно выложенный камнем окопчик. Два из них, фланкирующие заднюю стенку окопа *in situ*, вкопаны в грунт в регулярном положении. Третий череп был, по-видимому, принесен и положен затылочной частью вниз для ограждения боковой стенки окопа. Носовые кости у него обломаны.

Можно предположить, что два стоящих черепа, так же как и в группе 13, образовывали задний ряд «четверки», передние два черепа от которой были смыты при разрушении бровки, и один из них затем положен на стенку окопчика. При такой версии окопчик, несомненно, имеет более позднее происхождение.

Подгруппа 14б расположена к северу-востоку от 14а и состоит из двух черепов, вкопанных, по-видимому, *in situ*, а также двух черепов, замытых в галечный грунт пляжа. Из них один определенно образовывал пару с одним из вкопанных черепов; положение другого определить трудно, сейчас он прижат ко второму вкопанному черепу, что наводит на мысль о том, что он был сдвинут со своего первоначального места льдом и проташен, пока не уперся в плотно стоящий череп *in situ*, где был развернут и занесен галькой и грунтом. Допустимо предположить, что обе группы образовывали стоящие рядом две «четверки», основания для такой реконструкции вроде бы имеются. Однако отсутствует восьмой череп, близкое расстояние между группами аномально и не встречается на других участках Китовой аллеи. В любом случае первоначально эти черепа стояли, развернутые плоскостью параллельно береговой линии.

Иное положение у черепов последней, 15-й группы, отдаленной

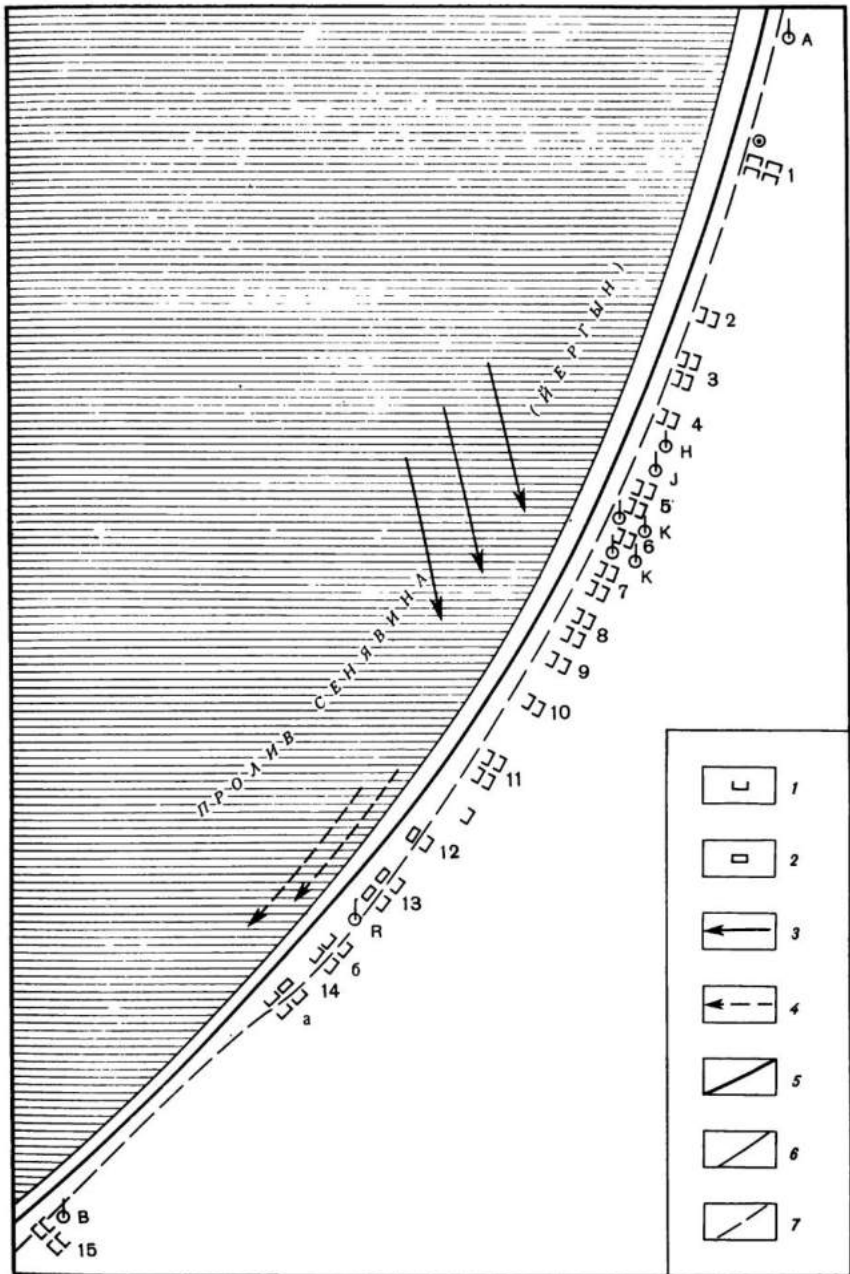

Рис. 14. Реконструкция первоначального вида ряда черепов на Китовой аллее
 1 — сохранившиеся череп, 2 — несохранившиеся череп, 3 — направление движения льда, 4 — предполагаемое направление сдвига галечного пляжа, 5 — предполагаемое положение бровки косы в момент строительства Китовой аллеи, 6 — современный уровень уреза воды, 7 — современное положение бровки

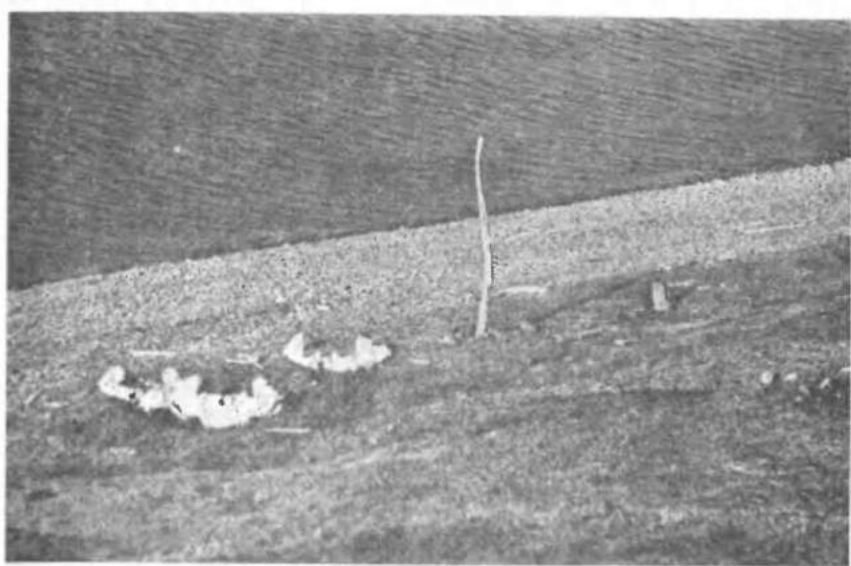

Рис. 15. Группа черепов 13

vk.com/ethnograph

Рис. 16. Поздняя каменная выкладка («окопчик») в группе черепов 14

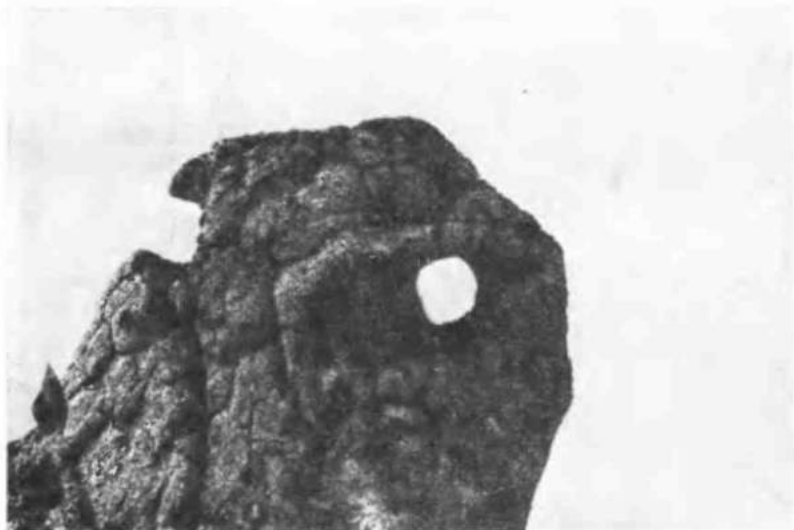

Рис. 17. Юго-западный край Китовой аллеи: группа черепов 15 и столб В. Видно перпендикулярное положение черепов по отношению к бровке

от 14-й на 150 м и расположенной у подножья столба В, маркирующего юго-западный конец памятника. Здесь кончается невысокая терраса, являющаяся продолжением косы Синракак, и начинается обрыв коренного берега. Группа 15 состоит из четырех черепов, один из которых почти полностью ушел в гальку ниже бровки, а три остальных близки к первоначальному положению, хотя не всегда удается определить, повалены они или просто глубоко ушли в гальку. Примечательная черта черепов этой группы — их перпендикулярное положение по отношению к бровке, такое же, как у черепов группы 1 (рис. 17, 19).

Таким образом, ряд черепов, состоявший в прошлом из 13 правильных групп, развернутых параллельно бровке косы, окаймлен с двух сторон группами черепов, поставленных перпендикулярно к ней. На наш взгляд, это свидетельствует об изначальной симметрии Китовой аллеи и о существовании у ее строителей общего конструктивного замысла. Эту проблему мы обсудим подробнее ниже.

Два черепа, находящиеся на участке Китовой аллеи между рядом столбов и рядом черепов, не вписываются в описанную структуру. Это маленький череп, можно сказать даже обломок черепа, лежащий на поверхности бровки косы в самом начале Китовой аллеи между столбом А и группой 1, а также одиночный череп, расположенный между группами 2 и 3, но на значительном расстоянии от берега. Вполне вероятно, что количество черепов, вкопанных в грунт у бровки косы, раньше могло быть несколько большим. Часть могла быть смыта в море или засыпана галькой на пляже, подобно тому как это произошло с черепами в группах 14

**Рис. 18. Искусственные
отверстия («проушины»)
в китовом черепе**

**Рис. 19. Замытый в галь-
ку череп в группе 15**

**Рис. 20. Костяные втул-
ки в китовом черепе**

и 15, впервые обнаруженными только в 1979 г., когда они показались на поверхности после размыва бровки. Часть, однако, могла быть и намеренно перетащена с Китовой аллеи в поселок Сиклюк, где их использовали в качестве строительного материала для жилищ и хозяйственных построек. Два таких черепа с характерными именно для черепов Китовой аллеи втулками, проушинами и надпилами были найдены нами на территории поселка в сооружении, напоминающем мясную яму. Носовые кости обоих черепов обломаны примерно на том уровне, на котором заглублялись в грунт черепа на Китовой аллее. Вероятно, холмы, покрывающие сейчас территорию поселка Сиклюк, хранят еще целый ряд черепов такого облика. Отношение местного населения к Китовой аллее было, как будет явствовать из дальнейшего изложения, достаточно амбивалентным, поэтому использование элементов памятника для строительства не должно вызывать удивления (см. рис. 18, 49).

Отмеченным выше деформациям подвергнуты почти все черепа в регулярных группах. В скуловых костях многих из них обнаружены вбитые в костную ткань кости мелких ластоногих, специальные костяные гвозди и втулки размером до 10 см (см. рис. 20). В ряде черепов отверстия, ранее, видимо, занятые костяными втулками, теперь заткнуты железными гвоздями и гильзами от патро-

нов. Некоторые черепа имеют отверстия на концах скуловых отростков явно искусственного происхождения (очевидно, для закрепления талей или ремней). Часто встречаются также следы несистемных надпилов, сделанных, по всей вероятности, металлической пилой.

Костная ткань черепов обнаруживает следы умеренного выветривания, значительно большего, однако, чем у большинства китовых костей в развалинах поселка Сиклюк. Приблизительно такая же степень выветренности характерна для находящихся над уровнем грунта частей китовых костей, входящих в кладку погребений пунукской эпохи на могильниках в Уэлене и Эквене в северной части Чукотского полуострова.

Большинство черепов принадлежит средним по раз-

меру особям и имеет скуловой диаметр 2,2—2,4 м (см. Приложение 1). Указанные размеры черепов, их строение и фактура кости не оставляют сомнения в том, что все они принадлежали гренландским китам.

В распределении черепов вдоль Китовой аллеи отмечаются некоторые закономерности. Как мы писали выше, несомненно, что изначально ряд черепов состоял из регулярных «двоек» и «четверок», развернутых поперечной осью (осью скулового диаметра) параллельно берегу. Перпендикулярно берегу развернуты только крайние группы, окаймляющие Китовую аллею с двух сторон. Вероятная реконструкция первоначального положения групп черепов представлена на рис. 14. Чередование групп, как видно, следующее: (4):2:4:2:4:2:4:4:2:2:4:2:4:4:4:(4), где (4) — группы черепов, стоящие перпендикулярно к береговой линии. На реконструкции изображены четыре черепа, которых сейчас на Китовой аллее нет. Это черепа в группах 12, 13 и 14а. Вероятно, они зарыты в галечный пляж или унесены на территорию поселка. Сейчас на Китовой аллее в ряду черепов находится 50 черепов, включая одиночные два черепа, не входящие в систему регулярных групп, но без двух черепов на мясной яме в поселке.

Обращает на себя внимание, что расстояния между многими группами одинаковые, в большинстве случаев примерно в 20 м. Разумеется, строители Китовой аллеи не могли измерять расстояния в метрах; отсутствие данных по традиционным метрическим системам эскимосов не позволяет нам определить, как получилось такое расстояние. Возможно, что это есть удвоенная длина большой эскимосской байдары (аңьялик). Действительно, известные нам по этнографическим материалам большие байдары азиатских эскимосов обычно имели длину 9—10 м.

2. *Столбы из нижних челюстей* гренландских китов представляют собой второй и наиболее приметный структурный элемент Китовой аллеи. Большая их часть к настоящему времени повалена, но оставшиеся в грунте основания («пеньки») указывают на место их прежнего расположения. Столбы эти, высотой в среднем 4—5 м, вкапывались в грунт на глубину около 0,5 м и приваливались у основания крупными валунами. Вес одной такой челюсти составляет примерно 250—300 кг, так что для ее установки или переноса достаточно усилий 4—5 взрослых мужчин.

Способ закрепления столбов в грунте был выяснен нами при исследовании основания столба Н, выступающего сейчас на поверхность на высоту 25 см, от которого нами был взят образец для радиоуглеродного анализа. Основание челюсти было заглублено в грунт на 80—85 см и закреплено в яме тремя очень крупными валунами весом 50—60 кг каждый и засыпкой из более мелких камней. Столб засыпан галечным грунтом. Некоторые столбы приваливались у основания также крупными валунами (рис. 21).

Всего на Китовой аллее обнаружено 34 таких столба, из которых 13 до сих пор стоят, а остальные либо повалены, либо от них остались только пеньки. Известно, что некоторые столбы были

повалены уже в наши дни, в 1940-х годах, когда их использовали в качестве кнехтов для причаливания судов, подходивших к Сиклюку. Впрочем, большая часть стоявших далеко от моря столбов, очевидно, упала раньше в силу естественных причин.

Предваряя описание групп столбов, нельзя не отметить их поразительной по сравнению с рядом черепов несистемности, выявляющейся в их беспорядочном расположении в разных местах памятника. Создается впечатление, что в целом они не представляют единого элемента конструкции и функционально, очевидно, были разнородными. Вместе с тем отдельные их группы несомненно образовывали единые комплексы.

Сохранившиеся основания столбов выглядят неодинаково. Некоторые из них сильно разрушены в результате естественного гниения кости, их выступающая над землей часть представлена трухлявыми обломками (рис. 22). Можно предположить, что столбы, служащие некогда их продолжением, прогнили и упали. Другие основания сохранили достаточно плотную структуру кости, и на

Рис. 21. Способ крепления столбов из челюстей в грунте с помощью крупных валунов

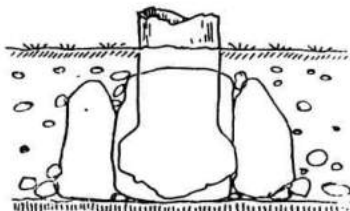

Рис. 22. Основание столба L_1 со сгнившим концом

Рис. 23. Основание столба M_3 с отпиленным концом

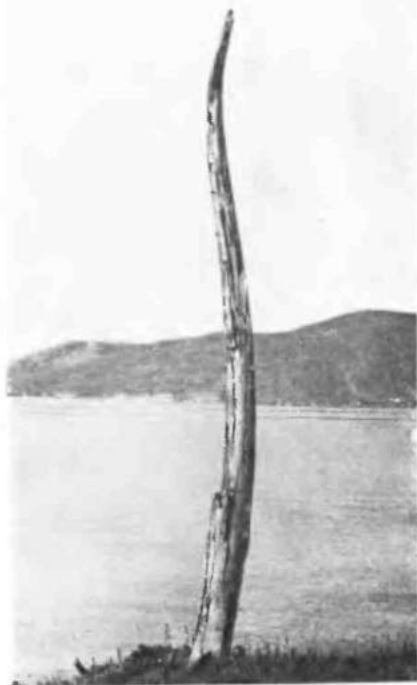
Рис. 24. Вкопанный мыщелок C_1 с отпиленным концом

Рис. 25 Основание столба А с обломанным концом

Рис. 26. Юго-западный край Китовой аллеи — столб В

их верхнем горизонтальном сечении видны отчетливые следы механического слома (типа столба А). Наконец, имеется несколько «пеньков», у которых верхняя горизонтальная поверхность ровная и имеет явственный характер спила (рис. 23). Для этой последней группы, строго говоря, мы не имеем достаточно оснований предполагать, что в прошлом это были целые столбы, хотя такая возможность и не исключена. Возможно, что на Китовой аллее наряду с высокими столбами устанавливались и предварительно отпиленные основания челюстных костей гренландского кита. Подтверждением этого служит находка в 1979 г. двух вкопанных в землю мыщелком вверх спиленных оснований нижних челюстей длиной приблизительно 1 м (рис. 24). Оба они были закопаны в землю так, что на поверхности едва-едва проступала закругленная часть мыщелка, вначале принятая нами за основание обычного столба. Эти две кости вкопаны в самом начале Китовой аллеи: первая — мыщелок G возле группы черепов 1 как бы предваряет весь ряд черепных групп аллеи; вторая — мыщелок C₁ в начале ряда столбов С — L. Обе они, таким образом, как бы маркируют начала двух рядов, образующих створ Китовой аллеи.

По своему расположению внутри Китовой аллеи столбы из

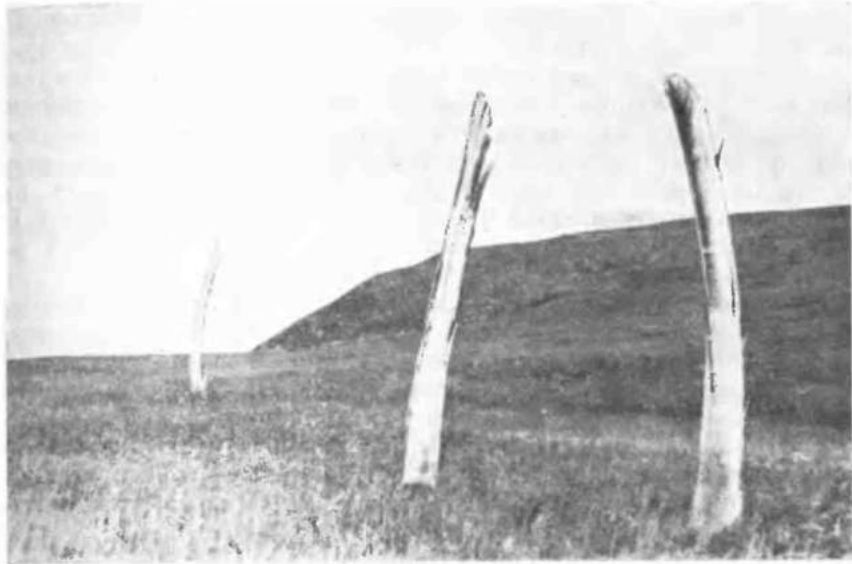

челюстей можно сгруппировать в несколько комплексов. Первый из них представлен крупными одиночными столбами А и В, маркировавшими крайние точки аллеи. Столб А на северо-восточном конце аллеи сейчас повален. Он представляет собой пенек, повернутый примерно под углом 30° к береговой линии, окружность в основании 108 см (рис. 25). Столб В сохранился в юго-западном конце памятника и имеет высоту около 5 м (рис. 26); несомненно, он составляет единое семантическое целое с четырьмя лежащими под ним черепами (группа 15).

Вторая группа представлена рядом столбов, протянувшихся по косе от начала Китовой аллеи до осыпи параллельно группам черепов 1—7. Первый столб С был вкопан в 3 м к западу от мыщелка С₁; сейчас он повален, верхняя обломившаяся часть челюсти лежит рядом с пеньком высотой 5—10 см. Расположенные далее напротив группы черепов 3 столбы D сейчас представляют собой беспорядочный наброс из четырех осколков нижних и двух ос-

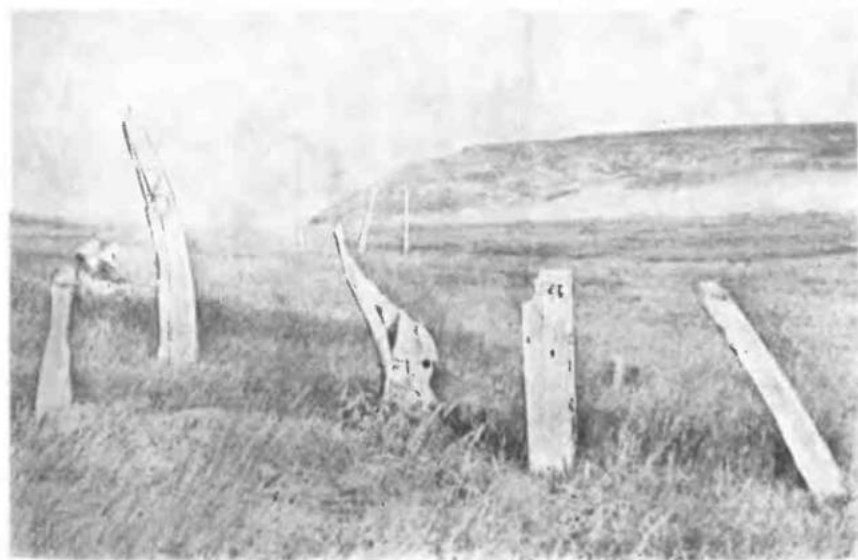
Рис. 27. Группа столбов Е, образующая арку

Рис. 28. Столбы Е и F в северо-восточной части аллеи

Рис. 29. Группа столбов К в центральной части Китовой аллеи

колков верхних челюстей гренландского кита; не исключено, что этот наброс костей (судя по их положению, обилию консервных банок, старых палаточных колышков и т. д.) был сделан геологами, работавшими несколько десятков лет назад на острове. Ни первоначальное количество столбов группы D, ни их исконное положение не поддаются определению без предварительных раскопок. На общем плане Китовой аллеи (см. рис. 3, 4) нами на этом месте условно поставлены два столба. Недалеко от группы D стоит сохранившийся одиночный столб F высотой около 4 м; его окружность у основания 88 см.

Далее к юго-западу, напротив группы черепов 4, стоят два столба E₁ и E₂ на расстоянии 2,5 м друг от друга, так что узкие искривленные верхние концы челюстных костей, обращенные друг к другу, образуют подобие арки (рис. 27, 28). Окружности столбов у основания 90 и 89 см; скорее всего, это парные нижние челюстные кости одного гренландского кита. Наконец, последние в этом ряду столбы L расположены далее к юго-западу против группы черепов 5 и 6; они представлены сейчас двумя сильно разрушенными

Рис. 30. Скопление столбов M и N у подножия центральной осыпи

Рис. 31. Столбы группы Q

ми «пеньками» L_1 и L_3 и сохранившимся столбом L_2 . L_1 и L_2 в прошлом, видимо, составляли такую же «арку», как и столбы Е, а L_3 был повернут так же, как и L_2 . Их окружности у основания соответственно 92, 107 и 92 см.

Вместе можно рассматривать и три одиночных столба, как бы включенных в состав регулярных групп черепов. Это столбы Н, I и R, стоявшие соответственно возле групп черепов 4, 5 и 14; все они представлены сейчас «пеньками»-обломками высотой 20—25 см, обращенными внутренней поверхностью челюсти к морю. Таким образом, верхние части челюсти должны были когда-то изгибаться над пляжем. Все три основания носят следы спилов. Совершенно особую группу составляет скопление столбов К, окружающих одиночный череп 6 в самом центре ряда черепов. Пять этих «столбов» высотой от 1 до 2,5 м представляют собой обломки верхних челюстей (в отличие от всех остальных столбов Китовой аллеи, построенных из нижних челюстных костей). В самом высоком из них, K_1 , в верхней части имеются два грубых овальных отверстия диаметром 10—15 см, очевидно искусственного происхождения (рис. 29). Не исключено, что все эти столбы являются осколками одной верхнечелюстной кости; их резкое отличие от общего конструктивного замысла Китовой аллеи наводит на мысль об их, возможно, позднем происхождении.

Все прочие столбы на Китовой аллее привязаны к спускающимся с сопки Амаралык каменным осыпям, как бы отмечая их края. Они стоят пятью отдельными группами; из 16 бывших в них столбов сохранились сейчас стоящими только шесть. Примечательно, что все эти комплексы расположены в центре Китовой аллеи и наиболее многочисленны. Группа М представлена сейчас одним стоящим столбом и двумя обломками с ровными спилами; их окружность у основания 85 см у стоящего столба, 99 и 84 см. Судя по ориентации оснований, эти три столба в прошлом были развернуты верхними изгибами челюстей в разные стороны, образуя единую фигуру в виде лепестков лилии.

Группу N составляют три стоящих столба и один обломок со следами ровного спила. Костная ткань у всех столбов сильно разрушена, и один из них (N_3) покосился и близок к падению. Окружности у основания 76, 87, 91 и 98 см. У подножия этой же осыпи далее к юго-западу стояли столбы Р, из которых один сохранился, а второй представлен обломком со следами спила; окружности у оснований 97 и 94 см. Оба эти столба в прошлом были повернуты изгибом в сторону осыпи (рис. 30). Группа Q, самая многочисленная, состоит из двух сохранившихся столбов и четырех обломков (рис. 31); окружности в основании 115, 102, 93, 102, 103 и 75 см. Все эти столбы были ориентированы верхним изгибом челюсти в сторону моря. Наконец, последний в этой серии одиночный столб О, ныне представленный обломком высотой 40 см и окружностью в основании 100 см, стоял далее на юго-запад примерно напротив группы черепов 146. На горизонтальной поверхности обломка сохранились отчетливые следы затесов. Примечатель-

Рис. 32. Крепление столба Q_5 с помощью больших валунов

Рис. 33. Столб K_1 с искусственными отверстиями

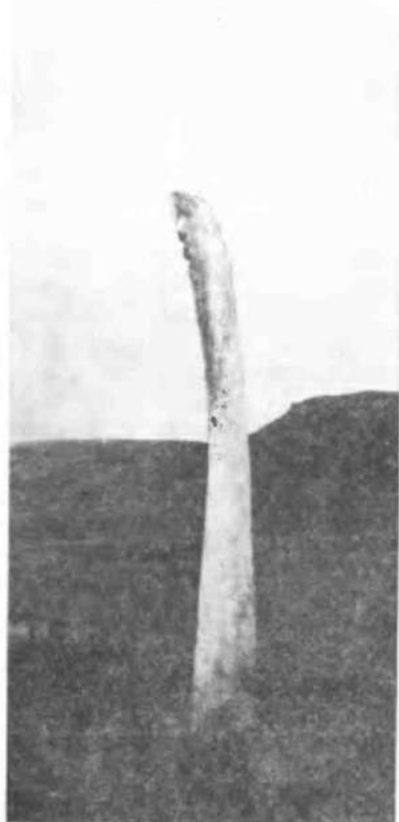
но, что все столбы вдоль края осыпи (группы М—Q) привалены у основания крупными валунами (рис. 32).

Совершенно очевидно, что какое-то количество столбов обвалилось давно и следы их не сохранились. Точное число столбов установить, конечно, нельзя. Бывшие жители поселка Сиклюк вспоминают, что в самом начале Китовой аллеи, между последней ярангой поселка и столбом А, стояли три поставленных рядом столба, имевшие даже — в отличие от всех прочих столбов — специальное название *Тугутытат*, что, по утверждению информантов, означает «взявшиеся друг за друга». Столбы эти, однако, не нанесены нами на план и не использованы при реконструкции памятника, потому что точное местоположение их неизвестно; именно они и были повалены, как уже отмечалось, при причаливании катера в 1940-х годах.

Завершая описание столбов, отметим, что некоторые из них носят следы механической обработки или имеют искусственное отверстие, как столб К₁ (рис. 33). Так, столб L имеет в верхней части по нескольку косых зарубок с обеих сторон длиной до 10 см (рис. 34); столб Р₁ на высоте 75 см имеет мощную горизонтальную зарубку, сделанную явно железным орудием; во многие столбы и «пеньки» вбиты костяные втулки и винтовочные гильзы.

3. *Ямы и каменные сооружения вне осыпи.* По средней, возвышенной части косы между группами черепов 2—7 и группами столбов С, D, E и L тянется цепочка участков растительности, выделяющихся своим более темным цветом по сравнению с остальной травянистой поверхностью косы, представленной в основном элимусом. Такие участки с разнообразным составом растительности обычно связаны с пятнами накопления гумуса, образовавшимися в результате перегнивания пищевых отходов, и маркируют древние поселения. Поскольку в

Рис. 34. Столб L с насечками в верхней части

данном случае следов жилищ на этих участках не обнаружено, остается предположить, что там происходили многократные трапезы или разделка туш, давшие значительное количество отбросов. Среди этих участков имеются небольшие овальные ямы, заросшие травой. Одна из них фланкирована двумя маленькими черепами. Такая структура характерна для могил позднедревнеберингоморского и пунукского времени. Однако траншея, проведенная между черепами, позволила обнаружить только повышенное содержание гумуса в верхнем слое галечного грунта и некоторое количество моржовых и тюленьих костей.

Вдоль нижнего края осыпи между группами столбов Р и Q находятся четыре кольцевые структуры, сложенные из крупных валунов и имеющие диаметр от 1,5 до 2 м. В том же ряду в 20 м юго-западнее последнего кольца имеется четырехугольное сооружение из крупных каменных блоков, напоминающее остатки разрушенного наземного каменного жилища размером 3×3 м (рис. 35). Высота сохранившихся стен 0,8—1,6 м. Сооружение имеет вход, ориентированный к морю, с четырехугольным понижением перед ним, похожим на заглубление входа в землянку. На расстоянии 1,5 м от входа поставлены два крупных валуна, расположение которых аналогично расположению китовых черепов или кусков китовых челюстей, образующих конец коридорного входа традиционной древнеэскимосской землянки. Отметим, что для эскимосов вообще и в этом районе в частности каменные наземные жилища были не характерны. Они бытовали только в Наукане и на о-ве Ратманова в XIX—XX вв., но имели там другие размеры, конфигурацию и структурные особенности. Данное сооружение, очевидно, каким-то образом использовалось сравнительно недавно, так как кое-где между камнями еще сохранились следы шпаклевки из травы. Не исключено, что оно не связано с Китовой аллеей и не может рассматриваться как один из ее элементов.

Перед столбами группы N в центральной части Китовой аллеи, почти в ее геометрическом центре (если считать от крайних столбов А и В), имеется плоская площадка, окаймленная крупными каменными блоками в форме полукруга-амфитеатра диаметром 4—5 м. В северо-западном ее углу был заложен шурф, выявивший наличие здесь на глубине 0,3—0,8 м мощного зольника с некоторым количеством остатков обгоревших китовых и тюленьих костей. Зольник был обрамлен наподобие очага, выложенного из большой каменной плиты размером 90×70 см, поставленной вертикально, и нескольких камней среднего размера (40—50 см в диаметре). На камнях и на плите сохранились следы обжига и закопченности. Несомненно, что в этом очаге огонь разводили неоднократно и было сожжено большое количество костей, политых жиром. Рядом с зольником найдено несколько полубоженных моржовых костей, а в перекрывавшем его грунте — нерпичьи кости без следов обжига и раздробленные раковины мидий.

4. *Сооружения на осыпи.* Один из наиболее интересных элементов памятника представляет собой группа сооружений на упоя-

Рис. 35. Каменное сооружение («жилище») у нижнего края осыпи

Рис. 36. Мясная яма на осыпи

путой выше каменной осыпи, спускающейся к центральной части Китовой аллеи со склонов сопки Амаралык. Осыпь разделяется в нижней части на два «языка», восточный и западный. В теле осыпи имеется около 120 воронкообразных каменных ям круглой и овальной формы диаметром от 0,5 до 1,5 м, глубиной в среднем от 1 до 2 м (рис. 36). Днища многих из них покрыты зеленой растительностью, под которой, как показали пробы, на глубине 15—20 см местами залегают пласты мумифицированного красновато-оранжевого мяса, очевидно моржового, а возможно, и китового. В большинстве ям прямо на поверхности были беспорядочно разбросаны обломки моржовых, тюленьих и мелких китовых костей.

Поскольку эти ямы разнообразны по диаметру и глубине, то не исключено, что они имели различное, неизвестное пока назначение. Однако о крупных ямах в нижней части осыпи (их не менее 30—40) можно с уверенностью сказать, что они служили хранилищами мяса. Вместе с тем мясные ямы на Китовой аллее существенно отличаются от мясных ям (*сиқлұуғұяқ*), в изобилии находимых в заброшенных поселках, тем, что они вырыты не в мерзлом грунте, а в каменном теле осыпи, а также своими меньшими размерами. Поэтому допустимо предположить, что они или носили какой-то узкоспециализированный характер, или использовались лишь в качестве временных хранилищ, так как не могли обеспечить достаточной температуры для длительной консервации мяса в летние месяцы. Интересно, что, хотя подобные каменные ямы временного назначения нам никогда не встречались при обследовании эскимосских поселений, сами чаплинские эскимосы знают об их существовании и называют их особым термином *пыгивигыт* в отличие от обычных мясных ям. По утверждению одного из бывших жителей поселка Сиклюк, ямы на осыпи можно назвать именно этим словом.

Три ямы (№ 11, 14 и 72) были перекрыты сверху сильно разрушенными средними и мелкими черепами гренландских китов (рис. 37, 38). Использование китовых черепов для верхней кладки мясных ям также ни разу не встретилось нам при обследовании старых эскимосских поселков на азиатском берегу.

Для взятия образцов мяса мы произвели зачистку ям 11 и 72. Яма 11 представляет собой глубокий колодец на самом конце осыпи, сложенный из средних и крупных валунов. Днище ямы заметно шире, чем наружное отверстие (размеры последнего 95×85 см, днища 130×120 см; глубина ямы 75—80 см от верхнего края наружной стенки). Днище ямы ровное, покрыто мхом. Сразу за тонким слоем дернины начинается черный гумусный перегной, под которым (на глубине 80 см от верхнего края) был найден пласт плотного ярко-оранжевого мумифицированного мяса. Поверхность мяса покрыта черной коркой, напоминающей перегнившую мумифицированную кожу; в верхней части оно густо пронизано корнями растений. Судя по зачистке, в яме находилось большое количество мяса, оно располагалось по всему днищу слоем не менее 15 см; в нем попадались включения гальки и сланцевых

Рис. 37. Яма 14, перекрытая китовым черепом

Рис. 38. Яма 11, перекрытая китовым черепом

обломков. Днище ямы под слоем мяса выложено из плоских окатанных галечных валунов, образуя плотный «пол». При его вскрытии оказалось, что мясо местами затекло между галькой и спускается ниже. На глубине около 100—105 см от наружного отверстия ямы был обнаружен второй слой каменного пола, под которым уже сразу залегал уровень стоячих грунтовых вод.

В отличие от ямы 11 и большинства ям Китовой аллеи яма 72 была вырыта в грунте, а не в осыпи. Она представляет собой отверстие круглой формы диаметром 160 см, на южную стенку его положен небольшой череп гренландского кита с обломанными скуловыми костями. Рядом с ним также на край ямы положен обломок верхней китовой челюсти длиной 140 см. Прочие стенки ямы сложены крупными валунами, причем в северной части они лежат прямо на грунте, а в южной, более низкой, образуют искусственную кладку таким образом, что китовый череп одним своим краем лежит на поверхности грунта, а другим — на валунах. На глубине 30—35 см от нижнего края челюсти по всей поверхности ямы залегает бурая субстанция, перемешанная с галькой, местами со следами закопченности. При зачистке она приобретает серо-желтый цвет. Во многих местах эта масса насыщена мелкими фрагментами уса гренландского кита. На днище ямы в нескольких местах найдены обломки крупных, скорее всего китовых костей. Бурая масса залегает до глубины 70 см от нижнего края челюсти (или 135 см от уровня верхнего отверстия ямы); ниже расположен слой плотно уложенных камней («пол»), под которым, в свою очередь, были обнаружены новые пласты бурой субстанции.

Обе ямы представляют собой, как видно, достаточно сложные конструкции, предназначенные явно не для однократного использования. Сейчас трудно определить, мясо каких животных в них закладывалось; однако находки китового уса в яме 72 наводят на мысль, что в ней хранилось китовое мясо. Совершенно иное по цвету и фактуре мясо в яме 11 могло быть моржовым. В некоторых местах в обеих ямах найденная масса напоминает так называемый *пуя* — остатки жира, сока и мясных обрезков, просачивавшихся обычно в грунт мясной ямы и оседавших на ее дне.

Ямы, расположенные в верхней части осыпи, имеют другой характер. Они напоминают колодцы из крупных валунов, выложенные прямо в русле камнепада; во многих из них имеются обломки моржовых и мелких китовых костей, однако едва ли можно полагать, что в них длительное время хранилось мясо. Одна из таких ям в нижней части осыпи была специально зачищена для определения ее конструкции. Она представляет собой узкий колодец в теле каменной осыпи, обрамленный на поверхности четырьмя очень крупными валунами, диаметр наружного отверстия ямы 55×80 см, днища — 40×50 см. При строительстве ямы сначала был выложен неглубокий колодец, дно которого закрыли плоскими плитами, а стенки укрепили поставленными вертикально крупными каменными блоками. При зачистке ямы эта конструкция видна очень хорошо, в том числе «пол» и залегающая ниже его

ненарушенная осыпь. Под тонкой моховой подстилкой на дне ямы залегал пласт темно-бурого мяса мощностью всего 5—8 см, с обилием в верхнем слое рыжих волосков и остатками китового уса.

Ямы, расположенные выше по осыпи, имели чистые каменные днища и, судя по всему, так и не использовались ни разу для хранения мяса.

В центральной части восточной осыпи расположен комплекс сооружений, которые, как представляется, могли служить функциональным центром всего памятника. От столба М₁ вверх по осыпи тянется выложенная в камнепаде относительно прямая дорога (дромос) шириной около 1 м и длиной около 50 м. Дромос распадается на три участка: самый большой, длиной 28 м, абсолютно прямой, проложен по небольшому задернованному гребню, возвышающемуся над осыпью на 0,5 м; второй представляет собой тропу шириной около 1 м, заглубленную в тело осыпи на 0,4—0,5 м, с задернованной поверхностью; третий имеет вид тропы в каменной осыпи длиной около 20 м, идущей по окружности большой кольцевой структуры, из крупных валунов диаметром 4—4,5 м, условно названной нами главным святилищем. Эта часть дромоса образует искусственный желоб, обрамленный по краям валом из крупных валунов высотой до 80 см (рис. 39).

Главное святилище являет собой площадку с ровным, местами задернованным плоским дном, окаймленную валом высотой до 30—40 см из крупных валунов, открытым в сторону основной линии дромоса (рис. 40). В центре площадки расположен большой плоский валун (50 × 80 см) грубой трапецевидной формы. Внутри кольца в изобилии разбросаны обломки моржовых и китовых костей, а близ южной стенки каменного кольца лежит небольшой ярко-белый кварцевый валун. У основания той же стенки был обнаружен очаг из небольших камней, заполненный золой (рис. 41). Зольник очага хорошо прослеживался с поверхности, что позволяет судить о том, что последний раз огонь разводился здесь сравнительно недавно.

В северной части восточной осыпи, в 10 м от края линии последних мясных ям, расположен небольшой, сильно разрушенный череп кита, окруженный кольцом камней диаметром 2,5 м (рис. 42). За пределами кольца лежат три обломка нижней китовой челюсти.

5. *Прочие сооружения.* Рассмотрим две группы сооружений, связь которых с Китовой аллеей проблематична. Первая представлена двумя сериями каменных колец, расположенных на поверхности небольшого задернованного каменного уступа в нижней части склона сопки Амаралык, прямо над группой столбов Q. Три эллипсообразных кольца диаметром 1—1,2 м соприкасаются друг с другом таким образом, что образуют фигуру, подобную клеверному листу. Выше по склону прослеживаются такие же одиночные круги из камней, но гораздо менее выраженные. Внешний вид их напоминает многочисленные каменные выкладки различного назначения, в изобилии встречающиеся в чукотской

Рис 39. Кладка стенки главного святилища

Рис. 40. Внутренность кольца главного святилища

Рис. 41. Зольник очага в главном святилище

Рис. 42. Китовый череп в кольце из камней на осыпи

тундре и обязанные своим происхождением, по всей вероятности, деятельности оленных чукчей. Возможно, что некоторые из них представляют собой просто оградки могил, хотя следов захоронений в них не найдено.

Вторая группа состоит из нечетко выраженного каменного кольца, расположенного примерно в 150 м от Китовой аллеи выше по склону сопки Амаралык. От задернованной части склона вверх по осыпи к нему тянется каменная тропа, скорее всего искусственного происхождения. Это место могло использоваться в качестве наблюдательного пункта, с него открывается хороший обзор всей прилегающей акватории. Существование подобных «наблюдательных пунктов» известно в некоторых местах побережья, в частности в поселке Аваи и на мысах Чаплина и Чини.

Необычность облика памятника

На территории Китовой аллеи, кроме черепов и вкопанных столбов из нижних челюстей, каких-либо других частей китовых скелетов практически нет. В некоторых ямах, правда, найдены отдельные мелкие позвонки и фрагменты ребер небольшого размера, что указывает на их принадлежность либо серым китам, либо детенышам гренландских, но не взрослым особям, от которых происходит вкопанные на косе черепа и челюсти. Найденные же в ямах сравнительно небольшие кости, по всей видимости, попали туда не в качестве специального строительного материала, поскольку они валялись либо на дне ямы, либо просто на осыпи. Вообще для перекрытия мясных ям эскимосы широко использовали крупные китовые ребра, на которые укладывали лопатки. Тем более примечательно, что перекрытий из лопаток в мясных ямах на каменной осыпи Китовой аллеи найти не удалось, и это может служить еще одним косвенным указанием на то, что данные мясные ямы не были рассчитаны на длительное, постоянное использование.

Мы не производили раскопки на землянках поселка Сиклюк. Несомненно, такие раскопки дали бы некоторое количество крупных ребер и лопаток, которые были ценным и излюбленным материалом для сооружения землянок. Однако столь же несомненно, что общее количество таких костей, использованных при подобном строительстве, никак не сопоставимо с огромной массой костного материала, который был бы получен от разделки более полусотни китов, черепа которых вкопаны вдоль линии берега.

Другой примечательной особенностью Китовой аллеи является практически полное отсутствие каких-либо артефактов как прямо на поверхности, так и в немногочисленных заложенных нами шурфах или зачищенных ямах. Напомним, что именно в мясных ямах С. И. Руденко, проводивший археологические разведки древних эскимосских поселений Юго-Восточной Чукотки, находил огромное количество датирующих предметов (Руденко, 1947). Нами же за время работы на Китовой аллее, если не считать большого числа винтовочных гильз, нескольких явно поздних обломков

железных изделий (крючки, закидушки, обломок железной оковки от ящика, металлическое острие и т. д.), были найдены только три костяных изделия. Это скребок-корытце из ямы 72 на глубине 25 см под китовой челюстью, очень похожее на такие же корытца из Уэленского и Эквенского могильников (Арутюнов, Сергеев, 1969, 143, 148), сделанное также из моржового клыка и неорнаментированное. Вторым предметом является закидушка из моржового клыка длиной 9 см, скорее всего позднего происхождения, найденная под черепом 4. В группе черепов 15 прямо на поверхности был найден третий костяной предмет — маленький гарпун со вставленным металлическим острием типа гарпунов XIX—первой половины XX в. В нескольких местах были обнаружены также обломки ребер ластоногих с заточенными остриями, явно обработанными металлическими орудиями. Таким образом, никаких датирующих предметов на Китовой аллее нам пока найти не удалось. В шурфах и зачистках обнаружены многочисленные кострища, следы очагов и обугленные кости моржей и мелких ластоногих. Наиболее примечательно, что они встретились при зачистке оснований черепов и столбов на нескольких горизонтальных уровнях, что предполагает неоднократные пиршества возле этих объектов. Топливом для костров во всех случаях служили кости морских млекопитающих; древесный уголь, столь важный для радиоуглеродного анализа, нами на Китовой аллее не найден.

Весьма разнородные, часто имеющие собственную, достаточно сложную внутреннюю структуру компоненты, составляющие Китовую аллею, образуют в совокупности, как мы видим, своеобразный и необычайно сложный комплекс, который не находит аналогий среди известных памятников древних эскимосских культур. Некоторые элементы Китовой аллеи, как, например, отдельно стоящие столбы или кольцевые каменные выкладки, достаточно хорошо известны по многим памятникам эскимосского ареала, но встречаются в совершенно ином контексте. Другие элементы внешне напоминают уже известные сооружения, например ямы с фланкирующими черепами, использовавшиеся обычно для захоронений в пунукский период, однако здесь они имеют другой характер. Наконец, третья группа элементов включает в себя такие сооружения, которые совершенно необычны сами по себе и нигде более не известны пока на территории Арктики. Таковы прежде всего группы вкопанных китовых черепов. Необычность их заключается как в способе, которым они вкопаны в галечный грунт, так и в строгом, геометрически правильном порядке их расположения. Почти нигде не встречаются и столбы из китовых челюстей, поставленных попарно и образующих своеобразные арки; единственным исключением могут считаться такие парные столбы в Ярге (см. ниже), расположенные прямо напротив Китовой аллеи на южном берегу Аракамчечена. Китовый череп в кольце из камней, насколько нам известно, имеет параллель только на Чинийском могильнике (Диков, 1974, 12), где в подобной кольцевой структуре находился череп касатки. Нам не известны также кольцевые струк-

туры с очагами, подобные той, которую мы здесь условно называем Главным святилищем, равно как и каменные выкладки-дороги в каменистых осыпях.

Встает вопрос: как можно объяснить возникновение столь своеобразного комплекса и сочетание в нем таких противоречивых черт, одни из которых (кольцевые каменные кладки) более всего перекликаются с комплексом погребального ритуала, а другие (мясные ямы), казалось бы, немыслимы вне поселений. Хотя распространенная в археологии тенденция объяснять любое непонятное явление его ритуальными функциями неоднократно была объектом заслуженной иронии, тем не менее трудно подыскать для такого памятника, как Китовая аллея, какое-либо более рациональное истолкование. Скорее всего, мы действительно имеем дело с культовым сооружением крупных масштабов, отражающим определенную ритуальную систему, которая, разумеется, могла иметь помимо чисто ритуального содержания также и какое-то другое, более рациональное, социальное, экономическое и коммуникативное значение. Интерпретация Китовой аллеи, впрочем, сильно затруднена тем фактом, что памятники или сооружения подобного рода до сих пор не обнаружены (или, во всяком случае, не опубликованы) не только в зоне распространения эскимосских культур, но и во всей циркумполярной области.

Глава вторая

ПРОЧИЕ ПАМЯТНИКИ ОСТРОВА ЫТТЫГРАН И ПРИЛЕГАЮЩЕЙ ТЕРРИТОРИИ

Обнаружение на о-ве Ыттыгран столь необычного памятника, как Китовая аллея, поставило перед нами задачу возможно более детально обследовать окружающую территорию, с тем чтобы по возможности представить тот культурно-исторический, а также природный контекст, в котором был создан и функционировал этот памятник. С археологической точки зрения весь этот район вообще никогда не исследовался, если не считать очень кратковременного пребывания здесь в 1945 г. С. И. Руденко, который провел небольшие разведочные работы на крайней восточной оконечности Аракамчечена и на мысе Чаплина (Руденко, 1947, 35—39). К сожалению, ограниченность срока работ, а также хорошо знакомая всем исследователям Чукотки неустойчивость погодных условий пока не позволили нам выполнить эту задачу с желаемой полнотой, и несомненно, что в этом отношении многое еще предстоит сделать. Однако уже и то, что удалось обследовать в сезоны 1976, 1977 и 1979 гг., представляет несомненный интерес.

Ряд обнаруженных в ходе этих работ памятников может быть

увязан с Китовой аллеей и истолкован как комплекс функционально соотнесенных с ней сооружений. Другие памятники, напротив, не поддаются подобной увязке и, как показывают результаты исследований, скорее всего относятся к другим хронологическим периодам. Однако их описание в данной книге представляется авторам уместным как для того, чтобы дать общее историко-археологическое представление о данном районе, так и в силу уже отмечавшейся его практически полной неизученности.

Поселение Сиклюк

Рассмотрение памятников, находившихся в соседстве с Китовой аллеей, следует начать с тех из них, которые расположены в непосредственной близости от нее, на той же косе Синракак. Это поселок Сиклюк, в котором несколько эскимосских семей жило вплоть до 1950 г. Само местоположение этого поселка несколько необычно. Почти все известные нам эскимосские поселения, как древние, так и исторически более поздние, находились либо непосредственно на галечных косах, но у самого их основания, либо — еще чаще — на склонах прибрежных сопок в том месте, где от них отчленяется начало галечной косы. Примеры расположения эскимосских поселений на оконечности косы чрезвычайно редки, и каждый раз для этого имелась своя особая причина. Выбор места поселения можно считать определенным стереотипом эскимосского пространственно-экологического мышления, и, исходя из него, наилучшим местом для поселка в бухте Сиклюк было бы как раз место, занятое Китовой аллеей. Поэтому создается впечатление, что поселок мог быть создан в период, когда Китовая аллея уже существовала, и его строителям пришлось довольствоваться оставшимся свободным пространством (рис. 43, см. рис. 4).

В отличие от Китовой аллеи, где большинство структурных элементов отчетливо выявляются уже при глазомерной съемке, а шурфы и зачистки позволяют уточнить лишь частные детали, остатки поселка Сиклюк требуют стационарных археологических раскопок. В настоящее время эти остатки сгруппированы компактно на площади протяженностью 250 м вдоль косы и представлены в виде больших бугров грубо овальной формы (диаметром 20—30 м, порой даже до 50 м), возвышающихся над уровнем моря на 6—7 м и заросших обильной травянистой растительностью (рис. 44). Грунт, из которого сложены эти холмы, на 1—1,5 м от поверхности представляет собой темную рассыпчатую массу с обилием органических остатков, перегнивших костей и т. п.; никаких следов вечной мерзлоты или застойных грунтовых вод здесь не обнаружено. Некоторые бугры имеют наверху крупные воронки диаметром до 7—8 м с выступающими кое-где на поверхность обломками китовых костей. На первый взгляд эти воронки легко идентифицируются с остатками жилища, хотя и выглядят иначе, чем остатки древних жилищ в других древнеэскимосских поселениях — Сирениках, Киваке, Эквене и т. д.

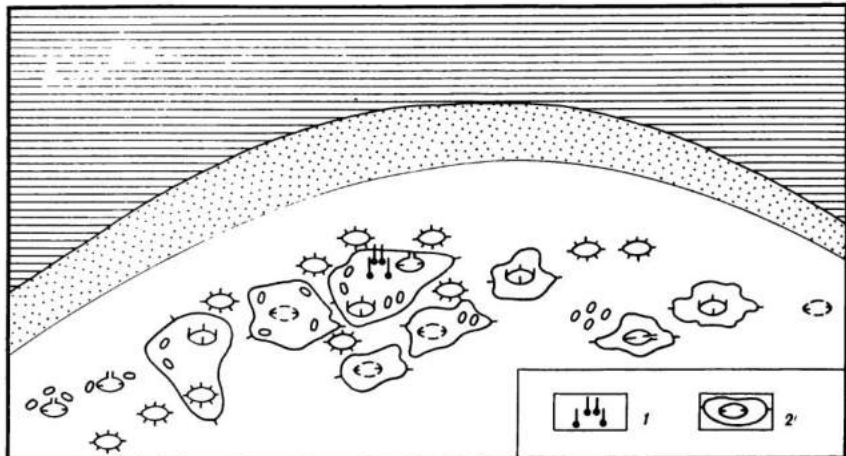

Рис. 43. Поселение Сиклюк

1 — деревянные байдарные сушила; 2 — буграх; прочие обозначения те же, что воронки и остатки полуземлянок на и на рис. 4

При глазомерной съемке и предварительном исследовании остатков поселка Сиклюк на нем могут быть выделены следы трех хронологически различных поселений. Первое, наиболее позднее, представлено сейчас в разной степени выраженными кольцами от 11 яранг эскимосского типа, поздними мясными ямами обычной конструкции с перекрытиями из ребер кита и лопаточных костей (рис. 45) и совсем поздними деревянными постройками: избушкой и деревянными помостами (сушилами) для хранения байдар и вельботов. Еще одно четко выраженное кольцо из камней — вероятно, следы от недавно стоявшей чукотской оленеводческой яранги — найдено на противоположном от поселка конце Китовой аллеи выше по склону над крайним столбом В. Все это остатки позднего поселка, существовавшего с конца XIX в. по 1950 г., от которого сохранились многие примечательные предметы вроде крупного валуна длиной около 1 м и толщиной около 35 см, в котором были просверлены четыре сквозных отверстия (рис. 46). Камень этот, по воспоминаниям, в течение нескольких поколений использовался для крепления центрального столба яранги.

Стратиграфически и хронологически предшествующее поселение представлено остатками четырех слегка заглубленных в землю жилищ каркасного типа, перекрытия которых были сделаны из челюстных костей кита; такие жилища известны на Чукотском побережье под чукотским названием *уалькара* (чук. *валкыран*), т. е. «из челюстей кита дом» (Леонтьев, 1972, 83; Вдовин, 1965, 46), и, по нашему мнению, являются переходным типом жилища между полуземлянками типа нынлю и наземными каркасными жилищами XIX—XX вв., известными под термином яранга. Сохранившиеся обломки китовых костей, использовавшихся для пере-

Рис. 44. Холмы с воронками древних жилищ в Сиклюке

Рис. 45. Мясная яма XX в. в Сиклюке

крытия свода, выглядят гораздо более свежими, чем кости на Китовой аллее, а общая слабая выветренность костной ткани указывает на их сравнительно молодой возраст (рис. 47, 48).

Все прочие остатки жилищ и связанные с ними сооружения (рис. 49) относятся к еще более ранним этапам заселения Сиклюка. Это небольшие, сильно заросшие воронки диаметром 8—10 м,

Рис. 46. Валун с искусственными отверстиями в Сиклюке

Рис. 47. Поселок Сиклюк — остатки *уальнар*. Виден свежий характер китовой кости

Рис. 48. Поселок Сиклюк. Остатки каркаса жилища типа уалькара

Рис. 49. Традиционная мясная яма в Сиклюке, при строительстве которой были использованы черепа с Китовой аллеи

обрамленные слабовыраженным валом. Остатки перекрытий и входов не сохранились. Ориентацию входа удалось реконструировать только для трех таких воронок: у двух, стоявших ближе к морю, он направлен к пляжу, т. е. на запад, а у третьей — на север, вдоль линии косы.

Только четыре такие воронки, одна из которых расположена уже на территории Китовой аллеи, действительно похожи на остатки древних землянок, в изобилии встречающихся на побережье юго-восточной Чукотки (Крупник, 1981). Все же прочие заметно отличаются от них невыраженностью основных конструктивных элементов и, главное, несвойственной для этого региона интенсивностью органической переработки следов древнего поселения. Даже самые древние полуземлянки двухтысячелетнего возраста имеют на Чукотке вид небольших воронок, иногда прямо на поверхности, с торчащими обломками разрушенных костей, еле прикрытых тонким слоем почвы. Воронки же Сиклюка расположены на холмах, больше всего напоминающих древние курганы, с не менее чем метровым слоем гумусного горизонта, немыслимым при обычных темпах почвообразования в данных географических условиях. Даже если предположить, что эти «курганы» возникли на месте скопления большого количества останков китов, мы все же не сможем объяснить столь высокую интенсивность почвообразовательных процессов, которая привела к превращению за сравнительно недолгий срок китовых костей в гумусный горизонт. Весь наш опыт работы на Чукотке показывает, что в обычных условиях даже полуразложившиеся китовые кости двухтысячелетнего возраста резко отличаются от обычного гумусного грунта.

Однако даже те воронки, которые сейчас похожи на остатки древних землянок, могут не всегда оказаться следами древних жилищ. Это хорошо показала проведенная нами зачистка боковой стенки наружного вала, окаймлявшего одну из них, расположенную у подножья крупного холма на вершине небольшого овального холмика размером $5-6 \times 8-10$ м. Ее глубина от вершины наружного валика $70-80$ см. В обнажении стенки сверху залегал слой дернины мощностью до $40-50$ см, густо переплетенный корнями растений, ниже которого начиналась сплошная каменная кладка из крупных валунов размером 30×40 см и весом до $30-35$ кг. В этой кладке в обнажении был найден маленький кусочек обсидиана, длиной 2 см и шириной 1 см, напоминающий резец. Насколько нам известно, это первая находка обсидиана в древних памятниках Юго-Востока Чукотки. Никаких других предметов, кроме небольшого количества костей ластиногих под самой дерниной и большого позвонка гренландского кита в самой кладке, в обнажении не обнаружено. С внутренней стенки воронки обнажение вскрыло остатки мусорной кучи первой половины XX в. Насколько можно судить, каменная кладка из крупных валунов тянется по всей окружности вала, в центре которого, кроме поздней мусорной кучи, ничего не обнаружено. Можно предположить, что

эта каменная кладка могла служить фундаментом или даже боковыми стенками полуподземного жилища. Но жилища такого типа на чукотском берегу пока неизвестны, или, по крайней мере, не описаны. Поздняя мусорная куча была оставлена жителями яранги, стоявшей на холме в нескольких метрах выше этой воронки.

Все эти факты затрудняют интерпретацию древнего поселения в Сиклюке без археологических раскопок. Многие его элементы отличаются от остатков других эскимосских поселений, осмотренных нами в этом районе. Совершенно необъяснимым пока остается наличие мощного слоя гумуса на холмах в Сиклюке. Это либо проявление какой-то повышенной локальной интенсивности процессов почвообразования, либо это бугры искусственного происхождения. Наконец, интерпретация древних жилищ затрудняется и тем, что обитатели более поздних поселений использовали и значительно трансформировали остатки предшествовавших поселков, так что их наружные первоначальные детали не поддаются реконструкции. Что же касается каменного кольца в фундаменте предполагаемой полуземлянки (не имеющего аналогий в древних эскимосских жилищах на Чукотке), то оно перекликается с каменными кольцевыми выкладками различного типа и каменным «жилищем» на самой Китовой аллее.

К комплексу находок, имеющих отношение к поселку Сиклюк, следует отнести и два могильника, обнаруженных в непосредственной близости от него. Первый из них, более крупный, находится на каменистой осыпи на вершине сопки Амаралык. Хотя точное количество могил определить трудно, поскольку многие из них сильно разрушены, можно с определенностью утверждать, что все они относятся к позднему времени и оставлены населением поселка Сиклюк в XX в. Большинство могил (всего мы насчитали 15 взрослых и 7 детских) содержат останки, захороненные в дощатых гробах, не очень плотно приваленных камнями. Над некоторыми захоронениями установлены деревянные обелиски с жестяными звездами. Это позволяет датировать могильник временем, непосредственно предшествующим закрытию поселка, т. е. серединой XX в. Принимая за основу расчетов смертность взрослого населения в традиционном эскимосском обществе XIX — начала XX в. 20% (при общей смертности населения 40—50%), можно реконструировать время существования могильника при поселке в 40—50 человек в 20—25 лет, т. е. с середины 20-х годов и до закрытия поселка.

Второй могильник на плоском выступе Кунурак (*Куңурақ*, эск., «кладбище»), у юго-западного склона сопки Югахтахак, т. е. непосредственно над территорией поселка, сохранился еще хуже первого. На нем отчетливо прослеживаются остатки двух-трех десятков могил, представляющих небольшие навалы камней, типичные для эскимосских захоронений XIX — начала XX в. В двух могилах имеются обломки деревянных гробов, останки в них почти не сохранились, но отдельные кости разбросаны по всей территории могильника. Инвентарь захоронений, беспорядочно

рассеянный по всей территории кладбища, состоит из обломков фарфоровой и металлической посуды русского и иностранного производства конца XIX—начала XX в. Таким образом, второй могильник можно датировать временем, непосредственно предшествующим возникновению первого, т. е. от конца XIX в. и до середины 1920-х годов. Одно из возможных объяснений существования двух могильников в столь маленьком поселке можно найти в переселении сюда примерно в 1930-х годах жителей соседнего поселка Напакутак, продолжавших в течение некоторого времени сохранять свою обособленность.

В окрестностях Сиклюка, в радиусе 2—3 км, в прилегающей тундре также встречаются отдельные могилы, относящиеся к современному периоду. Наиболее крупное их сосредоточение обнаружено в районе крайнего северо-восточного мыса о-ва Ыттыгран на небольшой каменистой возвышенности. Там наряду с захоронениями в дощатых гробах, заваленных камнями и отмеченных деревянными обелисками со звездами, встречаются и плоские утрамбованные площадки, окруженные кольцом камней с крупным валуном в изголовье. Этот тип захоронений связывается местным эскимосским населением с оленеводами-чукчами, что позволяет рассматривать все тундровые погребения, в том числе и в гробах, как чукотские.

Могильники более раннего времени ни в самом Сиклюке, ни в его окрестностях нами не обнаружены. Однако не исключено, что при более детальных исследованиях такие захоронения могут быть еще открыты.

Поселение Напакутак

Второе относительно крупное заброшенное поселение на о-ве Ыттыгран — Напакутак — Столбовое (Меновщиков, 1972, 128) располагалось на юго-восточной оконечности острова в дугообразной бухте, открытой в восточном направлении и ограниченной с севера и юга обрывающимися к морю сопками Найрахпак (*Най-гадпах*) и Инрилюкак (*Ингилюкак*). Напакутак был оставлен жителями в 1930—1934 гг., когда основная часть его населения переселилась в Сиклюк, а остальная — в Старое Чаплино.

В Напакутате нами были найдены следы трех разновременных поселений (рис. 50). Одно из них, самое позднее, Напакутак III, из которого, по сообщениям информантов, и произошло переселение в Сиклюк, находилось на северо-восточной оконечности бухты на невысоком продолговатом отроге сопки Найрахпак. От него сохранились следы 11 относительно свежих яраночных колец и фундамент деревянного дома; ниже их на берегу стояли остатки разрушенных байдарных сушил из китовых челюстей (рис. 51). Далее к юго-западу, в самой вершине бухты, узкая галечная коса отчленяет заболоченную и сильно заросшую лагуну, сложенную крупной галькой и обильно поросшую элимусом. Длина косы 650 м, ширина у основания 45—50 м. у северо-восточ-

ной оконечности — 15—20 м; ее средняя часть разрушается штормовыми волнами.

У оконечности косы, в 10—15 м от русла речки, были найдены два лежащих черепа гренландского кита и пенек от некогда вкопанного столба из китовой челюсти. На противоположном конце косы, ближе к ее основанию, сохранились остатки древнего поселения из 7 землянок, представленных теперь сильно заплывшими воронками диаметром 10—12 м, вход обращен в большинстве на юго-запад, примерно вдоль линии косы. Никаких следов выступающих на поверхность китовых костей в землянках Напакутака обнаружено не было. В отличие от развалин большинства древнеэскимосских землянок они не выделяются на поверхности более мощной и темной растительностью и поросли в основном тем же элимусом, что и остальная часть косы. В 30 м от крайней землянки сохранился пенек от вкопанного когда-то столба из китовой челюсти; обломок другого такого столба высотой около 1,5 м стоит между двумя последними землянками на западной бровке косы, обращенной к лагуне. Наконец, еще один крупный столб высотой до 5 м поставлен в основании косы у южного края поселка. Под ним в 1976 г. были обнаружены остатки трех деревянных эскимосских блюд для мяса (*каютак*).

Юго-западнее земляночного поселения, уже на склоне сопки Инрилюкак, на двух относительно пологих террасах сохранились следы еще одного поселка — Напакутак II; это яраночные кольца, фундамент четырехугольного дома и нечеткая воронка, по-видимому, от небольшой землянки. Шесть колец, фундамент дома и остатки землянки располагались на верхней террасе, вытянувшись в одну линию перпендикулярно берегу; еще семь яраночных колец находились на нижней террасе. В западной части нижней террасы была найдена необычная кольцевая структура из двух концентрических кругов диаметром 4 и 8 м. Внутреннее кольцо выложено на вершине небольшого земляного вала и состоит из четырех отдельных групп камней, напоминающих сидения и ориентированных грубо по сторонам света. Внешнее кольцо выложено из обломков китовых челюстей и позвонков. В центре внутреннего кольца, в небольшой воронке, лежит олений рог; вокруг всего сооружения беспорядочно разбросаны моржовые кости.

Выше по склону сопки Инрилюкак в каменистой осыпи прослеживаются остатки могильника в виде небольших, явно искусственных нагромождений валунов и неглубоких воронок.

В итоге история поселка Напакутак может быть реконструирована следующим образом. Наиболее древним, несомненно, являлось земляночное поселение на косе — Напакутак I. Вместе с тем отсутствие выступающих на поверхность китовых костей и малая мощность гумусного слоя на землянках свидетельствуют о том, что они были обитаемы весьма непродолжительное время либо, что также не исключено, земляночное поселение могло быть смыто или даже на какой-то период затоплено морем. Следующим по возрасту является поселение на склоне сопки Инрилюкак — Напакутак II,

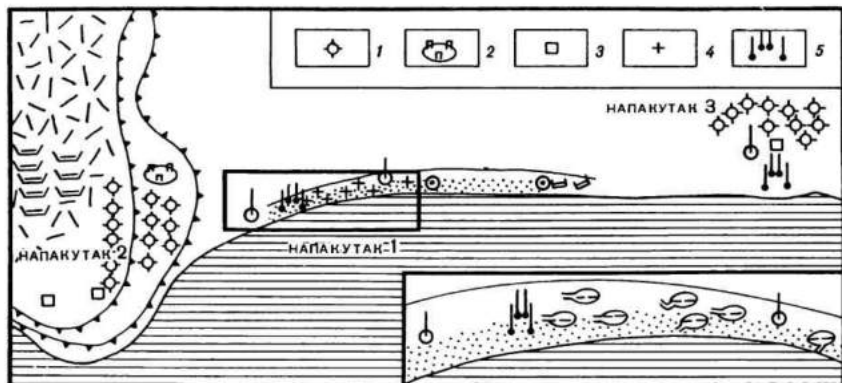

Рис. 50. Поселение Напакутак

1 — следы от стоявших яранг, 2 — кольцевой жертвенник, 3 — след деревянного домика, 4 — полужемлянки, 5 — байдар-

ные сушила из челюстей кита; прочие обозначения те же, что и на рис. 4, 7, 43

Рис. 51. Обломки байдарных сушил в поселении Напакутак

существовавшее, по-видимому, в течение XIX в. Об этом говорит как более стационарный характер составлявших его яранг, обложенных по окружности крупными валунами и обломками китовых костей, так и сохранившиеся ниже по склону остатки сильно разрушенной старой посуды американского производства. Наконец, в самом начале XX в. жители Напакутака II переселились на противоположный конец бухты и основали новый поселок — Напакутак III, откуда уже в 30-е годы перебрались в Сиклюк и Старое Чаплино. Память об этом хорошо сохранилась у последних обитателей Напакутака, проживающих сейчас в Новом Чаплине. Связь между поселениями Напакутак I и Напакутак II гораздо проблематичнее. Скорее всего в связи с отсутствием жилищ переходного типа их разделяет довольно значительный временной интервал, в течение которого бухта Напакутака могла быть и необитаема. Одной из причин такого временного разрыва вполне допустимо считать период поднятия уровня моря или сильных штормов, оставивший следы затопления на галечной косе.

Другие поселения острова Ыттыгран

Западнее Напакутака, за сопкой Инрилюкак, в небольшой бухточке, открытой в пролив между о-вом Ыттыгран и материком и имеющей эскимосское название Сивурат (*Сивуҕат*), были найдены следы еще одного маленького поселения. Оно состояло из пяти небольших землянок, располагавшихся у основания длинной галечной косы, отчленяющей мелкую, сильно опресненную лагуну. На косе были беспорядочно разбросаны два черепа гренландских китов и один более мелкий череп, очевидно серого кита, и большое количество моржовых костей.

Еще далее к западу, в 150 м по берегу, на невысоком платообразном уступе, занятом крупнообломочной каменистой осыпью, обнаружено было более сотни поставленных вертикально каменных менгирообразных плит высотой 80—130 см (рис. 52). Все они были привалены у основания камнями меньшего размера. Подобные поля каменных стел известны по описаниям на Чинийском могильнике (Диков, 1974, 9) и над чукотским могильником XVIII—XX в. близ с. Нунямо; во всех случаях они располагаются на возвышенных участках и бывают хорошо видны с далекого расстояния. Такого рода сооружения известны современным эскимосам, которые называют их *югаҕыт*, что означает «подобный человеку». Согласно устной традиции, эти камни устанавливались для того, чтобы приближающиеся враги принимали их за войско, готовое к защите поселения. По рассказам, один такой камень стоял некогда на вершине сопки Югахтахак над поселением Сиклюк, чем и объясняется ее название.

На южной, ближней к морю оконечности осыпи был найден небольшой каменный «ящик», перекрытый двумя плоскими каменными плитами, с размером внутренней камеры 50 × 20 см. Внутри

него лежала остроконечная поделка из китового ребра длиной 25—30 см. Далее к западу от осыпи на холме, отделяющем следующую бухту, находится очень маленькая, четко очерченная воронка от землянки и несколько крупных колец от яранг.

Южный берег Ыттыграна скалист, обрывист и явно не столь богат следами древних поселений. В центральной его части находится длинная галечная коса, носящая эскимосское название Пиватынгу (*Пиѳатыну*), на которой в отдельные годы осенью моржи образуют кратковременное лежбище. Остатки поселений имеются в двух местах только на юго-западной оконечности острова. Одно из них находится на берегу бухты Тывьярак (*Тывьягак* — эск. «перевал»), названной так потому, что здесь существует удобный сквозной проход с южного на северный берег острова, который в историческое время служил наиболее удобным маршрутом при поездках вдоль чукотского побережья. Следы древних жилищ расположены здесь на небольшой террасовидной площадке, приподнятой на 5—6 м над галечной косой, отшнуровывающей от моря небольшую засыпанную лагуну. Всего здесь были три землянки с выходами, обращенными на юг в сторону моря, от которых остались воронки овальной и прямоугольной формы обычного для жилища типа «нынлю» облика. Стенки их местами укреплены обломками китовых костей и крупными валунами. Чуть выше по склону над землянками имеются кольца от двух яранг оленеводов.

Рис. 52. Скопление менгирообразных каменных плит у поселения Сивурат

Второе поселение располагалось на юго-западной оконечности о-ва Ыттыгран на берегу бухты Амьяк, также на террасовидном уступе над галечной косой. От него сохранились сейчас три печетские воронки овальной формы диаметром 2—4 м и очень четкая воронка прямоугольной формы с коридором (размер воронки 2 × 2 м), обложенная по периметру камнями. Издали остатки поселения Амьяк выглядят скоплением небольших холмов, покрытых густой травянистой растительностью; воронки сильно разрушены и переработаны евражечьими норами.

Наконец, на северо-западном берегу острова, прямо напротив Тывьярака, в бухте Стыграгвак, имеются следы еще одного небольшого поселения, состоящего из двух сильно оплывших воронок от маленьких землянок на галечной косе, и трех еще более неявных воронок в 600 м к западу, в долине небольшого ручья. В соседней, расположенной ближе к Сиклюку бухте Стыграк никаких следов обитания не обнаружено.

Таким образом, всего на о-ве Ыттыгран сейчас сохранились остатки шести разновременных древнеэскимосских поселений среднего или даже совсем малого размера. Крупнейшим из них, по-видимому, являлось поселение у бухты Сиклюк рядом с Китовой аллеей. Общее население острова, даже если допустить одновременное заселение всех расположенных на нем поселков, вряд ли когда-либо могло превышать 150—200 человек.

Мыс Кыгинин

Еще один большой комплекс памятников располагается на соседнем о-ве Аракамчечен. Его крайняя восточная оконечность — мыс Кыгинин, он отстоит от бухты Сиклюк примерно на 30 км и представляет собой платообразный массив, приподнятый на 20—30 м над уровнем моря. Северо-восточный и юго-западный края этого массива круто обрываются над нешироким галечным пляжем и интенсивно размываются морем; на северо-восточном берегу сразу за оконечностью мыса находится аракамчеченское моржовое лежбище — одно из крупнейших на побережье Чукотки, существовавшее, как можно судить по этнографическим данным, по крайней мере с середины XIX в. Учитывая устойчивость миграций и мест лежек моржей, есть все основания предполагать, что лежбище действовало и в более ранние периоды, хотя прямых свидетельств этого мы не имеем, поскольку из-за быстрого размыва берега костные останки животных уносятся морем. Сама поверхность платообразного массива Кыгинина неровная и представляет собой серию невысоких гряд-увалов, разделенных многочисленными ложбинами и понижениями, большинство из которых занято сейчас пресными озерами или сильно заболочено.

Далеко выдающийся в море высокий мыс Кыгинин с его моржовым лежбищем и обилием пресной воды представлял собой, очевидно, во все времена место, исключительно удобное для посе-

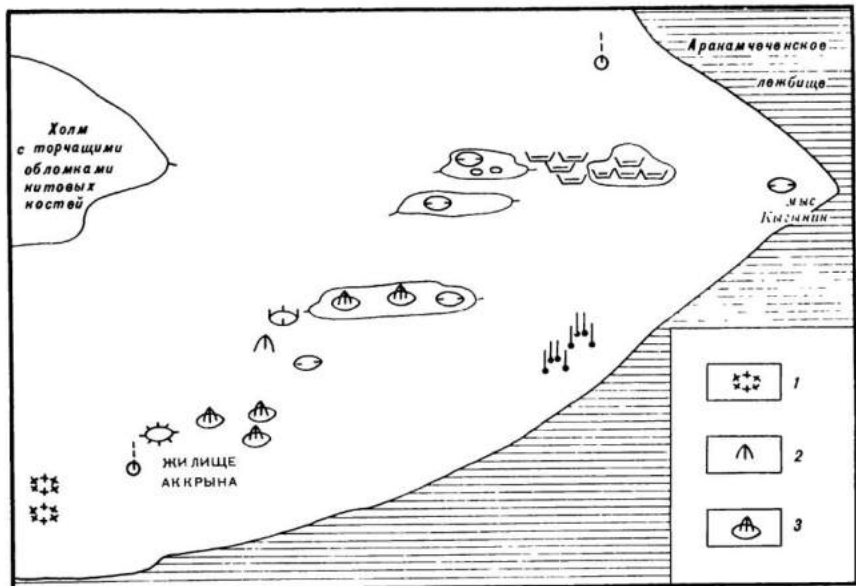

Рис. 53. Древние поселения на мысе Кыгынин

1 — кольцевые жертвенники из черепов 2 — уалькары без воронок, 3 — уалькары с воронками; прочие обозначения те же, что на рис. 4 и 43.

ления. На нем сохраняются остатки многочисленных жилищ, относящихся по меньшей мере к трем разнотипным и, по всей видимости, разновременным поселкам (рис. 53). Часть этих жилищ в 1945 г. была обследована С. И. Руденко, обнаружившим в них большое число предметов материальной культуры (Руденко, 1947, 34—35).

Первое и, очевидно, самое раннее поселение на Кыгынине существовало на самой оконечности мыса над моржовым лежбищем. В настоящее время из-за частых обвалов берега от него сохранились остатки лишь одной сильно разрушенной землянки, каркас которой был построен из костей серого кита. По своей конструкции она представляет собой классическое древнеэскимосское полуподземное жилище; в обнажении берега рядом в изобилии выступают обломки китовых, моржовых и тюленьих костей. Надо полагать, что на этом месте ранее находился более крупный поселок, сейчас полностью обрушившийся. Еще в 1945 г. С. И. Руденко застал здесь несколько землянок, сохранивших четкую квадратную форму и коридорный вход со стороны моря, а также мясные ямы, в которых при вскрытии было найдено большое число предметов (Руденко, 1947, 34). По мнению С. И. Руденко, конструкция и размеры жилища, а также характер найденных орудий указывали на позднее пунукское время обитания этой стоянки.

Существование на оконечности мыса Кыгынин в прошлом довольно крупного поселения хорошо согласуется с найденными нами да-

лее в 140 м к западу в глубь суши следами захоронений на вершине небольшого плоского холма. Захоронения достаточно четко прослеживаются по характеру грунта в насыпке могильных ям и по выступающим обломкам китовых костей; на поверхности холма были также беспорядочно разбросаны обломки нескольких человеческих черепов. Еще один могильник был найден в 150 м далее к западу также на вершине небольшого холма, на поверхности которого в изобилии выступали обломки китовых костей — позвонков, ребер, челюстей. В распадке между двумя могильниками были также разбросаны фрагменты человеческих черепов. На северном склоне второго холма, обрывающемся довольно крутым обрывом к расположенному севернее большому озеру, сохранились следы воронки диаметром 5—6 м, похожей на остатки землянки, но без выступающих на поверхность костей.

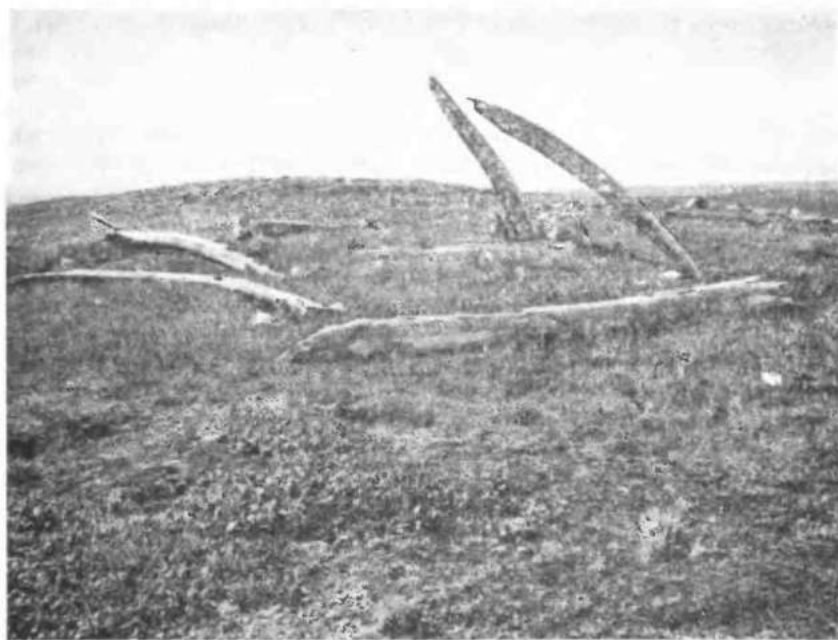
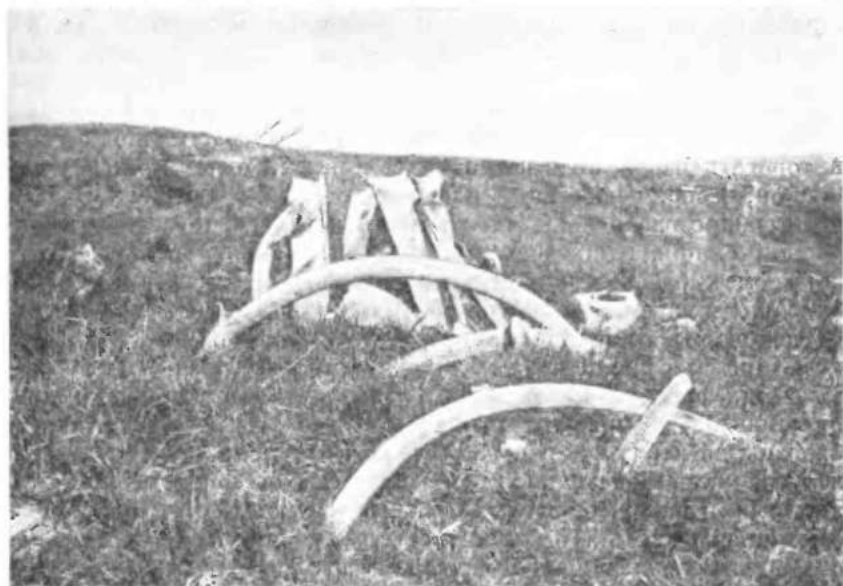
Второе поселение (или несколько однотипных поселений) мыса Кыгынин располагалось далее к западу примерно в 300—400 м от оконечности мыса. Остатки относящихся к нему жилищ разбросаны на вершинах нескольких параллельных холмистых гряд, постепенно понижающихся к обрыву юго-восточного берега. Всего здесь нами были найдены следы 9 жилищ и небольшое, хорошо сохранившееся полуподземное сооружение с низким земляным сводом и кольцевым фундаментом из шести черепов и нескольких положенных «венцом» челюстей серого кита, среднее по размеру между землянкой и крупной мясной ямой (диаметр 4—5 м).

Жилища второго поселения на мысе Кыгынин по виду резко отличаются от всех обследованных нами древнеэскимосских жилищ в районе пролива Сенявина. Это фактически наземные сооружения или же с небольшими — до 8—10 м прямоугольными воронками, заглубленными в грунт всего на 30—50 см, с наружным перекрытием, опирающимся на каркас из часто поставленных китовых челюстей и ребер (рис. 54). На двух уалькарах на мысу Кыгынин сохранились остатки свода из поставленных вертикально челюстей кита. Примечательно, что при строительстве одной из уалькар были использованы различные кости — челюсти, ребра, лопатки от двух видов китов, одни из которых, более крупные, скорее всего принадлежали гренландскому киту, а более мелкие — серому. Стенки воронки этой уалькары были выложены китовыми ребрами.

Одна из уалькар второго поселка на Кыгынине, судя по описаниям, была также обследована в 1945 г. С. И. Руденко, который заключил по характеру найденных в ней предметов (в том числе нескольких железных орудий), что она «была обитаема сравнительно недавно» (Руденко, 1947, 35). Слабая выветренность и общий относительно «свежий» характер китовых костей из каркасов уалькар также указывают, на наш взгляд, на их относительно молодой возраст.

Главной особенностью всего уалькарного поселения на Кыгынине является обилие китовых костей, использованных при его строительстве. Некоторые из уалькар сохранились в столь хоро-

Рис. 54. Развалины уалькар на мысе Кыгынги

шем состоянии, что их конструктивные черты могут быть восстановлены и соответствуют описаниям XVIII в. Всего на строительство поселения (учитывая ряд расположенных ближе к обрыву берега байдарных сушил из челюстей кита и китовые кости, выходящие на поверхность на холме в 400 м к северо-западу от основной группы жилищ) были использованы кости не менее чем от нескольких десятков китов, что указывает на существование здесь в прошлом мощного центра древнего китобойного промысла.

Вместе с тем китовые кости из развалин уалькар, насколько мы могли судить на основе визуального наблюдения, заметно отличаются от костей на Китовой аллее. Китовые черепа на Кыгынине меньше, и фактура кости у них несколько иная; китовые челюсти заметно короче, и различие между массивным нижним и более тонким верхним концом проявляется гораздо отчетливей, чем у столбов из нижних челюстей на Китовой аллее. Поэтому скорее всего китовые кости в поселении на Кыгынине принадлежат серым или каким-либо иным более мелким китам в отличие от Китовой аллеи, где представлены останки гренландских китов.

В 20 м к юго-западу от последней уалькары было найдено относительно свежее кольцо от огромной яранги диаметром 18—20 м. Это несомненно позднее жилище можно связать с небольшим поселением оседлых чукчей, основанным на Кыгынине в начале XX в. чукотским шаманом Акрыном, который, согласно преданиям, захватил Аракамчеченское моржовое лежбище. Еще одно стойбище Акрына находилось примерно в 3 км от остатков древнего поселения далее по северо-восточному берегу острова.

Одна из самых интересных находок на Кыгынине была обнаружена нами примерно в 150 м к юго-западу от «жилища Акрына», в небольшом распадке, образованном долиной ручья. Там располагались два кольцевых сооружения из камней и черепов очень маленьких серых китов, скорее всего даже китят. Одно из них, у самого русла ручья, почти разрушилось, и истинную конструкцию его определить сейчас не представляется возможным (рис. 55). Второе, расположенное чуть повыше, сохранилось хорошо. Оно представляет собой кольцо диаметром 7—8 м, окружность которого образована 25 черепами китят со скуловым диаметром от 40 до 80 см, регулярно чередующимися с крупными валунами (рис. 56). Следует полагать, что это «китовое кольцо» (аналогий которому также пока еще нет) носило ритуальный характер. Отметим, что китовые кости, использованные при строительстве уалькар поселка, принадлежали гораздо более крупным особям.

В целом остатки древних жилищ и иных сооружений занимают на выступе мыса Кыгынин весьма значительную территорию. Разведка С. И. Руденко в 1945 г., как и наше рекогносцировочное обследование 1977 г., показывает, что район мыса Кыгынин, несомненно, был одним из крупнейших центров древней приморской культуры на Чукотском полуострове. Во всяком случае, здесь располагались (или могли располагаться) самые крупные по размерам поселения во всем ареале, примыкающем к Китовой аллее.

Рис. 55. Остатки разрушенного кольцевого жертвенника на мысе Кыгынин

Рис. 56. «Китовое кольцо» из черепов китят и камней на мысе Кыгынин

Южный берег Аракамчечена

По нашему мнению, наиболее примечательной особенностью комплекса памятников на о-ве Аракамчечен является существование цепи столбов из челюстей гренландского кита (подобных столбам Китовой аллеи), которые протянулись вдоль всего южного берега острова от мыса Кыгынин до местности Ярга, расположенной примерно напротив Сиклюка. Первый из этих столбов, ныне поваленный, стоял непосредственно на мысу Кыгынин, на высоком обрыве над моржовым лежбищем. Отметим, что он был расположен собственно уже на северо-восточном берегу Аракамчечена и поставлен, очевидно, для маркировки крайней восточной оконечности острова и самого древнего поселка. Второй столб, также поваленный, стоял с южной стороны мыса примерно в 1 км от первого, вблизи уже описанного жилища Акрына.

Следующий столб, замеченный с моря (из-за сильного наката мы не смогли пристать к берегу), стоит недалеко от береговой кромки примерно в 4—5 км от второго; рядом с ним лежит крупный белый предмет, похожий издали на китовый череп. Между вторым и третьим столбами, и недалеко от косы Умерук (*Умигуқ*) просматривается с моря продолговатый бугристый холм с торчащими обломками китовых костей и более темными пятнами растительности. По внешнему виду, как мы могли судить, он напоминает остатки поселения. Второй, аналогичный ему холм был замечен нами в 5—6 км далее на запад по южному берегу острова. Четвертый столб из китовой челюсти поставлен примерно в 2—3 км от третьего в самой вершине небольшой дугообразной бухты, ограниченной с востока косой Умерук. На противоположном конце бухты, на выдающемся в море мысу Оленьем, стоит пятый столб очень крупного размера с отверстием в верхней части, по-видимому, искусственного происхождения. Он стоит на левом берегу небольшого распадка, образованного руслом ручья; рядом с ним обнаружены остатки маленькой землянки в виде заплывшей воронки диаметром 4 м. Рядом с землянкой лежит замытый в гальку крупный череп гренландского кита, намного превосходящий размерами черепа Китовой аллеи. На противоположном берегу распадка была обнаружена кольцевая структура из крупных валунов и нескольких черепов маленьких серых китов, очень похожая на описанные выше «китовые кольца» на Кыгынине, но только меньшего диаметра.

От пятого столба берег Аракамчечена резко поворачивает на запад; отсюда начинается возвышенная часть острова. В 4 км далее на запад, на мысу Тывьярак (*Тывъярак*), стоит шестой столб в месте, где в начале XX в. существовал небольшой поселок чаплинских эскимосов под названием Мейныгук. От него сохранились следы семи колец от яранг, располагавшихся в непосредственной близости от столба; остатки землянок в поселке не найдены. Под самым столбом в Мейныгуке лежит огромный валун диаметром около 1,5 м. Далее к западу в местности, носящей чукотское название Мейныатхыгыргын, с моря хорошо просматриваются пять

крупных столбов из челюстных костей кита, установленных, возможно, по кругу на невысокой террасе, на конусе выноса из распада. На склоне террасы виден серый предмет, напоминающий или череп гренландского кита, или остаток еще одного столба. Еще один столб стоит в 3—3,5 км от этого места на плоской галечной косе, отделяющей от моря озеро Ярга.

Наконец, прямо напротив Китовой аллеи в 5—6 км от Мейныгука в местности Ярга имеется система из двух пар столбов, стоящих на плоской и широкой галечной косе, отделявшей озеро Ярга от моря с западной стороны. Первая пара столбов, сейчас разрушенная, стояла почти на самом берегу моря; столбы поставлены друг против друга и образовывали в прошлом фигуру, подобную фигуре Е на Китовой аллее. Вторая хорошо сохранившаяся пара столбов такой же конструкции находится в 120 м от первой в глубь косы и не просматривается с берега (рис. 57).

Рис. 57. Парные столбы из челюстей в Ярге

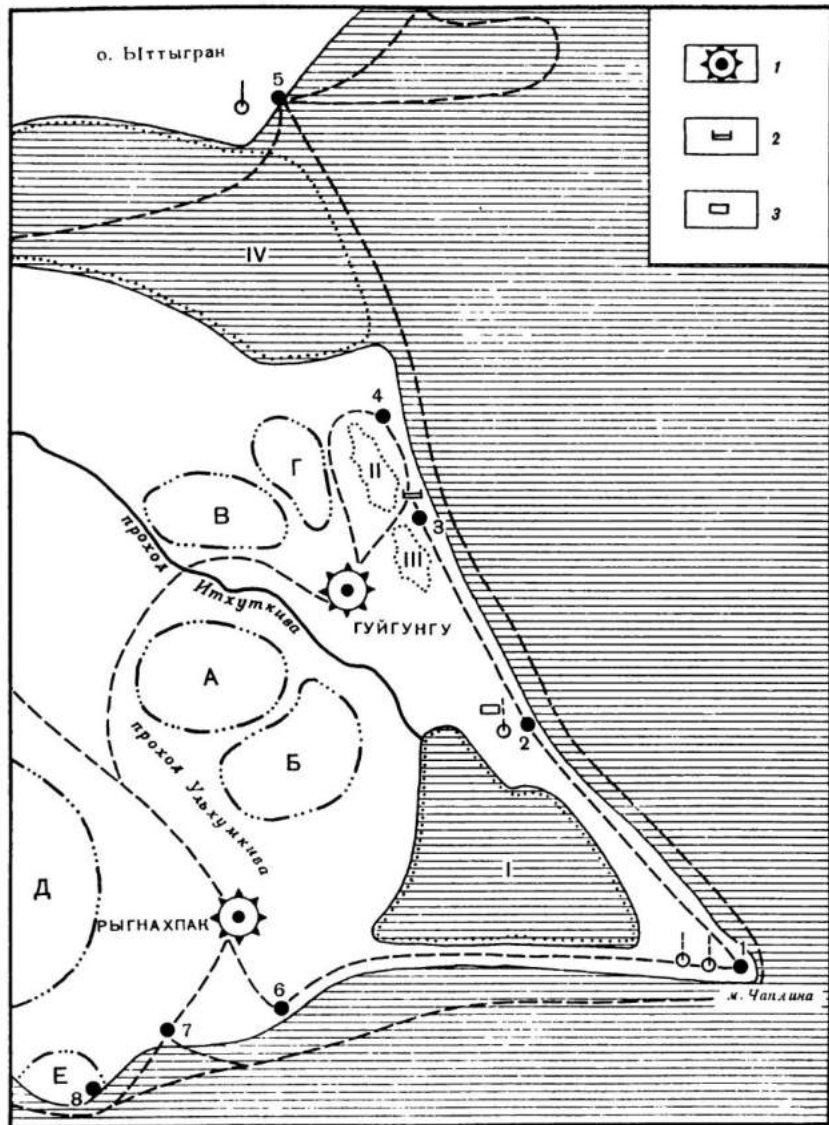
Таким образом, вдоль южного побережья о-ва Аракамчечен тянется цепь из девяти групп или одиночных столбов, поставленных в среднем на расстоянии 3—5 км друг от друга, так что от каждого столба или группы виден последующий и предыдущий. Важным представляется тот факт, что цепь столбов обрывается в Ярге, т. е. непосредственно напротив Китовой аллеи. В расположенном далее к западу от Ярги, на самом юго-западном мысу острова, поселке Пагиляк столбов уже нет, здесь найдены следы колец от яранг, относящиеся к небольшому эскимосскому поселку начала XX в., и остатки пяти землянок определенно более раннего времени. Нет столбов и на северном побережье Ыттыграна, к западу от Китовой аллеи, в бухтах Стыграк и Стыграгвак, несмотря на то что в последней также найдены следы древних жилищ.

Побережье мыса Чаплина

Казалось, логичным было бы предполагать существование каких-либо сооружений, связанных с Китовой аллеей или напоминающих ее по конструкции, и с противоположной от Кыгынина южной стороны — на близлежащем к Ыттыграну побережье азиатского материка. Наиболее перспективным здесь, естественно, представлялся обширный выступ мыса Чаплина, где до 1959 г. располагалось крупнейшее эскимосское селение Южной Чукотки Унгазик. Во второй половине XIX — начале XX в. это был один из самых густо заселенных участков южного ареала азиатских эскимосов, на котором существовало не менее пяти-семи поселков с общим населением около 500 человек.

Район мыса Чаплина представляет собой примерно равнобедренный треугольник со сторонами около 15 км, середину которого занимает обширное пресное озеро Найвак (*Найвак*). Южная и северо-восточная (в дальнейшем мы будем называть ее в соответствии с эскимосской традицией северной) стороны этого треугольника представляют собой в основном широкие галечные косы, на стыке которых, на самом мысу Чаплина, и находилось селение Унгазик (рис. 58). Коса, отчленяющая озеро Найвак с южной стороны, интенсивно размывается морем, и берег здесь, по словам старейших чаплинских жителей, отступил за последнее столетие примерно на 100—120 м. С противоположной стороны, наоборот, происходит наращивание северной косы, где откладывается размываемый наносный материал. На северной косе, к северо-западу от мыса Чаплина, располагались два довольно крупных поселка — Тыфляк (*Тыфляк*) и Униырамкыт (*Уңийырамкыт*), обитаемые вплоть до 1920-х годов.

Севернее, там, где галечный берег упирается в обрывистый скалистый склон мыса Мартенса (эск. *Пынъақ*), имеются следы еще одного маленького поселка — Хсюрат (*Ыхсүгәт*), от которого сейчас сохранилась только одна землянка. За мысом Мартенса берег материка резко поворачивает на запад и далее представляет собой чередование круто обрывающихся к морю сопков, разделенных

Рис. 58. Древние памятники мыса Чаплина и прилегающей территории

1 — древние каменные укрепления («крепости») на холмах, 2 — вкопанный китовый череп на берегу, 3 — несохранившийся китовый череп; прочие обозначения те же, что и на рис. 3. Цифрами на рисунке обозначены: заброшенные поселки: 1 — Унгазик, 2 — Тыфляк, 3 — Унийрамкыт, 4 — Хсюрат, 5 — Напакутак, 6 —

Ухсярат, 7 — Укигьярак, 8 — Инглигнак; древние охотничье-промысловые угодья: I — Найвак, II — Унийырамканайва, III — Йильхамнайва, IV — Чечекуюм. Буквами обозначены древние урочища: А — Сяклик-Айвуклик, Б — Сяклик-Ислюклик, В — Итхут, Г — Киягыз, Д — Кульрак, Е — Сивульхут

глубоко выдающимися в сушу бухтами. В первой такой бухте — Ингахпак (*Ыңахпак*) в начале XX в. существовало небольшое стойбище чаплинских эскимосов, от которого остались следы трех яраночных колец; остатки более древних жилищ в бухте Ингахпак не обнаружены. Следующие к западу бухты — Кытлингай (*Кытлыңай*), Кургак (*Курҕак*) и Ромулет (*Румулит*) — осваивались уже группой полукочевников-оленоводов нанупарагмит, связанной с чаплинскими и особенно кивакскими эскимосами и имевшей, по всей вероятности, смешанное чукотско-эскимосское происхождение. На берегах всех трех бухт сохранились многочисленные следы их временных стойбищ в виде больших яраночных колец. По южной стороне мыса на запад от Унгазика имеются остатки еще двух небольших эскимосских поселков — Ухсярат (*Ухсярат*) и Укигьярак (*Укигйарақ*), существовавших в конце XIX—начале XX в. За ними далее начинается скалистый массив мыса Сиволкот (*Сивулкүт*), отгораживающий выступ мыса Чаплина от входа в бухту Ткачен. Сразу же за мысом существовало еще одно небольшое поселение, связанное с чаплинскими эскимосами, — Ипглигнак (*Ыплыгнак*), от которого сейчас сохранились остатки одной сильно разрушенной землянки.

Основные памятники этого района сосредоточены на самой оконечности мыса Чаплина, в Унгазике, который на протяжении XVIII—начала XX в. был центром всей территории, примыкающей к Чаплинскому мысу. В настоящее время в Унгазике сохранились отчетливые следы большого числа яранг (свыше 60), стоявших длинными параллельными рядами на галечных валах вдоль линии южного берега. В этих ярангах население Унгазика жило до 1959 г., т. е. до самого закрытия поселка. В центре яраночного поселения, в 300—400 м от южного берега, имеются развалины 7 довольно крупных землянок, обследованные в 1945 г. С. И. Руденко. Землянки эти хорошо сохранившиеся, с остатками конструкции свода-коридора и свежими, слабо выветренными китовыми костями перекрытия. Все это указывает на их сравнительно молодой возраст. К такому же выводу пришел и С. И. Руденко, который по характеру найденного в них инвентаря и сообщениям чаплинских жителей заключил, что эти землянки были обитаемы еще в середине прошлого столетия (Руденко, 1947, 39).

На самой оконечности мыса Руденко обследовал в 1945 г. остатки более древнего земляночного поселения, ныне уже полностью смытого морем и не сохранившегося. При расчистке культурного слоя мощностью до 2,5 м им были найдены предметы, позволившие датировать это поселение периодом позднего пунука. Никаких более древних поселений на мысе Чаплина обнаружить не удалось, и С. И. Руденко предположил, что они были полностью смыты морем (Руденко, 1947, 39). Однако, судя по записанным нами преданиям чаплинских эскимосов, в древности на конце мыса вообще не было поселения, поскольку она заканчивалась возвышенным бугром, у которого располагалось большое лежбище моржей. Люди в это время жили в землянках по северному берегу

мыса, в сторону Тыфляка, и лишь после разрушения бугра морем и исчезновения моржового лежбища переселились в Унгазик. Это же предание еще в самом начале XX в. было зафиксировано в Унгазике В. Г. Богоразом (Богораз, 1901, 57а). Современные взгляды геоморфологов на происхождение Чаплинской косы (Ионин, 1959, 115) подтверждают реальность существования в прошлом на оконечности мыса Чаплина какого-то скалистого массива или выступа. Если исходить из этих фактов, землянок более древних, чем обследованные Руденко, на мысе Чаплина могло и не быть.

Не очень древний возраст имеют, по-видимому, и другие поселения мыса Чаплина. В Униырамкыте, Укигыраке и Ухсярате обнаружены только кольца от яранг и нет никаких следов землянок — следовательно, возраст этих поселков не более 150—200 лет. В Тыфляке, где поселение XIX—XX вв. располагалось на большом прибрежном холме, следы древних землянок сейчас почти стерты яраночными кольцами и остатками мясных ям более молодого поселка. Скорее всего в Тыфляке было лишь несколько землянок, и никаких следов других древних сооружений не обнаружено.

Несмотря на обилие в прошлом на побережье мыса Чаплина эскимосских поселений и временных стоянок, там сохранилось на удивление мало древних памятников или сооружений, которые можно было бы конструктивно сопоставить с расположенными в 30—50 км Китовой аллеей и столбами Аракамчечена. Это тем более примечательно, что от Китовой аллеи до Унгазика по прямой почти такое же расстояние, как и до Кыгынина. Единственное, что может иметь параллели с интересующим нас комплексом, это упоминание о стоявших некогда в Унгазике больших столбах из китовых челюстей. Их застал еще в 1945 г. С. И. Руденко (Руденко, 1947, 35); хотя уже к 1971 г. никаких следов от них не сохранилось, нам удалось собрать ряд сведений о них от бывших жителей Старого Чаплина.

По словам информантов, эти столбы резко отличались по виду от имевшихся в поселке байдарных сушил; они стояли четырьмя группами по несколько штук в каждой на некотором удалении от берега. Каких-либо сообщений о ритуальном использовании этих столбов в конце XIX — начале XX в. нет, но, по воспоминаниям, они представляли наиболее яркую черту облика старого поселка и выглядели, как «лес столбов». По рассказам информантов, вдоль северной косы в прошлом стояли якобы и два одиночных столба: один в районе Тыфляка, а другой возле Униырамкыта. Последний столб не сохранился, а возле Тыфляка на морском берегу имеется сейчас небольшой столбик высотой до 1,3 м (рис. 59), хотя, возможно, это не тот, о котором говорилось в предании.

Наконец, также на северной косе, на траверзе поселка Униырамкыт, на участке побережья, называемом по-эскимосски Таглыраграк (*Таглыгаграк*), имеется одиночный китовый череп, вкопанный, как и черепа на Китовой аллее, носовой частью вниз. По рассказам чаплинских эскимосов, этот череп служил в прошлом

вехой при подъезде к поселку. Такой же череп, пыле, очевидно, разрушенный и не сохранившийся, по рассказам, находился в прошлом и на траверзе поселка Тыфляк.

Отсутствие сейчас на северной косе мыса Чаплина, которая является как бы идеальным путем от оконечности мыса к Китовой аллее, других маркирующих знаков, подобных цепи столбов на южном берегу Аракамчечена, весьма примечательно, поскольку это побережье слабее размывается морем и на нем, несомненно, скорее сохранились бы следы таких сооружений.

Помимо остатков прибрежных поселений, во внутренней части мыса Чаплина имеются еще два древних памятника, которые, согласно бытующей до сих пор среди чаплинских эскимосов устной традиции, называются «крепостями». Оба они были обследованы в сезон 1977 г. Они расположены в самом центре полуостро-

Рис. 59. Обломок столба в Тыфляке

ва, восточной оконечностью которого является выступ мыса Чаплина, на границе прибрежной низменности и внутренней цепи гор. Далее всего на восток из этой цепи выдвинута высокая гора с тремя вершинами, носящими эскимосские названия Иглюткук (*Иглюткук*), Сяхлик-айвуклик (*Сяхлик-айвуклик*) и Сяхлик ислуклик (*Сяхлик-ислуклик*), которая служит водоразделом между долинами двух рек — Итхуткива (*Итхут-киѳа*) и Ульхумкива (*Ульхум-киѳа*). Первая из них впадает в озеро Найвак, а вторая — в море немного восточнее Ухсярата. Долины этих рек являются практически единственными путями, по которым можно проникнуть на мыс Чаплина с суши через горы центральной части полуострова.

Первая крепость располагается на вершине небольшой сопки Рыгнахпак (*Рыгнахпак*), стоящей обособленно на правом берегу р. Ульхумкива, примерно в 3 км от устья, как раз в том месте, где речная долина начинает расширяться, переходя в прибрежную низменность. Сама крепость не представляет собой единого целого, а состоит из ряда небольших, рассчитанных каждая на двух-трех стрелков ячеек, сложенных из массивных необработанных каменных глыб (рис. 60). Одна ячейка находится на северной оконечности скалистого гребня, протянувшегося по вершине с севера на юг примерно на 50 м; еще по четыре-пять таких ячеек симметрично расположены на его восточной и западной сторонах. Точное число ячеек сейчас определить невозможно, так как некоторые из них обвалены и частично засыпаны камнями, скатившимися с гребня. На юго-западной оконечности гребня каменная выкладка образует нечто вроде окопа или траншеи шириной около 1 м и длиной до 5 м, заканчивающейся круглой ячейкой значительной глубины. На самой вершине гребня, ближе к его северному краю, имеется допжон, т. е. круглая ячейка, обложенная со всех сторон камнями и служившая, очевидно, наблюдательным пунктом. Из укрепления хорошо просматривается как береговая линия, так и долина реки на север. Отсюда можно было издали заметить приближение противника как с моря, так и с суши и подать сигнал, в хорошую погоду видимый даже в Унгазике, не говоря уже о близлежащих поселках типа Ухсярат или Укигьярак. Укрепление могло дать убежище нескольким десяткам человек.

В долине р. Итхуткива, на ее левом берегу, на столь же одиноко стоящей посреди речной долины, но гораздо более высокой сопке Гуйгунгу (*Гуйгунгу*), название которой может быть этимологизировано из эскимосского и чукотского языков как «дом», «шатер», «палатка», находится второе оборонительное сооружение — «крепость» Гуйгунгу, расположенное на вершине сопки примерно в 3 км от остатков селения Униырамкыт на северном берегу мыса Чаплина. Укрепление представляет собой более или менее плоскую овальную площадку шириной от 50 м на юге до 20 м на севере и длиной с юга на север около 70 м. Площадка со всех сторон окружена каменной кладкой высотой в настоящее

Рис. 60. Стрелковая ячейка в крепости Рыгнахнак

Рис. 61. Стена крепости Гуйгунгу

время от 1 до 1,5 м (рис. 61). В западной стене в наиболее широкой части площадки находится отчетливо оформленный выход. Почти в центре площадки на небольшом естественном возвышении имеется дожон, аналогичный описанному нами в Рыгнахпаке (*Храпобубльк*), но более обширный и лучше сохранившийся.

К сожалению, каких-либо датирующих предметов на территории указанных укреплений обнаружить не удалось. Однако расположение обоих сооружений на выходах из речных долин с запада на прибрежную низменность наводит на мысль, что они функционировали уже в период существования интенсивных контактов охотников-эскимосов с оленеводческим населением тундры, т. е., очевидно, не ранее XVII—XVIII вв. Не исключено, конечно, что эти крепости были построены несколько раньше для защиты от набегов эскимосов с о-ва Св. Лаврентия, однако скорее всего, их сооружение следует связывать с военными экспедициями русских казаков и их союзников — коряков и юкагиров по побережью и внутренним районам Чукотского полуострова в XVIII в. (Богораз, 1934) Создание укреплений-крепостей на выходах из узких горных проходов было наиболее эффективной оборонительной мерой оседлого населения против организованного и хорошо вооруженного противника.

Дополнительные соображения

Таким образом, характер обследованных нами древностей мыса Чаплина и связанная с ними устная традиция не дают возможности наметить какие-либо прямые параллели между памятниками этой территории и Китовой аллеей. Единственными конструктивно сопоставимыми с ней элементами, помимо групп столбов из челюстей, стоявших до недавнего времени в Унгазике, являются вкопанные в грунт одиночные китовые черепа в Таглыграграке и Тыфляке, из которых к настоящему времени сохранился лишь первый. Указание на то, что они служили когда-то вехами при причаливании, очевидно, может быть как-то использовано и при интерпретации групп черепов на Китовой аллее, но данных о существовании каких-либо функциональных связей между ними у нас нет. Черепа на мысе Чаплина находятся достаточно далеко от Китовой аллеи и поставлены не в комплексах, а по одиночке и на большом удалении друг от друга.

Иначе обстоит дело с сооружениями на южном берегу Аракамчечена. Разумеется, мы не имеем в виду остатки совершенно незначительных и, по всей видимости, существовавших совсем недавно поселков, разбросанных по этому побережью (Пагиляк, Ярга, Мейныгук и др.). Однако изобилие столбов из китовых челюстей, выстроенных в определенной последовательности на наиболее выдающихся точках побережья и явно выполнявших в прошлом функции каких-то вех, может быть увязано с Китовой аллеей, где подобные столбы составляют один из наиболее существенных элементов конструкции. Цепь столбов вдоль южного берега Ара-

камчечена мы можем рассматривать как непосредственное продолжение Китовой аллеи или, лучше сказать, как своего рода «прелюдию» к ней, если стать на точку зрения мореходов, направляющихся к ней со стороны Кыгынина.

К сожалению, до сих пор мы имели возможность лишь бегло ознакомиться с большим и разнообразным комплексом памятников, находящихся в районе Кыгынина. Материалы разведочных работ на Кыгынине в 1945 г. С. И. Руденко прибавляют мало информации к данным наших наблюдений. Хотя древнеэскимосский поселок, некогда несомненно существовавший на самом мысу, практически полностью исчез, размытый морем, следы деятельности его обитателей, в том числе и оставленные ими захоронения, все еще могут быть доступными для детального исследования. Разбросанные на поверхности близлежащего холма отдельные человеческие кости (в том числе фрагменты черепов), пятна, напоминающие следы щебеночных могильных насыпей, и выступы могильных кладок говорят о том, что в этом месте может существовать крупный могильник. Кольцо из маленьких китовых черепов в распадке ручья также может быть не единственным культовым сооружением в этом районе. Все это указывает на исключительную перспективность дальнейших исследований памятников Кыгынина как одного из важнейших поселений, жизнь которого, скорее всего, была связана с Китовой аллеей. Не исключено, что такое же утверждение может оказаться справедливым и в отношении тех следов поселений в виде холмов с торчащими обломками китовых костей, которые авторы наблюдали с моря на побережье между Кыгынином и Мейныгуком, но не смогли обследовать. Эти поселения также представляются нам весьма перспективными для дальнейшего исследования.

Совершенно не обследованным нами остался северный берег Аракамчечена. Не исключено, что на нем, особенно в северной части, в районе глубоко вдающейся бухты Ратманова и мыса Кугуан, могут быть также найдены памятники, относящиеся к древнеэскимосской культуре.

Уже обследованные и описанные нами выше поселения с очевидностью указывают на то, что район пролива Сенявина издавна и достаточно интенсивно осваивался коллективами охотников на морского зверя. Однако все обнаруженные памятники достаточно разнородны и хронологически не синхронны, относятся к разным временным пластам. Самый верхний из них, сохранившийся почти до нашего времени, представлен комплексами колец от наземных каркасных жилищ типа яранги, обнаруженными в Сиклюке, Напакутаке, Ингахпаке, Пагиляке, Кытлингае, Ярге, Мейныгуке и Кыгынине, и с уверенностью датируется второй половиной XIX—первой половиной XX в. Во многих местах эти поздние поселения накладываются на существовавшие до них поселки из землянок и полуподземных жилищ типа уалькара. Если допустимо рассматривать полуподземные и слабо заглубленные уалькары как относительно поздний тип жилища, стратиграфически

переходный от землянки к наземной каркасной яранге (Леонтьев, 1975, 86—87), то тогда мы можем выделить еще один хронологический слой, условно датируемый XVIII—первой половиной XIX в., к которому будут относиться часть землянок на Сиклюке и Кыгынине, причем в последнем случае уалькары явно представлены специфическим типом. Следовательно, чисто земляночные комплексы можно рассматривать как остатки поселений еще более раннего периода.

Однако типология и стратиграфия полуподземного эскимосского жилища на азиатском побережье практически не разработана, а имеющиеся попытки (Руденко, 1947, 68—69) представляются нам недостаточно убедительными. Поэтому мы не можем на данном этапе осуществить строгую привязку тех или иных земляночных поселений к каким-то определенным хронологическим или культурно-историческим пластам.

Все же вполне допустимо провести некоторую предварительную классификацию самих поселений, разделив их на две группы: мелкие поселки, состоявшие из нескольких (обычно не более пяти) небольших землянок, у которых диаметр сохранившегося внешнего вала не превышает 8—10 м (Пагиляк, Стыграгвак, Сивурат, мыс Олений), и более крупные поселки от 5 до 15 больших землянок, внешний диаметр которых достигает 12—15 м (Сиклюк, Напакутак, Унгазик, частично Кыгынин). Стратифицировать эти два типа поселений пока не представляется возможным без детальных археологических изысканий; однако определенный опыт, накопленный при обследовании и картографировании береговых землянок, позволяет в ряде случаев наметить их относительный возраст. Основанием для подобной оценки очень часто в таких случаях служат: степень сохранности свода и коридора, задержанность поверхности почвы, оплывотость воронки, степень выветренности выходящих на поверхность китовых костей и т. д. Таким образом, мы, в частности, можем утверждать, что наиболее поздними в этом районе являются сохранившиеся землянки Унгазика и Пагиляка, а более ранними — землянки Напакутака и внутреннего ряда в поселке Сиклюк.

В результате мы можем выделить в исследуемом нами регионе по крайней мере четыре разновременных пласта: наиболее поздний, яраночный, распространенный на всей территории; предшествующий ему уалькарный на Сиклюке и Кыгынине; еще более ранний, первый земляночный на мысе Чаплина и, возможно, местами на островах; и наконец, очевидно, наиболее древний, второй земляночный пласт в Сиклюке, Напакутаке и Кыгынине.

Ответ на вопрос, к какому именно пласту следует относить время сооружения и функционирования Китовой аллеи, содержится в последующих частях книги, где авторы предприняли попытку дать хронологическую оценку памятника и предложить его функциональную и историческую реконструкцию, опираясь преимущественно на анализ этнографических материалов и имеющихся исторических источников.

ЭСКИМОСЫ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЧУКОТКИ ПО ДАННЫМ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Построение исторической ретроспективы, необходимой для трактовки открытых нами памятников, требует предварительного ознакомления с той этнокультурной обстановкой, которая к настоящему времени известна по древнеэскимосскому обществу с достаточной достоверностью. Лишь отталкиваясь от нее, можно далее вести историческую реконструкцию. Исходной для нас в этом случае является ситуация конца XVIII—начала XX в., которая в отличие от предыдущих периодов освещена в документальных источниках, а также выявляется благодаря полевым этнографическим исследованиям XX в. В данном разделе мы намерены рассмотреть этнический состав южного ареала азиатских эскимосов, историю картографического и отчасти географического изучения района островов пролива Сенявина, а также привлечь к нашей теме данные топонимического и этнонимического анализа.

Племенная структура южного ареала азиатских эскимосов

До конца XIX в. все авторы, оставившие описания побережья Восточной Чукотки, не проводили терминологического различия между береговым чукотским и эскимосским населением, объединяя их обычно под общим названием «береговые чукчи». И лишь благодаря первой подробной описи Чукотского побережья, проведенной в 1895 г. Н. Л. Гондатти, было установлено, что собственно азиатские эскимосы общей численностью около 1300 человек проживают в 12 поселках на крайней юго-восточной и северо-восточной оконечностях Чукотского полуострова. По материалам Н. Л. Гондатти, азиатские эскимосы были разделены на три племенные группы, каждая со своим особым племенным языком (или диалектом): айваны (или чаплинцы — около 700 человек), пеэки (или науканцы — около 500 человек) и вутээнцы (или сирениковцы — около 120 человек (Миллер, 1897, 134—135; Гондатти, 1898, 30—31; Патканов, 1912, 897).

Подобное этническое деление азиатских эскимосов сохранилось в этнографической литературе вплоть до настоящего времени. Согласно принятой сейчас лингвистической классификации, чаплинцы и науканцы говорили на двух сильно разошедшихся диалектах единого азиатскоэскимосского языка (чаплинском и науканском), а сирениковцы — на особом старосиренинском языке. Оба

языка относятся к лингвистической группе юпик, в составе которой вместе с языком эскимосов о-ва Св. Лаврентия, идентичным чаплинскому, образуют особую сибирскую подгруппу. Отдельно выделяется язык эскимосов, населявших ранее о-в Ратманова (Имақлгык), который относится к другой группе эскимосских языков — инупик, распространенной на северном побережье Американского материка и в Гренландии (Меновщиков, 1968, 359—365; Krauss, 1973, 808).

Полевые исследования авторов в Чукотском автономном округе в ходе пяти экспедиций 1971—1979 гг. позволили несколько уточнить и детализировать существовавшее на рубеже XIX—XX вв. этнолингвистическое разделение азиатских эскимосов (Членов, 1973, 13—14; Крупник, Членов, 1979, 19—29). В рамках двух крупных территориальных общностей — северной и южной, отмеченных еще Н. Л. Гондатти, сейчас можно выделить шесть более мелких групп, которые, на наш взгляд, следует считать отдельными племенами. Для каждого из выделяемых племен в конце XIX в. было характерно устойчивое самосознание и противопоставление другим племенам и этническим группам; исторически закрепленная связь с определенной территорией с достаточно четкими и хорошо известными границами; особый идиом (на уровне языка, диалекта или говора); высокая степень племенной эндогамии; специфический набор внутренних социальных подразделений, из которых складывалось племя; своеобразие некоторых элементов духовной культуры — фольклорной традиции, антропонимического фонда, обрядовой практики и т. п. (Крупник, Членов, 1979, 20). Таким образом, согласно этим критериям, выделяемые нами племена азиатских эскимосов таксономически идентичны как племенам других народностей Северной Сибири (Общественный строй, 1970, 334), так и аналогичным социальным образованиям, реконструируемым на это же время у эскимосов Северо-Западной Аляски (Burch, 1980, 258—262; Ray, 1976, 105).

Более сложным представляется вопрос о внутренней социальной структуре племени у азиатских эскимосов. Распространенное до недавнего времени представление о существовании у них в прошлом экзогамного отцовского рода (Меновщиков, 1962; Сергеев, 1962; Файнберг, 1964) не подтвердилось последними полевыми исследованиями авторов. Тем не менее сам факт устойчивого внутреннего деления азиатскоэскимосского племени не подлежит сомнению. Единицей такой сегментации, которую мы ранее предложили называть термином «клан», был патрилинейный семейно-родственный коллектив, в прошлом, очевидно, преференционно эндогамный и связанный с известной или зафиксированной в фольклоре территорией (Крупник, Членов, 1979, 20). Этот коллектив выполнял определенные хозяйственные и ритуальные функции, осознавался его членами в качестве группы родственников и дробился в свою очередь на ряд более мелких единиц, представлявших собой унилинейные группы родственников (линиджи),

ведущих свое происхождение от одного реально существовавшего предка, обычно удаленного от младших представителей линиджа максимум на пять поколений (Крупник, Членов, 1979, 21).

Изложив, таким образом, кратко наши основные терминологические посылки, обратимся подробнее к рассмотрению племенного и кланового состава южной группы азиатских эскимосов на конец XIX в.*

Самое южное эскимосское племя — сиренигмит, или сиреникцы (*си́риныгмит*), — в прошлом, видимо, осваивало территорию на северном берегу Анадырского залива, между бухтами Преображения и Провидения. Однако к началу XX в. они сохранили только часть бывшей своей территории с поселками Сиринык (*Си́ринык*, совр. Сиреники) и Имтук (*Имтук*); до конца XIX в. известно существование еще четырех их поселков к западу от Сиреник — Кынлырак (*Кынлы́рак*), Якук (*Я́кук*), Кургу (*Ку́ргу*) и Сянлик (*Ся́нлык*). Сирениковцы, которых в конце XIX — начале XX в. насчитывалось всего около 120 человек, говорили на особом старосиренинском языке, непонятном для остальных групп азиатских эскимосов. К концу XIX в., очевидно, в результате каких-либо внешних неблагоприятных обстоятельств произошло разрушение их прежней эндогамной традиции и началось широкое смешение сирениковцев с другими эскимосскими племенами, сопровождающееся размыванием традиционной клановой структуры, включавшей некогда пять отдельных кланов. Главный поселок сирениковцев Сиринык — одно из крупнейших древних эскимосских поселений на Чукотке, где имеются остатки большого числа разнотипных землянок, расположенных четырьмя-пятью группами. Очень мощный культурный слой до 8—10 м в береговом обнажении и сильная степень выветренности китовых костей в развалинах землянок указывают на древний возраст заселения поселка. С. И. Руденко, обследовавший землянки Сиреников, утверждает, что «эскимосы жили там начиная с древнеберингоморской стадии их культуры и, вероятно, почти без перерывов вплоть до настоящего времени» (Руденко, 1947, 55). Еще в начале XX в., по сообщениям информаторов, некоторые линиджи сирениковцев осознавали свою преемственность с обитателями древних землянок, расположенных в разных частях поселка.

Побережье между бухтой Провидения и Сирениками осваивали также две небольшие группы азиатских эскимосов — имтугмит (*имту́гмит*) и аткальхагмит (*атқа́льхағмит*), не относящиеся ни к одному из эскимосских племен и говорившие на чаплинском диалекте с заметными говорными отличиями. Имтугмит (20—30 человек) считались коренными жителями и «хозяе-

* Северная группа азиатских эскимосов, не связанная непосредственно с интересующим нас районом, состояла из двух племен: нывукахмит (или науканцев), живших в районе мыса Дежнева, и имаклигмит (имакликцев), обитавших на о-вах Диомиды.

вами» поселка Имтук, где в начале XX в. уже численно преобладали сирениковцы. Их положение в племенной структуре южных эскимосов неясно. В Имтуке есть остатки двух землянок и одного жилища явно переходной конструкции от землянки к наземной яранге, но устная традиция имтугмит с ними не связана. Аткальхагмит (около 30 человек) до конца XIX в. жили в небольшом поселке Аткальхак (*Атқалъхақ*) на мысе Лисовского, у входа в бухту Провидения (здесь имеются следы двух небольших землянок), и затем переселились в Имтук. Сохранились смутные предания об их происхождении с о-ва Св. Лаврентия; но время и место прежнего жительства уже полностью стерлись из памяти даже самых старших из ныне живущих представителей этой группы.

От западного края бухты Провидения вплоть до мыса Чукотского простиралась территория второго южноэскимосского племени — аватмит с центральным поселком Аван у озера Эстихет и более мелкими поселениями Ырырак (*Ығырақ*), Угрилик, или Урелики (*Угрилык*), и др. Аватмит (в начале XX в. около 120 человек) говорили на особом аванском говоре чаплинского диалекта с заметными фонетическими отличиями. В трех поселках аватмит — Аване, Ырыраке и Асяке (*Асяқ*) — сохранились древние землянки, которые С. И. Руденко отнес на основании найденного инвентаря к позднеспунукскому времени (Руденко, 1947, 42—43). В составе двух из трех известных кланов аватмит прослеживаются генеалогические линии «хозяев земли» всех этих поселков. Вплоть до 1930-х годов, по сообщениям информаторов, проводилось «кормление» землянок в период осенних поминок, что указывает на преемственность некоторых линиджей конца XIX — начала XX в. с их древними обитателями.

Далее к востоку, от мыса Чукотского вплоть до мыса Нувук, лежала территория третьего небольшого эскимосского племени — кивагмит (*қиғуағмит*), от которого к началу XX в. осталось только 50—60 человек, обитавших в одном поселке Кивак (*Қиғуақ*). Они говорили на чаплинском диалекте, но имели свой говор; в результате широких брачных связей с тасегмит — своими северными соседями — они перешли к началу XX в. на смешанный чукотско-эскимосский жаргон. Кивак, несомненно, был одним из самых древних поселений юго-восточного побережья Чукотки; здесь сохранились развалины пяти-шести крупных землянок, а культурный слой в обнажении берега достигает 6—8 м. С. И. Руденко определил принадлежность землянок к «древнеберингоморской поре развития эскимосской культуры» (Руденко, 1947, 41). И хотя у нас нет прямых подтверждений генетической связи древнего населения и жителей Кивака XIX—XX вв., сами кивагмит рассматривали обитателей землянок в качестве своих предков и устраивали им специальные подношения в период осенних поминальных праздников.

Далее к северо-востоку слабонаселенные земли вокруг бухты Ткачен осваивались небольшой (50—60 человек) группой полуседлых чукчей, носивших эскимосское название нанупарагмит

(*нанупарагмит*), по-чукотски — *нанупагалът*. Они имели небольшие стада оленей и в зимнее время кочевали в районе бухт Провидения, Ромулет и Ткачен; летом для сезонной охоты на мелкого морского зверя они выходили на побережье к Киваку и в бухту Ткачен. В начале XX в. нанупарагмит говорили по-чукотски, но многие из них знали эскимосский язык; их западные и северные соседи, чукчи-оленоводы, не считали их «настоящими чукчами» и называли эскимосами. Сами нанупарагмит до настоящего времени сохранили предания о переселении их предков некогда с о-ва Св. Лаврентия, где еще в XIX в. существовал небольшой поселок Нанупарак (*Наңупаҕақ*). Их эскимосское происхождение подтверждается и этнонимом, имеющим явно эскимосский облик. В любом случае, однако, нанупарагмит, осваивавшие и северное побережье Чаплинского п-ова (бухты Ромулет, Кургак и Кытлингай), обращенное к о-ву Ыттыгран, были относительно недавними обитателями этой территории.

Юго-западное побережье бухты Ткачен вплоть до мыса Нувук считалось территорией тасегмит (*тасигмит*) — небольшой группы приморских чукчей (50—60 человек), обитавших в поселке Чечен (эск. *Тасиқ*). Появление этой группы здесь, в самом центре южного ареала азиатских эскимосов, неясно; для некоторых тасегмит, хотя далеко не для всех, можно восстановить их эскимосское происхождение. В течение долгого времени они поддерживали тесные связи с жившими далее на запад кивагмит, а некоторые из них переезжали и селились в самом Киваке. Среди тасегмит также было распространено чукотско-эскимосское двуязычие (при резком преобладании чукотского языка), что, очевидно, и дало возможность некоторым исследователям конца XIX — начала XX в. рассматривать их как «чукотско-эскимосских метисов» (Гондатти, 1898, 31; Bogoraz, 1904, 29, 30).

Этнически и лингвистически к южному ареалу азиатских эскимосов можно отнести и эскимосов о-ва Св. Лаврентия (с 1867 г. относящегося к Соединенным Штатам Америки), составлявших, очевидно, самостоятельное племя сивукахмит (*сивукахмит*). По некоторым, возможно завышенным, данным, в середине XIX в. их численность составляла около 1500 человек, т. е. была примерно равна численности всех азиатских эскимосов в конце XIX в. Однако в результате сильного голода около 1880 г. численность эскимосов о-ва Св. Лаврентия сократилась примерно до 250 человек (Файнберг, 1971, 51; Wicker, 1974, 79—86; Burgess, 1974, 28—32). Территория племени охватывала весь о-в Св. Лаврентия (эск. *Сивукақ*) с прилегающими более мелкими островами; на ней в прошлом существовало не менее 10—12 поселков, из которых только два, Гамбелл (*Сивукақ*) и Пувулик (*Пуғуғилик*), были населены в конце XIX в. (Hughes, 1960, 250—251). По всей вероятности, племя сивукахмит сформировалось в период от XVI—XVIII вв. до конца XIX в. из коренных жителей острова и потомков разновременных переселенцев с Азиатского материка. К сожалению, не ясно, составляли ли коренные жители острова

в более раннее время одно племя или несколько; во всяком случае, уже в начале XIX в. они говорили на чаплинском диалекте (Краусс, 1973, 820), хотя его деление на говоры и, возможно, даже диалекты практически не изучено. По этнографическим материалам XX в., среди сивукахмит реконструируется существование в прошлом 11 кланов, четыре из которых: *аймарамка* (армарамкыт), *аватмъит*, *лякагмит* и *уңазиғмит* — несомненно, азиатского происхождения, что отчетливо осознается их членами (Hughes, 1960, 252).

Остров Св. Лаврентия, несомненно, является одним из самых древних районов обитания эскимосов в северной части Берингова моря. Интенсивные археологические раскопки, которые ведутся здесь с 1926 г., позволили установить очень древний и практически непрерывный характер заселения острова и прилегающих более мелких островов, по крайней мере с рубежа нашей эры, и выделить здесь ряд стадиальных культур (древнеберингоморская, пунукская и др.), найденных впоследствии и на побережье Чукотки. Не останавливаясь на вопросе, где именно располагался центр становления этих культур, на самом острове или материковом побережье Азии, мы тем не менее должны признать двусторонний характер культурных и этнических связей населения острова с жителями Чукотки, последним отголоском которых явились переселения предков нанупарагмит и аткальхагмит на Чукотку, очевидно, в начале XIX в. и жителей Унгазика на Сивукак вплоть до 1920-х годов.

Чаконец, самым крупным азиатскоэскимосским племенем были унгазигмит, или чаплинцы, которых в рассматриваемый период насчитывалось около 550 человек. Их самоназвание происходит от уже не раз упоминавшегося поселка Унгазик на мысе Чаплина, который был центральным и крупнейшим поселением племени. Этническая территория унгазигмит простиралась от южного побережья Аракамчечена на севере до входа в бухту Ткачен на крайнем западе, охватывая таким образом все побережье, обследованное нами в ходе экспедиций 1976, 1977 и 1979 гг.

По этнографическим материалам XX в., в составе унгазигмит можно выделить следующие кланы: сянегмильнут (*сянигмылңут*), акульрагвигыт (*акулғағвигыт*), сигунпагыт (*сигунпагыт*), нынлювагыт (*нынлюўагыт*), увалит (*уғалит*), лякагмит (*ляқағмит*) с субкланом пакагмит (*пақағмит*), армарамкыт, другие названия уныхкумит (*уныхкумит*) и кайкагмит (*кайқағмит*). Кроме того, по данным фольклора можно установить существование по крайней мере еще трех кланов, вымерших, видимо, в начале этого века: панагмит (*панағмит*), аглюхтугмит (*аглюхтуғмит*) и кигимит (*киғимит*). В самом Унгазике существовало еще традиционное более крупное территориальное разделение поселка, в котором отчетливо выделялись две группы: пагалигмит (*пағалиғмит*) — «люди северной стороны», включающая кланы акульрагвигыт, сигунпагыт, нынлювагыт и увалит, и уныхкумит (*уныхкумит*) — «люди с морской стороны», включающая кланы сянегмильнут и ар-

марамкыт. С меньшей достоверностью можно говорить о существовании в прошлом еще третьей, промежуточной группы кивалигмит (*кигүалигмит*) — «люди западной стороны», в которую входил только один клан лякагмит.

Хозяином земли в Унгазике, по-эскимосски нуналихтак (*нуналыхтак*), считался клан сянегмилнут, претендовавший на право первооселенцев на данной территории. Его члены жили только в самом Унгазике, и лишь в 1920-х годах после крупных наводнений часть их вынуждена была переселиться в другие поселки, в частности в Уэлькаль на берегу залива Креста. Одним из древнейших поселенцев на земле самого Унгазика считался и выморочный в настоящее время клан нынлювагыт, само название которого (происходящее от слова *ныңлю* — «землянка») указывает на его привязанность к древним жилищам.

Прочие чаплинские кланы в той или иной степени сохранили воспоминание о своем более позднем, чем у названных выше двух кланов, происхождении и о переселении их первооснователей на мыс Чаплина из каких-то других мест. Так, лякагмит, в частности, традиционно связывают с поселками Униырамкыт и Укигьярак; армарамкыт, что по-чукотски означает «сильный народ», по их преданиям, происходят из более северных районов, примыкавших к этнической территории науканцев.

Клан акульрагвигыт, входивший, как указывалось, в группу пагалигмит, жил на северном побережье мыса Чаплина, обращенном к островам пролива Сенявина. Они считали центром своего формирования поселок Тыфляк и рассматривали себя в качестве хозяев этой земли. Есть основания предполагать, что эскимосское население Аракамчечена, память о котором сохранилась в устной традиции как об отдельном клане кигимит, получившем свое название от эскимосского названия о-ва Киги, переселилось на территорию пагалигмит и слилось с ними, прежде всего, очевидно, с акульрагвигыт. Как можно судить по смутным сохранившимся преданиям, это произошло не позже середины XIX в.

Наконец, территория клана сигунпагыт традиционно включала о-в Ыттыгран, главным образом район Напакутака; часть сигунпагыт очень давно жила также в Унгазике, на северной стороне поселка. Эти сигунпагыт считали себя сами и воспринимались всеми чаплинцами как часть племени унгазигмит. Напротив, сигунпагыт из Напакутака (которых в начале XX в. насчитывалось около 50 человек) остальные унгазигмит не считали соплеменниками, и, несмотря на то что к этому времени они почти слились с чаплинцами, рассматривали их в качестве отдельной группы.

Среди самих напакутагмит до сих пор сохраняется предание о том, что их предки некогда переселились на о-в Ыттыгран и в Унгазик из района Мечигменской губы. Если верить этим преданиям и учитывать, что память о конкретных событиях не сохраняется у эскимосов более двух столетий, такую миграцию можно датировать серединой — концом XVIII в. Поэтому оснований

рассматривать сигунпагыт в качестве прямых потомков древнего населения о-ва Ыттыгран, кажется, не имеется.

Как видно, практически все обследованные нами поселения островов пролива Сенявина в исторически обозримый период были населены представителями унгазигмит или слившимися с ними впоследствии группами. Как свидетельствуют записанные Е. С. Рубцовой от чаплинского эскимоса из клана нынлювагыт Налюгьяка рассказы «О том, как люди в старину жили» (по-эскимосски такие рассказы называются *уципамсюгыт*), острова и близлежащие к ним участки материка активно использовались членами племени, прежде всего группой пагалигмит, еще в период, предшествовавший интенсивному контакту с европейцами, т. е. в XVIII в.

В одном из таких рассказов читаем: «Когда наступает лето, из своей землянки выйдя, в летнюю ярангу переходят. Они обычно на лето переезжают на запад. Там в своих селениях обычно живут. Нунивак женщины их собирают. Мужчины обычно охотятся на каяках. Летние киты, маленькие, когда заходят в Сиклюк, обычно едут их встречать. И вот здесь, в Сиклюке, охотятся, убивают китов. Иногда три убивают, иногда четыре каждое лето. А когда настанет осень, ноябрь когда наступает, обычно уезжают. Когда уезжают, чтобы не жить у других, свою ярангу обычно ставят. Когда кончают ставить, свои землянки обычно моют. Когда кончают, тогда черным рисуют их. А также красным камнем обычно рисуют. И вот, когда входят туда, землянка хорошая, красивая» (Рубцова, 1940, рук. 18). И далее: «Тогда давно люди здесь (т. е. в Унгазике. — *Авт.*) не жили. Каждый в свою временную местность уезжал. Пять мужчин, родных братьев, обычно выезжают в Танахлюк (*Таналъук*). Другие, тоже пять мужчин, родных братьев, обычно выезжают в Амьяк. Там охотятся на каяках, нерп убивают, загарпунивая их, лахтаков убивают, загарпунивая их. И вот заготавливают пищу. Нерпичьи мешки заполняют положенным туда жиром. Когда много становится, в Кангыграк (*Кангыграк*) перевозят. Амьякские и танахлюкские вместе перевозить когда кончают, отправляются сюда в Чаплино. Когда причаливают, яранги свои построив, обычно почуют. На следующий день, когда просыпаются, свои землянки моют. Когда кончают, туда входят. И так целую зиму хорошо живут. Иногда, когда наступает весна, из своих землянок выйдя, обычно строят яранги. Потом, время отправки когда приходит, отправляются. Эти многие тоже обычно в свои селения отправляются. Одни — в Танахлюк, другие — в Амьяк. Все остальные торговать едут. Другие в прочие свои временные поселки отправляются» (Рубцова, 1940, рук. 19). В другом тексте говорится: «Чаплинский мужичок ездит в свое селение в глубине тундры в Кургак охотиться на каяке. Убивает там лахтаков, серых нерп, пестрых нерп, крылаток. Его жена собирает нунивак, кувыхси, кукунгак. Они заготавливают жир и готовят на зиму нерпичье мясо с жиром, папагнат. Когда наступает осень, байдару наполнив до краев, выходят из бухты. И вот

зимой в жире и мясе не пуждаются. Всегда так жили. Потом, когда наступал следующий год, едут. В свое селение когда приезжают, ярангу поставив, больше никуда не выезжая, там живут, там охотятся на каяках. Жена обычно собирает съедобные растения» (Рубцова, 1940, рук. 20).

Надо сказать, что жизненный уклад XVIII — начала XIX в. (именно к этому времени может, очевидно, относиться процитированное повествование, судя по упоминанию землянок), обрисованный в рассказах Налюгьяка, выглядит достаточно реалистично. Согласно этому источнику, годовой хозяйственный цикл чаплинских эскимосов или, во всяком случае, части их складывался из регулярных сезонных миграций в пределах сравнительно небольшой территории, на которой имелись фиксированные, закрепленные за конкретными группами места зимних и летних стоянок. Зиму проводили в самом Унгазике в землянке, которая только подновлялась и перекрашивалась, но не перестраивалась каждый год. Весной переселялись в наземные жилища типа яранг, вначале, очевидно, в самом Унгазике, затем, с началом сезона весенней охоты на кита, возможно, и на моржа, где-то в районе пролива Сенявина.

Обращает на себя внимание, что Сиклюк упомянут не в качестве места летней стоянки, а только в качестве пункта встречи весенних китов. Летние же яранги герои рассказа ставят в бухте Амьяк, на южном берегу Ыттыграна, на мысу Кургак на материке, примерно напротив этой бухты, и в местностях Танахлюк и Кангыграк, которые пока локализовать нам не удалось, но которые, судя по контексту, расположены вблизи от Амьяка. Таким образом, район, о котором повествует рассказ, охватывает оба берега пролива Чечекуум, или южный берег Ыттыграна и северный берег выступа мыса Чаплина. Скорее всего, что рассказчик, воссоздавая образ жизни людей, отстоящих от него на 4—5 поколений, описывал прежде всего своих собственных предков или людей, относящихся к его собственному патрилинейному клану нынлювагыт, возможно, также к родственному им выморочному клану аглюхтугмит, как это явствует из других текстов (Рубцова, 1940, рук. 15). Оба они ставили свои жилища на северном берегу Унгазика, а тем самым относились к квартальной группе пагалигмит, т. е. «северных людей», более тесно, чем прочие группы унгазигмит, связанной с островами пролива Сенявина.

Напомним, что к пагалигмит, кроме названных кланов, относились также акульрагвигит, вклинившиеся в них позднее кигимит и сигунпагыт, расселенные как в Унгазике, так и в Напакутаке. Но ни об одном из этих кланов нет упоминаний в процитированных рассказах. Поэтому можно предположить, что район островов был некогда поделен между различными чаплинскими (а может быть, и более широкими) группами, так что местом летних стоянок нынлювагыт стали берега пролива Чечекуум. Восточный берег Ыттыграна скорее всего считался землей сигунпагыт, а южный берег Аракамчечена — кигимит. Что касается акульрагви-

гыт, то они, как указывалось, считают, что их предки жили в Тыфляке. За кем числился сам Сиклюк, остается неясным. Правда, название «аглухтугмит» может быть этимологизировано как «люди из места, где много челюстей»; кроме этого, в одной из сказок того же Налюгьяка рассказывается о том, как «мужичок аглухтугми (ед. число от *аглухтугмит*. — *Авт.*) едет из Унгазика в свое селение и охотится там между большим и маленьким островом на каяке» (Рубцова, 1940, рук. 15). Острова в этой сказке, конечно же, Ыттыгран и Аракамчечен, так что «селение» этого клана могло действительно находиться где-то на берегу пролива Йергын, возможно даже и в Сиклюке, т. е. там, где много челюстей. Однако никакой другой аргументацией в пользу такого предположения мы не располагаем, так как клан аглухтугмит исчез и память о нем у ныне живущих унгазигмит не сохранилась.

Нарисованная Налюгьяком картина сезонного дробления хозяйственного коллектива на более мелкие группы и повторяющихся миграций внутри ограниченной территории, в целом укладывающаяся в представление о традиционной хозяйственной и социальной структуре берингоморских эскимосов, отражает ситуацию, просуществовавшую, видимо, с незначительными изменениями до середины XIX в. Усилившиеся к этому времени контакты с внешним миром, прежде всего с американскими китобоями, внедрение огнестрельного оружия, повлекшее за собой определенную перестройку хозяйственной, прежде всего охотничьей, деятельности, и особенно сложение в районе Унгазика крупнейшего на западном побережье Берингова пролива обменно-торгового центра привели к постепенному сосредоточению всех групп в самом Унгазике (за исключением сигунпагыт — напакутагмит, так и оставшихся на Ыттыгране) и к ослаблению, а затем и прекращению регулярных сезонных миграций чаплинцев на острова. И хотя в источниках конца XIX — начала XX в. имеются отдельные упоминания о летних поездках жителей Унгазика в район пролива Сенявина (Онацевич, 1877, 65; Богданович, 1901, 41), прежнее распределение охотничьих угодий между кланами уже, очевидно, не соблюдалось, поскольку оно не зафиксировано в относящейся к этому времени устной традиции. С середины XIX в. Унгазик, бывший до этого, как можно судить по археологическим памятникам и этнографическим данным, сравнительно небольшим поселением, стал превращаться в крупный по тем масштабам населенный пункт, центр всего племени. Уже в зиму 1848/49 г. здесь было 33 яранги, в которых, по оценке английского офицера В. Хупера, могло проживать 300—400 человек (Ноорег, 1976, 106).

Но уже через несколько десятилетий, к концу XIX в., отдельные маргинальные хозяйственные и социальные группы, побуждаемые экономической несостоятельностью, невыгодной для них конъюнктурой, сложившейся вследствие упадка американского китобойного промысла, а также в результате обрушившихся на них стихийных бедствий, стали покидать Унгазик в поисках более подходящего места для постоянного обитания в пределах племен-

ной территории или вне ее. В это время произошли те крупные миграции, которые создали этническую картину первой половины XX в.: заселение чаплинцами Уэлькаля на южном берегу залива Креста, переселение отдельных групп унгазигмит в Имтук, а затем оттуда в Сиреники, выезд ряда семей на Сивукак и т. д. Летние же миграции, подобные описанным выше, хотя в какой-то форме и продолжали существовать, становились все же менее регулярными и необходимыми с чисто экономической точки зрения. Часто группа семей, выехавшая в какое-то близлежащее место вначале только на сезон, затем в силу каких-то обстоятельств оставалась там на несколько лет или даже навсегда. Так, очевидно, в самом конце XIX — начале XX в. произошло вторичное заселение обоих островов. Только жители Напакутака продолжали вплоть до конца существования их поселка придерживаться старой традиции, но как бы в обратном направлении. Китобойная напакутская бригада каждое лето переезжала в Унгазик для совместной с чаплинцами охоты на крупных морских млекопитающих. Добычу они приводили на северный берег, к пагалигмит, где для их яранг было отведено специальное место. Только после окончания трехмесячного сезона охоты они отвозили домой заготовленное мясо.

В расселении из Унгазика приняли участие почти все чаплинские кланы. Сиклюк был заново освоен линиджем Апатака из маленького выморочного клана увалит, входившего, скорее всего, в группу уныхкумит. Сам этот человек и его потомки закрепили за собой статус нуналихтака («хозяина земли») Сиклюка. Пагиляк был заселен вторично семьями армарамкыт и акульрагвыгит, которые около 1920 г. подселились в Сиклюк и образовали там единую территориальную общину с увалит и переехавшими туда еще позднее, уже в начале 30-х годов, сигунпагит, оставившими свой старый поселок Напакутак. Наконец, в Мейныгук на короткое время возникло новое поселение рядом со старым столбом из китовой челюсти. В нем жили только представители клана лякагмит, вернувшиеся в Унгазик после того, как поселок был покинут ими в середине 20-х годов.

Что касается прочих населенных пунктов Аракамчечена, в частности Кыгынина и Ярги, то они в конце XIX — начале XX в. уже не входили в этническую территорию азиатских эскимосов. Известно, что в конце XIX в. на Кыгынине поселился чукотский шаман Акрын со своей большой семьей, которая продолжала жить там до начала 1930-х годов. Жители Ярги, согласно сохранившейся у эскимосов традиции, были чукчами.

Представленная на основе полевых этнографических данных система этноплеменного разделения южной группы азиатских эскимосов с указанной численностью и границами территорий отдельных племен может быть распространена в прошлое примерно до начала XIX в. Информация о более раннем периоде крайне скудна и, за исключением рассматриваемых ниже топонимических и картографических материалов, практически ограничивается

сообщением участника экспедиции И. Биллингса 1791—1792 гг., доктора К. Мерка, который, находясь в районе залива Лаврентия, собрал от местных жителей сведения о расселении берегового населения вплоть до Анадырского залива. Мерк пишет: «Оседлые же чукчи, хотя и понимают корякский язык, но имеют свой собственный язык, разделяющийся на четыре наречия и совершенно отличный от корякского. На одном наречии говорят от мыса Сердце-Камень (в данном случае — гора в вершине залива Креста. — *Авт.*) или от маленького острова Maelschlien * до стойбища Uigin, на втором — от этого последнего до стойбища Puuchta, которое лежит несколько северней бухты Св. Лаврентия. На третьем, называемом Paekeskoi, говорят от стойбища Пуухта до северо-восточного мыса, лежащего несколько южнее, который они называют Mengihenitkin, но чаще по двум расположенным там стойбищам Nuchin и Peäikij; на четвертом, называемом Uwelen-skije, говорят от вышеупомянутого мыса до последнего стойбища на Шелагском мысе ... И еще что касается языка оседлых чукчей, то живущие на собственно Чукотском мысе говорят почти на том же языке, что и островитяне о-ва Св. Лаврентия» (Этнографические материалы, 1978, 99—100). В приводимых названиях легко угадываются о-в Мээчкын, одноименное стойбище в бухте Поутен, мыс Пеэк; таким образом, по мнению Б. О. Долгих, К. Мерк показал прежние границы распространения старосиренинского, чаплинского, науканского и четвертого эскимосского — уэленского языков, и соответственно границы расселения четырех крупных племен (Долгих, 1960, 551—554). Примечательно, что второй из названных Мерком, несомненно нынешний чаплинский диалект был тогда распространен до бухты Поутен, где около мыса Литке, к северу от бухты Лаврентия, по преданию, находился старый поселок части армарамкыт — Кайкак.

Тем не менее мы с большой осторожностью относимся к сделанным Б. О. Долгих оценкам численности эскимосских племен на середину XVII в. (Долгих, 1960, 554). По всем данным, XVI — XVIII века были, очевидно, временем глубоких изменений в пределах ареала азиатских эскимосов, связанных с выходом к морю оленных чукчей, с колониальной политикой царской администрации, изменениями экологических условий и т. п. Известно, что столь же высокой динамичностью отличалась племенная ситуация в XVIII—XIX вв. и у эскимосов Северо-Западной Аляски, с падениями и взлетами численности населения, изменениями числа и границ расселения племен (Burch, 1975, 84). Поэтому проецировать элементы и особенно численные соотношения XIX — начала XX в. на более ранние периоды можно, но с очень большими

* Наше прочтение эскимосских и чукотских географических названий, содержащихся в рукописи Мерка, написанной немецкой готической скорописью, в ряде случаев отличается от транслитерации, предложенной З. Д. Титовой (Этнографические материалы..., 1978, 99—100). Оно основывается как на анализе графических особенностей почерка К. Мерка, так и на учете исторической географии этого региона.

говорками. В любом случае мы можем утверждать, что во второй половине XIX в. острова пролива Сенявина и прилегающие к ним участки материкового побережья были относительно слабо заселенной окраиной южного ареала азиатских эскимосов, лежащей в стороне от основных районов контакта эскимосских племен, а также меновой торговли эскимосов с американскими китобойными и торговыми шхунами.

Историческая география островов пролива Сенявина

На первой подробной карте Чукотки Н. Дауркина, составленной, вероятно, около 1765 г. (Атлас, 1964, 89), на материке помечены поселки Унил и Непякут и на южном берегу большого безымянного острова, в котором легко угадывается Аракамчечен, — Хыигнан, Кихетун и Майвугин. Первое и третье названия с некоторой долей вероятности могут быть отождествлены с Киги (или Кыгынни) и Мейныгук (в чукотской адаптации, фиксировавшейся всеми без исключения составителями карт и береговых описей, это название, видимо, могло звучать как Майныгин). Второе название, кажется, не находит себе аналогий в известной нам топонимике острова, однако, судя по форме, имеет эскимосское, а не чукотское происхождение. В частности, оно весьма напоминает известный далее к северу ойконом Чегитун, восходящий к эскимосскому апеллятиву *схитук* — «выпрямившийся».

Целый ряд карт второй половины XVIII в. (Плениснера, около 1772 г.; Кобелева, около 1779 г. и др., см. Атлас, 1964, 89—91) в ухудшенном виде повторяет карту Дауркина. Изображение двух островов вместо одного в проливе Сенявина мы встречаем впервые на карте, составленной экспедицией Биллингса (Атлас, 1964, 114, 115), которая, правда, нанесла эту часть берега по рассказам чукчей. Здесь, как и на всех предшествующих картах, отсутствует поселок Сиклюк, стоящий на месте Китовой аллеи, а сам о-в Ыттыгран назван не известным в XIX—XX вв. эскимосским именем Сиклюк, а уже упоминавшимся названием Непяхут. Это можно расценивать как свидетельство существования в то время поселка Напакутак (если отождествлять Непяхут и Напакутак) на юго-востоке острова.

Допустимо, однако, и другое толкование традиции наименования о-ва Ыттыгран Непяхутом в течение долгого времени. Топоним этот, несомненно, связан с эскимосским словом *напақақ* — «столб», причем непосредственно апеллятивом в данном случае, очевидно, является форма множественного числа *напақат*. Увулярное *қ*, отсутствующее в русском языке, вполне могло быть передано буквой *х*, усиленной по сравнению с русским *к*. Русской адаптацией можно объяснить и палатализацию *н* и *п* в этом слове. В таком случае мы приходим к выводу, что остров называли просто «Столбы», скорее всего по Китовой аллее, где они наиболее многочисленны. Возможно, впрочем, что апеллятив связан с эскимос-

ским глаголом *напазутақа* — «ставить столб для чего-то», и тогда топоним следует интерпретировать как «место, где ставят для какой-то цели столбы».

Само название Напакутак, зафиксированное в такой форме только в материалах XX в., очевидно, также образовано от апеллятива *напақақ* при помощи суффикса *-та-*, обозначающего «вместилище», и означает «место со столбами». Однако в силу закона топонимической относительности название «Столбовое» могло быть закреплено за каким-либо географическим объектом, только если он выделялся среди прочих или наличием столбов вообще, или очень большим их числом. В самом Напакутаке столбов относительно немного, во всяком случае не столько, чтобы выделить этот поселок среди прочих мест, где стоят столбы. Иное дело — Китовая аллея, к которой как название Напакутак, так и название Напакат как нельзя более подходят. Скорее всего, она именно так и называлась, и по ней же назывался весь остров еще до сравнительно недавнего времени. Следует отметить интересную эскимосскую топонимическую традицию: острова часто не имеют твердо привязанного к ним названия, а зовутся по наиболее приметным пунктам на них, чаще всего по поселкам. Примеры тому достаточно многочисленны: таковы остров и поселок Имаклик (ныне Ратманова), Сивукак, Киги (или Аракамчечен) и, наконец, сам Сиклюк, который сейчас эскимосы называют по одноименному поселку, а раньше, очевидно, называли Напакат — по Китовой аллее.

В XIX в. в силу каких-то причин название Китовой аллеи — Напакат сменилось на Сиклюк, апеллятивом которого является тот же корень, от которого образовано современное эскимосское слово *сиқлэуёйақ*, — «мясная яма». Обилие мясных ям, как было нами отмечено, также является характерным для Китовой аллеи и выделяет это место среди других. Бытовавшее ранее название Напакат, или Напакутак, осталось закрепленным только за вторым поселком. Впоследствии, когда в конце XIX в. возле Китовой аллеи снова возник небольшой поселок, он стал называться так же, как и сам памятник, — Сиклюк, и со временем это название закрепилось за всем островом.

Не исключено, что именно таким образом можно объяснить, почему современные жители этих мест не могут указать название Китовой аллеи: ведь название Сиклюк относится именно к ней, как, впрочем, скорее всего и название Напакутак. Все эти изменения едва ли могли быть зафиксированы ненадолго попадавшими в эти места русскими путешественниками, моряками или картографами: русские, во-первых, практически не сталкивались с жизнью местного населения и, во-вторых, общались исключительно через чукотских или корякских переводчиков, которых они брали в более южных районах, где было распространено знание русского языка. Поэтому почти все топонимы в этих местах, вошедшие в русский официальный картографический набор топонимов, или чукотские по происхождению, или представляют русский

вариант чукотских адаптированных форм эскимосских названий. Современное название о-ва Ыттыгран — это чукотский вариант эскимосского топонима Стыграк, обозначающего местность и бухту на северном берегу острова.

Интересующие нас острова стали в какой-то степени известны внешнему миру только после того, как в 1827 г. они были подробно исследованы экспедицией Ф. П. Литке на шлюпе «Сенявин» (Литке, 1834—1836) и в 1828 г. появилась первая карта пролива Сенявина, названного так в честь судна-первопроходца (Литке, 1828). Основная часть географических названий этого района была или создана, или введена в географическую и навигационную практику именно Ф. П. Литке и его спутниками. К ним относятся, во-первых, топонимы, увековечившие имена участников экспедиций (такие, как мыс Постельса, мыс Мартенса, гавань Глазенапа, гавань Ратманова, бухта Аболешева и т. п.); во-вторых, русские названия, не связанные с деятельностью экспедиций (например, крупнейшая вершина Аракамчечена названа Афос в память об Афосском сражении); в-третьих, местные топонимы эскимосского или чукотского происхождения, переданные в русской адаптации. К ним относятся прежде всего названия Аракамчечен и Ыттыгран, введенные Литке, хотя, очевидно, едва ли употреблявшиеся в то время в качестве названий островов, а также ряд приметных пунктов на Аракамчечене:

а) мыс Пагелян — юго-западная оконечность острова — представляет собой чукотскую адаптацию эскимосского названия Пагиляк;

б) мыс Йергин недалеко от мыса Пагелян — также чукотская форма названия Ярга, происхождение которого неизвестно (Меновщиков, 1972, 174);

в) мыс Кыгынин — восточная оконечность острова, также чукотская адаптация эскимосского Киги;

г) мыс и гора Кугуан на северном берегу; очевидно, чукотское *кыквын* («гора, камень»);

д) мыс Мако-Кугуан на северном берегу, из чукотского Мъако-кыквын — «котел-камень» (Меновщиков, 1972, 125);

е) гора Мейнгынгай в юго-западной оконечности Аракамчечена, название явно чукотского происхождения;

ж) губа Чечекуюм — т. е. пролив между Ыттыграном и материком; название это, скорее всего, также представляет собой русскую адаптацию какого-то чукотского топонима, хотя в данном случае интереснее то, что Литке принял этот чрезвычайно узкий пролив за залив или губу — настолько близко в одном месте континентальный берег подходит к острову.

Как видно, экспедиция 1827 г. зафиксировала только ту топонимику, которая могла интересовать моряков. Не удивительно, что на карте Литке мы не находим ни одного названия населенных пунктов или стойбищ, хотя локализация их в нескольких случаях отмечена. На подробном плане, составленном мичманом Глазенапом (Глазенап, 1828), на Аракамчечене на мысу Йергин нанесено

небольшое стойбище, которое, скорее всего, идентично селению Ярга. В остальном, если верить этой карте, Аракамчечен необитаем. На Ыттыгране мы находим знак населенного пункта на Сиклюке, как раз на месте Китовой аллеи, и два совсем маленьких значка — в бухте Стыграгвак, там, где нашей экспедицией обнаружены следы двух оплывших землянок. Упоминаний всех этих пунктов в описании плавания, к сожалению, нет, и мы не можем судить о степени надежности этих данных. Возможно, что Литке принял хорошо видимую с моря Китовую аллею за группу землянок, подобно тому как через три четверти века также ошибся К. И. Богданович. Не исключено, что Сиклюк в начале XIX в. использовался кем-то в качестве если не постоянного места жительства, то как сезонная охотничья стоянка, упомянутая в рассказе Налюгьяка. Таким образом, на карте Литке показаны, конечно, не все населенные пункты этого района, в частности отсутствует отмеченный в тексте описания плавания (Литке, 1834—1836) Унгазик.

Следующей вехой в изучении района пролива Сенявина была карта американского мореплавателя Джона Роджерса, составленная им в 1856 г. и послужившая вместе с картой Литке основой всех последующих картографических изданий дореволюционного периода. Будучи явно хорошо знаком с данными Литке, Роджерс был единственным исследователем, который не просто скопировал их, но и пытался существенно дополнить (Роджерс, 1867). Особенно интересен его вклад в топонимику островов. Аракамчечен наряду с названием, данным Литке, обозначен также как Ка-и-не, в чем можно не без некоторого, правда, труда узнать все тот же Кыгынин; Ыттыгран обозначен как Чиркау, что, видимо, следует считать одним из первых зафиксированных свидетельств бытования топонима Сиклюк уже в середине XIX в. * Но на самом острове Роджерс, скорее всего, не высаживался, так как на его карте на острове записан только один топоним, идущий еще от Литке, — мыс Постельса. Несравненно богаче данные по Аракамчечену. Очевидно, решив, что гора Афос названа так в честь героя романа Дюма, Роджерс дополнил оронимию острова еще тремя названиями: Арамис, Портос и Д'Артаньян ** и присоединил к ним также гору своего имени в юго-западной части Аракамчечена. Вдоль южного берега на карте отмечены мыс Олений и мыс Островной (второй идентичен скале Мыкыхляк, отгораживающей озеро Ярга от моря) и все топонимы Литке. Самое интересное в карте Роджерса — это четыре населенных пункта на острове:

* Первое упоминание эскимосского названия острова в форме Tchatlook (причем записанное, как можно понять из текста, от эскимосов, но по-чукотски), насколько нам известно, принадлежит В. Хуперу, который был в проливе Сенявина зимой 1848/49 г. (Hooper, 1976, 143).

** Впоследствии на исправленной и дополненной карте лейтенанта Очадевича гора «Атос» снова превращается в «Афос», а Арамис и Д'Артаньян приобретают «чукотское» звучание Авамис и Артагнан.

Йергин, уже известный по карте Литке; «становище Дячиллия» на мысу Оленьем; «становище Каине» на северном побережье, между мысами Кугуан и Мако-Кугуан, и «становище Уенесс» посредине западного берега. Йергин мы уже пытались отождествить с Ярга; Каине, видимо, можно рассматривать как Киги (т. е. эскимосское название острова и, скорее всего, поселка на нем), хотя поселок с таким названием располагался на мысу Кыгынин, а не на северном берегу. Что же касается Дячиллия и Уенесс, то никаких аналогий к этим названиям подобрать не удастся, тем более что звучание их трудно сблизить с эскимосским или чукотским. На мысу Оленьем в 1977 г. нами обнаружена одна маленькая землянка и столб из китовой челюсти (см. гл. 2).

Картами Литке и Роджерса исчерпывается весь дореволюционный топонимический материал по островам Аракамчечен и Ыттыгран. Все последующие довольно многочисленные издания карт с дополнениями и исправлениями вносят коррективы исключительно гидрографического и навигационного характера, не дополняя, но и не изменяя историко-географический материал, содержащийся на этих двух картах. И хотя материал этот невелик, он все же позволяет сделать несколько выводов.

Очевидно, на протяжении XIX в. побережье пролива Сенявина было достаточно плотно заселено. Население в этот период было уже явно этнически смешанным, о чем свидетельствуют чукотские топонимы на Аракамчечене (особенно на северном берегу) и эскимосские — на южном берегу и на Ыттыгране. На то, что жители Йергина-Ярги были чукчами, указывает следующее примечание на карте Роджерса: «В гавани Глазенапа есть превосходная свежая вода, которую легко доставать, также есть противоцинготные средства: щавель и ягоды, которые можно собирать в холмах в продолжение летнего времени года; от туземцев можно доставать оленей» (Роджерс, 1867). В целом эта картина совпадает с тем, что нам известно по другим данным о ситуации конца XIX — начала XX в. Отсутствие поселка Напакутак на картах XIX в. можно трактовать либо как неточность их составителей, либо как свидетельство отсутствия там в то время населения.

После Роджерса название Сиклюк упоминается вновь уже только геологом К. И. Богдановичем, обследовавшим этот район в 1899 г. «На острове Ширлук (т. е. Сиклюк. — *Авт.*), — пишет К. И. Богданович, — по берегу пролива между островами (Ыттыгран и Аракамчечен. — *Авт.*) столбы из китовых костей показывают развалины древних селений» (Богданович, 1901, 28). Вероятно, это первое и единственное в литературе косвенное упоминание о Китовой аллее. Поселка в Сиклюке нет также и в описях населенных пунктов, составленных Н. Л. Гондатти в 1895 г. (Гондатти, 1898, 30), В. Г. Богоразом в 1901 г. (Bogoras, 1904, 29—30) и лишь в 1909 г. под именем Чехлюк он зафиксирован Н. Ф. Калинниковым (1912, 48—50), и то ошибочно на южном берегу Аракамчечена. С этого времени и вплоть до 1950 г. он отмечается во всех описях побережья с примерно одинаковым насе-

лением в 40—60 человек. Другие эскимосские поселки на островах также эпизодически отмечаются в литературных источниках и картографических материалах, однако все они, как уже говорилось, прекратили свое существование еще ранее Сиклюка. К 1950 г. все эскимосское население этого района сосредоточилось в Унгазике. Что же касается потомков чукотского населения этой территории, то они живут сейчас главным образом в поселке Яиракып-пот и в меньшей степени — в Новом Чаплино.

Глава четвертая

СООТНЕСЕНИЕ ПАМЯТНИКА С ДАННЫМИ ЭСКИМОССКОЙ ЭТНОГРАФИИ

Как мы видели выше, хотя Китовая аллея как комплексный памятник представляет собой сооружение, пока что совершенно уникальное на побережье Чукотки, этого нельзя сказать об отдельных составляющих ее элементах. Помимо структур из стоящих китовых черепов и центрального святилища с дромосом к нему, остальные элементы памятника встречаются и в других местах, хотя и в ином контексте. Что же касается тех семантических коннотаций, ритуальных, коммуникативных, социально-коммеморативных и т. д., которые связывались с данным комплексом в сознании использовавших его людей, то они должны были укладываться в рамки категорий эскимосской поведенческой, духовной и материальной культуры. Поэтому нашу задачу в данной главе мы видим в том, чтобы на основе этнографических материалов попытаться интерпретировать как отдельные элементы памятника, так и весь комплекс его сооружений.

Местные интерпретации Китовой аллеи

Первым шагом в решении этой задачи естественно должно быть обращение к эскимосской устной традиции, мифологии и фольклору и поиски в них прямых или косвенных указаний на функционирование и создание Китовой аллеи либо хотя бы отдаленных реминисценций, связанных с этим районом, которые можно было истолковать как имеющие отношение к данному памятнику. Сбор информации проводился нами в первую очередь в поселке Новое Чаплино в бухте Ткачен, где проживает сейчас основная часть эскимосов-унгазигмит, в том числе почти все жители бывших поселков Сиклюк, Напакутак, Мейныгук и др., а также в поселках

Яиракыннот, Провидения и Сиреники среди потомков различных эскимосских племен, приморских чукчей и чукчей-оленьеводов. Подчеркнем, что опрос информаторов проводился не только членами трех экспедиций 1976, 1977 и 1979 гг., но и самими местными жителями более молодых поколений (до 45 лет), заинтересовавшимися открытием в их районе столь необычного памятника (рис. 62).

Распросы представителей старшего поколения показали, что в целом чаплинские эскимосы, т. е. собственно бывшие жители Старого Чаплина (Унгазика), плохо знают историю, топонимику островов пролива Сенявина, генеалогические связи их жителей и т. п. и, как правило, не знают о существовании Китовой аллеи и линии столбов вдоль южного берега Аракамчечена. И лишь тем, кто жил непосредственно в самом Сиклюке или в близлежащих поселках на островах и побережье пролива Сенявина, известно о существовании «столбов» и «черепов» около поселка Сиклюк и в гораздо меньшей степени — о цепи вех-столбов на Аракамчечене. В 1977 г. осталось всего около 20 человек из числа бывших жителей этого района, самому старшему из которых, Ятылину, было около 70 лет, а самым младшим, помнящим еще жизнь в Сиклюке, уже под 40.

Рис. 62. Эскимосская охотничья бригада из с. Новое Чаплино, участвовавшая в работе экспедиции

Слева направо: С. Иена, А. Тагитуттак, И. Алитку

Обычное мнение людей пожилого возраста, живших на островах или знающих о памятнике, сводится к тому, что все столбы и черепа были поставлены «давным-давно» чаплинцами, приезжавшими в район Сиклюка для летнего промысла гренландских китов. Сиклюк в этой версии рассматривается как место, где раздвигали китов, оставляли мясо на зиму и затем приезжали за ним снова из Унгазика.

В более развернутом виде эту же версию повторяют жители Сиклюка. «Этим местом сообща пользовались чаплинские и били там китов. На лето переселялись. Гренландские киты были там все лето, и чаплинцы заготавливали мясо там. Как огнестрельное оружие появилось, уже не стали там китов убивать. Уже отец мой китов там не видел, ушли все киты» (Ятылин, ок. 1906 г. р.). «Когда мы приехали туда (в Сиклюк, ок. 1920 г.— *Авт.*), там стояли кости уже. Кто-то раньше их поставил, не знаю даже кто. Это там били больших-больших китов. В Чаплино, когда ловили, выбрасывали кости, неаккуратные были люди. А здесь аккуратно ставили в ряд. Вообще я не знаю, что это такое, названия у этого места (Китовой аллеи.— *Авт.*) нет» (Нумынгаун, ок. 1914 г. р.). «Я их не знаю, этих черепов. Когда я приехала туда (в Сиклюк, ок. 1930 г.— *Авт.*), там уже были черепа и столбы... Даже не Апатак ставил эти столбы... даже не знаю про них. Рассказы про это не слышала даже» (Игьяка, ок. 1915 г. р.). «Мой дедушка рассказывал, что в древности чаплинские убивали в этом месте китов и ставили их головы и челюсти в память о себе, какие они были великие китобой» (Стулик, ок. 1924 г. р.).

Единственный более или менее подробный рассказ был записан от последней информантки по-эскимосски в 1979 г. и приводится нами ниже в подстрочном переводе. Пока это наиболее полная местная интерпретация Китовой аллеи:

«Давным-давно рассказывали, что из Унгазика ездили в Сиклюк для охоты на китов. Около Сиклюка, когда убьют кита, кости другие выбрасывали в море. Куда деть, Сиклюк ведь маленький? Только челюсти большие вешают (ставят.— *Авт.*) для чего-то. Китовые большие плавники-ноги, передние плавники-руки сняв, на них вешают, и жир стекает. Поэтому под столбами жировые пятна. Конечности вешают на столбы и делают отверстия, поэтому видели вы там много дырок (в столбах.— *Авт.*). Веревки, чтобы вешать эти китовые плавники, из моржовой шкуры делают, толстые веревки, очень толстые. Рассказывают, так подвешивали по-нашему, по-эскимосски моржовые ласты, когда отрезают передние конечности (у моржа.— *Авт.*), с них капает, столбы становятся жирными. Наверное так, мы же не знаем, сами не видели. Так я слышала, очень много костей не вытащили, на дне под водой лежат, если бы мы видели. Это чаплинские делали, я слышала. Сиклюкские же не будут охотиться на кита потому, что мало яранг здесь».

Попытаемся как-то суммировать эти, пожалуй, самые яркие из рассказов эскимосов о Китовой аллее. Во-первых, все они по-

сят отчетливо этиологический характер и пытаются объяснить трудно интерпретируемые сейчас объекты посредством рациональных толкований. Так, в некоторых версиях утверждается, что черепа были поставлены на берегу для того, чтобы в них прятались охотники, стреляющие в нерпу, или стрелки-лучники; столбы — для того, чтобы подвешивать к ним яранги или сушить на них ремни и т. п. Во-вторых, ни в одном тексте Китовая аллея не рассматривается как единый комплекс: во всех вариантах фигурируют столбы, значительно реже — китовые черепа, только в одном случае — жировые пятна под столбами и ни разу — каменные ямы, главное святилище, дромос или другие сооружения на осыпи. Примечательно, что из бывших жителей Сиклюка лишь единицы знают обо всем комплексе каменных сооружений на осыпи. Две современные охотничьи бригады из Нового Чаплина ежегодно по многу раз бывают в Сиклюке, но никогда не отходят в сторону от охотничьей избушки и поэтому даже не представляют себе структурных элементов Китовой аллеи. Мир интересного и заслуживающего внимания для них, морских зверобоев, лежит в море, а не на суше. Наконец, в-третьих, во всех местных интерпретациях, собранных нами до сих пор, Китовая аллея никогда не связывается информаторами с их собственной социальной группой, будь то клан или поселок: чаплинцы вообще не знают, кто ставил столбы и черепа на берегу в Сиклюке, а сиклюкцы утверждают, что давным-давно это сделали чаплинцы, ссылаясь при этом на малочисленность собственной группы. Следовательно, ни одна из групп не считает этот памятник своим.

По рассказам наших информаторов, в конце XIX — начале XX в. эскимосы-унгазигмит, в том числе и жители Сиклюка, не связывали Китовую аллею с какой-либо ритуальной традицией, хотя некоторые следы уважительного отношения к этому удивительному месту все же сохранялись. Почитания и избегания Китовой аллеи, подобно прочим древним сооружениям и землянкам, ассоциируемым с предками, мы в этом случае не наблюдаем. Вот что рассказывает бывший житель Сиклюка Г. Каяк (1934 г. р.): «Детьми мы вообще играли на Китовой аллее и лазили по ней. Мы и вбили гильзы в дырки черепов. Охотники пристреливали ружья по столбам. Но черепа никогда не брали для практических нужд, потому что они считались святыми, как и все это место. Находили на Китовой аллее и на Кунгуваке каменные орудия. Однажды нашли большой сломанный каменный нож; во всяком случае, когда мы стали складывать обломки, то получился нож. Камень был черный, какого на Сиклюке не было... Дорогу, святилище и ямы я в детстве не замечал. Рассказов или сказок про Китовую аллею не слышал. Ятылин только говорил, что это чаплинские ставили в память об убитых китах».

Как контрастирует этот рассказ с воспоминаниями о своем детстве жителя Старого Чаплина Айвангу (1920 г. р.): «Мы не старались там копать (в старых землянках. — *Авт.*)... нам запрещали старики, чтобы не вызвать на море туман» (Айвангу, 4). На

Сиклюке же даже последний шаман поселка Аглю нередко развлекался тем, что стрелял по столбам Китовой аллеи. Парные столбы, как вспоминают пожилые эскимосы, использовались для просушки ремней из моржовой кожи.

Эскимосы всех остальных южных групп вообще ничего не знают о существовании Китовой аллеи и единогласно утверждают, что у них никогда ничего похожего не было. О столбах и черепахах на Сиклюке знают чукчи-оленоводы, в летние месяцы пасущие свои стада на Ыттыгране; однако им известно лишь то, что они существуют, чукчи даже спрашивали у нас, что это может означать. Не исключено, конечно, что следы каких-то преданий могут сохраняться в других районах, где мы не собирали подобной информации, но вероятность этого весьма мала. Единственное упоминание о Сиклюке как о «мясном складе» сохранилось, как мы увидим ниже, лишь в одной сказке, записанной у науканских эскимосов.

Фольклорно-мифологические сюжеты, соотносимые с памятником

Как мы видим, прямая информация о Китовой аллее практически отсутствует в эскимосской устной традиции. Поэтому нами были предприняты поиски каких-либо сюжетов, прямо или косвенно соотносенных с памятником, окружающим его районом или хотя бы с теми формами верований, которые лежали в основе его функционирования. Общее число опубликованных к настоящему времени и просмотренных нами фольклорных текстов, записанных от азиатских эскимосов, превышает 200, однако территориальное распределение их весьма неравномерно: подавляющее большинство записано от чаплинских рассказчиков, меньшее количество — от науканских и еще меньше — от сирениковских. Фольклор мелких племенных групп практически неизвестен. Хотя в целом азиатскоэскимосский фольклор достаточно однороден (см. Богораз, 1934; Меновщиков, 1950; 1958; 1974; Рубцова, 1954), все же в нем проявляется и региональная специфика, определяющаяся историческими условиями жизни того или иного племени и особенностями его языка.

Единственное, пусть не прямое, упоминание о Китовой аллее в устном творчестве зафиксировано в сказке, записанной в Наукане от сказителя Ыкалюка, имевшего вообще обыкновение включать в свой сказочный репертуар инородные повествования, в частности чукотские (Меновщиков, 1974, № 13, 23 и др.). Герой этой сказки, унгазикский бездетный шаман Кутылан остается без запаса пищи. Жена обращается к нему с просьбой: «Сходил бы ты в Сиклюк за мясом. Совсем мы изголодались» (Меновщиков, 1974, 67). По дороге около горы (видимо, массива мыса Мартенса) он встречается с летающим шаманом из Тыкыгака (эскимосское название селения на мысу Хоуи в северо-западной Аляске) и после длительной борьбы-состязания с ним обретает также дар

левитации. На Сиклюке по желанию героя мясо появляется из замерзших ям, и он летит с ним домой.

Характерно, что предание о летающем шамане, встречающемся со своим азиатскоэскимосским коллегой, записано и в Тыкыгаке, что дает основание предполагать в основе этого сюжета какой-то реальный контакт между этими общинами (Raineу, 1947, 277). Вместе с тем Сиклюк, с одной стороны, представлен как крупный мясной склад, спасающий человека в голодный год, с другой стороны, путь к нему труден и явно не каждый мог бы им воспользоваться. Только обладая даром летать, можно достичь Сиклюка, т. е. он рассматривается как часть потустороннего мира, посещаемого лишь шаманом во время его путешествия. Потусторонние миры, однако, редко получают точную географическую привязку, как это произошло в данном случае.

В одной из сказок, записанных от известного уже читателю Налюгьяка, герой из клана аглюхтумит охотится в проливе Йергин. Удача в охоте не сопутствует ему, с досады он ловит кулика, который награждает его даром видения морского дна. Герой становится великим охотником (Рубцова, 1940, рук. 19).

В небольшом предании, записанном нами на самой Китовой аллее от бывшего сиклюкского жителя С. Иены, повествуется о том, что некогда в Сиклюке жили шаманы Каелин и Аюя. «Вот они, как кит идет, начинали петь, и весь поселок петь тогда начинал. А если кто другой то слышал, тот не жил, умирал прямо». Снова мы встречаем здесь шаманские реминисценции, так же как и в сказке о летающем шамане, и опять они привязаны именно к Сиклюку.

От Налюгьяка записан также текст, в котором герой, сиклюкский юноша, едет охотиться в Амьяк. Там он встречает двух странных голых девушек в землянке и предлагает им стать его жепами. Те соглашаются, садятся в его байдару, но, когда он начинает увозить их в море, они превращаются в птиц и топят байдару героя (Рубцова, 1940, рук. 21). Странные героини этой сказки, насколько нам известно, не встречаются в других азиатскоэскимосских фольклорных текстах, и интерпретация их сложна. Они не похожи на привычных героев эскимосского пантеона, хотя по вредоносности могут быть сближены со злыми духами-тугныраками. Скорее можно предположить, исходя из превращения в птиц, их соотнесенность с героями космогонического птичьего цикла.

Привычные злые духи в антропоморфном и териоморфном облике появляются в районе пролива Чечекуюм в другой сказке, также рассказанной Налюгьяком. Герой ее решает остаться на зиму в Танахлюке, вместо того чтобы, как все, вернуться в Унгазик, так как у него пропала жена. Он строит себе на берегу землянку, вскоре по берегу начинает «плавать» лодка с тугныраками, которые принимают землянку за морское дно, а самого героя — за злого духа. Затем появляется дух-орел, похититель женщин, которого герой при помощи хитрости убивает, затем в его опереньях поднимается на небо к орлице, которая в это время

готовит еду из его жены. Жену спасти уже нельзя, поэтому герою вначале заставляет орлицу дать ему шаманский дар, а затем убивает ее, спускается на землю в Танахлюк и после этого обучает чаплинцев новым праздникам и становится великим китобоем и шаманом (Рубцова, 1940, рук. 19).

В отличие от предыдущих сюжетов здесь представлены широко распространенные у эскимосов мотивы: битва с орлом, встреча с тугныраками в лодке, получение шаманского дара от орлов и пр. Но в других текстах географической привязки таких действий обычно нет, они разворачиваются в мифологическом пространстве, здесь же они перенесены на землю.

Наконец, герой еще одной сказки, унгазикский «мужичок», едет со своей летней стоянки в Кургаке охотиться на Амьяк и там видит байдару, тянущую загарпуненного кита. Он приближается к байдаре, но его никто не замечает. Они подходят к берегу, байдару встречает жена китобоя, одетая в один торбаз из белой мандарки, на который «всех зверей морских поместила», и в один торбаз, «из покрышки яранги сделанный и зверями тундры разрисованный». Певидимый герой продолжает следовать за китобоями, плюет в дочь их бригадира, отчего та заболевает. Наконец местный шаман распознает мужичка, при его помощи излечивает больную девушку, которая становится его женой. После этого хозяева помогают молодым выбраться обратно на землю и учат их обряду спуска байдары на воду (Рубцова, 1940, рук. 20).

Вариант этой же сказки записан Г. А. Меновщиковым от другого сиклюкского рассказчика, Альгалика. И в нем мы снова встречаем пролив Чечекуюм. Герой этого варианта не унгазикский мужичок из Кургака, а «мужичок из Напакутака» (Меновщиков, 1974, 140—141), отправляющийся охотиться на каяке из своего родного села за напакутакский утес, которым может быть только мыс Иприлюкак (Постельса), единственная приметная скала в районе этого поселка. Мыс этот, как известно, служит северо-восточным входом в пролив Чечекуюм. В отличие от первого варианта здесь отсутствует мотив появления жены китобоя, одетой в разноцветные торбаза, зато в конце сказки выясняется, что таинственные китобои — это касатки, в страну которых, зазевавшись, попал герой.

Касатка — одно из самых интересных мифологических животных у эскимосов. Широко известно, что ни эскимосы, ни приморские чукчи никогда не убивают касаток, почитая их покровителями людей и помощниками в охоте. По сообщениям ряда исследователей, существует также поверье, что касатка на зиму превращается в волка.

Анализ фольклора убеждает, однако, в том, что касатка прежде всего мыслится как спутник и помощник основных персонажей эскимосского пантеона: верховного небесного божества Киягныка и в еще большей степени — грозной морской хозяйки Мыгым Агна. В свите Киягныка касатки фигурируют только в одном тексте, где они привозят к нему на байдаре (опять же в ант-

ропоморфном облике) героиню, бежавшую от злого мужа, или «женщину, не желавшую выходить замуж» (Рубцова, 1954, 174—191; Меновщиков, 1974, 136—140). Связь их с Мыгым Агна, выступающей в эскимосском фольклоре в роли повелительницы зверей, как морских, так и наземных, более очевидна. На торбазах Мыгым Агна изображены морские и тундровые звери, иногда это просто разноцветные торбаза. Подобные торбаза часто фигурируют также среди атрибутов другой очень популярной мифологической фигуры — «женщины, не желавшей выходить замуж», что позволяет усмотреть связь между ней и Хозяйкой моря (Меновщиков, 1954, 121—123), явственно выраженную в мифологии гренландских и канадских эскимосов, но сильно затухшую в берингоморской традиции (Nungak, Arima, 1969, 113). Тем самым допустимо думать, что даже в упомянутой мифе, где касатки привозят женщину, не желавшую выходить замуж, к Киягныку, они делают это в силу своей связи с ней.

Касатка — активный сказочный и мифологический герой. Она обладает способностью вмешиваться в судьбы героев и наделять их чудесными дарами, в частности шаманскими способностями (Рубцова, 1954, 140—150; Меновщиков, 1974, 278—279 *). В одной из сказок она сама надевает разноцветные торбаза и повелевает нерпами и лахтаками (Рубцова, 1954, 140—150). В другом, к сожалению не опубликованном пока еще мифе, мальчик-касатка становится воспитанником некоего Женоподобного (*агнасику*), в котором по ряду атрибутов, в том числе и по разноцветным торбазам, можно узнать все ту же Мыгым Агна (Рубцова, 1940, рук. 26). Воспитанник снабжает своего приемного родителя мясом, пока его не убивают жители селения Икахлюгрук (*Икальугрук*), истребляемые за это Женоподобным при помощи камлания.

Суммируя, можно сказать, что в представлении азиатских эскимосов и приморских чукчей касатка выступает как доброжелательный и могучий дух, обитающий в Нижнем (или Подводном) мире, ближайший помощник хозяйки этого мира Мыгым Агна.

Совершенно иным оказывается образ кита в азиатскоэскимосском фольклоре. В отличие от касатки кит играет исключительно пассивную и второстепенную роль, нигде вообще не входит в число заметных мифологических персонажей (Членов, 1981). Чаще всего кит упоминается в качестве пищи великанов или тугныраков (Меновщиков, 1950, 26; Меновщиков, 1974, 57—61, 70—73, 148—152). Один раз наряду с нерпами и моржами киты упомянуты в качестве обитателей Нижнего мира, к которым попадает герой: он попеременно ночует вначале у нерп, затем у моржей, затем у китов и только после этого попадает к цели своего волшебного путешествия — к дому зловредного жука и его дочери (Меновщиков, 1974, 81—82). Совершенно очевидно, что в этом тексте кит, подобно предыдущим случаям, не выполняет никакой само-

* Последняя сказка относится к фольклору оседлых чукчей, почти полностью совпадающему с азиатскоэскимосским фольклором по сюжетике и основным персонажам.

стоятельной роли, выступая в качестве заключительного элемента в идущем по нарастанию повествовании.

Только в одном интересном сказании о «Ките, женщиной рожденном» кит более индивидуален и не столь пассивен, как в упомянутых сказках (Меновщиков, 1958, 67—70; Меновщиков, 1974, 104—107). Напомним вкратце сюжет этой легенды. У одного нунагского охотника из рода нунагмит было две жены. Первая жена имела детей, вторая, жившая в отдельном пологе, не имела. Бездетная жена притворяется больной, чтобы избежать визитов мужа, но тот выслеживает ее и видит, как она ночью, одетая в торбаза для морской охоты, с деревянным блюдом, наполненным мясом, и ведром воды выходит на крышу землянки и зовет своего мужа-кита. Вскоре кит приплывает, из его пасти выходит «китовый человек» и идет с бездетной женой в ее полог. На следующий раз герой убивает кита во время его свидания, а героиня вскоре рождает «китеныша», который растет вначале в корыте, затем в пруду, а затем уплывает в море, но, осознавая свою связь с кланом нунагмит, держится возле селения и приманивает к нему своих сородичей-китов. Через какое-то время его убивают соседи из клана мамрохпагмит, и после этого идет повествование о вражде между двумя кланами, разгоревшейся из-за этого происшествия.

Сказка эта заслуженно привлекла внимание исследователей, видевших в ней пример распространенной эскимосской мифологемы о неразрывной связи между зверем и человеком и их взаимопревращении (Арутюнов, Сергеев, 1975, 182). Однако примеров этой мифологемы много, но кит нигде не выделен среди прочих сказочных териоморфных образов, способных при определенных обстоятельствах принимать человеческий облик. Нам представляется, что основная сюжетная канва этой сказки заключается не в превращении кита в человека и рождении женщиной китеныша, а в приключении самой героини — бездетной жены. Такие признаки, как отсутствие детей, избегание мужа, ношение торбазов для морской охоты, ведро с водой, указывают на то, что перед нами все тот же центральный фольклорный образ «женщины, не желавшей выходить замуж» или, возможно, Хозяйки моря. Суть этой мифологемы совершенно иная. Схематически ее можно изобразить следующим образом: дева, отказывающаяся выйти замуж (или вступить в половую связь с человеком), тем самым вызывает конфликт с отцом (мужем); она уходит (или ее прогоняют) и вступает в необычную половую связь или с животным (собакой, медведем, китом), или с духом, или с мертвецом, в результате чего на земле появляются культурные блага или устанавливается обычный профанный распорядок жизни. Существует несколько вариантов этой мифологемы, особенно многочисленны они в районе Берингоморья; анализ их, однако, увел бы нас слишком далеко. Отметим лишь, что в данном случае, на наш взгляд, представлен всего лишь один из вариантов этой центральной в эскимосской мифологии мифологемы, и кит играет в ней далеко не главную

роль, выступая лишь в качестве альтернативного варианта животного, вступающего в связь с героиней.

Отсутствует в эскимосских фольклорных текстах и образ Большого кита, покровителя или хозяина всех остальных китов и других морских животных, существование которого зафиксировано в прошлом в легендах приморских чукчей (Вдовин, 1977, 31). Лишь в одном тексте упомянут огромный кит, прилипший ко дну и постоянно рожающий китов. Старый орел запрещает своим сыновьям трогать его, но они все же отрывают его от дна, поднимают в воздух и убивают. После этого старый орел говорит им: «Ну вот, китов скоро мало останется, потому что того, который китов рождает, вы убили» (Рубцова, 1954, 429). Однако и этот кит достаточно пассивен и никак не проявляет себя сам.

В другом тексте фигурирует довольно странный единичный образ огнедышащих китов, живущих очень далеко в море. С ними вступает в бой герой, орел-оборотень. Вначале он терпит поражение, но затем, получив помощь от сестер-орлиц, побеждает самого маленького из огнедышащих китов и приносит его к себе домой (Меновщиков, 1974, 57—61). Едва ли в этом образе можно усматривать реального кита; возможно, в сложении этой легенды какую-то роль сыграли рассказы о расположенных далеко на юге вулканах. И здесь огнедышащие киты никак не проявляют себя, выступая исключительно в роли охотничьей добычи героя.

Таков образ кита в сказочных и мифологических текстах азиатских эскимосов. Разумеется, роль кита в культовых действиях должна была быть и была на самом деле более существенна, что определялось хотя бы тем обстоятельством, что кит принадлежал к числу основных промысловых животных. Эту тему мы рассмотрим ниже.

Заключая обзор фольклорных текстов и мифологии, отметим, что этот анализ не приблизил нас к пониманию смысла Китовой аллеи. Сам кит совершенно определенно не принадлежит к числу мифологических персонажей, и в мифах и сказках ему отводится исключительно пассивная по отношению к главным героям роль. Иное дело — касатка, тесно связанная с Хозяйкой моря и обладающая способностью активно воздействовать на судьбы героев. В фольклорных текстах с касаткой связан и рассматриваемый нами район, в частности Ыттыгран, особенно его южный берег. Вообще водное пространство вокруг Ыттыграна во всех текстах, где оно упоминается, определено как место свершения волшебных приключений героя и обиталище мифических существ.

В целом указание точных географических координат для того или иного повествования характерно для эскимосского фольклора, хотя в большинстве случаев указывается место первоначального жительства или рождения героя, а затем чудесные приключения происходят с ним в иных мирах, которых он достигает после длительного путешествия. Территориальная привязка «потусторонних» объектов встречается сравнительно редко и в южном ареале расселения азиатских эскимосов ограничивается районом Ыттыгра-

на *. Из более далеких мест можно указать на о-в Имаклик (Ратманова), где также часто происходят необычные происшествия.

Сиклюк же рассматривается не только как место, где разворачиваются приключения героя, но и как обиталище потусторонних сил, не только духов и касаток, но, возможно, и самой Мыгым Агна, предстающей в тексте в районе Амьяка в образе жены китобоя-касатки. Это можно объяснить существованием на этом острове таинственных, непонятных памятников, с которыми была связана полузабытая к моменту создания сказок эзотерическая традиция.

Кроме того, ряд сюжетов разворачивается именно в проливе Чечекуюм, что, скорее всего, объясняется просто спецификой рассказчиков, в данном случае Налюгьяка, который, как мы пытались показать, принадлежал к клану, использовавшему берега этого пролива для летних стойбищ. Второй вариант сказания о касатках также привязан к этому проливу, хотя записан от другого рассказчика. Возможно, в этих текстах мы находим воспоминания о каких-то частых в прошлом случаях нападений касаток на китов именно в этом проливе.

Общие черты обрядности и ритуальной практики азиатских эскимосов

Несомненно ритуальный характер Китовой аллеи и отсутствие аналогичных ей культовых памятников на побережье Чукотского полуострова побудили нас обратиться к изучению традиционной ритуальной жизни азиатских эскимосов в том виде, в каком она известна по немногочисленным публикациям XX в. и отчасти по собранному нами полевому этнографическому материалу. Имеющиеся литературные источники по этому вопросу крайне немногочисленны и практически исчерпываются небольшим разделом в известной монографии В. Г. Богораза о чукчах, статьей И. К. Воблова об эскимосских праздниках по материалам 1930-х годов и некоторыми более поздними работами как общего (Меновщиков, 1956; 1959; Иванов, 1954; Арутюнов, Сергеев, 1975), так и частного (Теин, 1975; Ненлюмкина, 1975; Меновщиков, 1979) характера. Две специальные публикации об эскимосских похоронно-поминальных обрядах и зимних праздниках были подготовлены нами по данным экспедиции 1977 г. (Крупник, 1979; 1980). Все отмеченные материалы охватывают исторически довольно поздний период, примерно от середины XIX в., и их экстраполяция на возможное время функционирования Китовой аллеи оправдана далеко не всегда и требует значительной осторожности.

Известные обрядовые действия азиатских эскимосов никогда не сопровождались строительством каких-либо сооружений ри-

* В одном случае местом обитания злой великанши указываются Сиреники (Меновщиков, 1974, 167—169); в другом случае героиня встречает касаток, перенаправляющих ее к Книгпыку, в Аппытыкуке (Меновщиков, 1974, 136—140).

туального назначения из кости, камня, дерева или других материалов на открытом воздухе как на территории поселения, так и за его пределами. Единственным исключением можно считать так называемые «поминальные кольца» — круговые выкладки из камней диаметром 1—2 м, которые постепенно создавались на специальных местах ежегодных поминальных обрядов. Каждый из кланов (в некоторых случаях — даже линиджей) одного поселка имел особое поминальное место, где складывались в круг камни, символизирующие души умерших родственников. Существование таких поминальных кругов зафиксировано нами для поселков Сиреники, Имтук, Аван, Унгазик и др. (Крупник, 1980, 213); не исключено, что с ними можно связать сходные каменные кольцевые выкладки в центральной части Китовой аллеи под каменными осыпями (хотя последние могли иметь и другое назначение). Можно также упомянуть использование в ритуальной практике столбов из китовых челюстей — символов предков (см. ниже).

Мало данных и о специальных культовых сооружениях в районах расселения эскимосов в Американской Арктике. Есть сведения о непонятном «круге из китовых костей» на мысе Принца Уэльского и выкладках из черепов белух (будут рассмотрены в следующем разделе). В одном сообщении, относящемся к району расселения эскимосов группы иглулик в Северной Канаде, упомянуто о больших овальных кольцах-стенах из камней, внутри которых в прошлом, по рассказам информантов, проводилась разделка частей китовой туши, причем куски мяса кидались наружу через стену. Затем внутри этих кругов проходили праздники, шаманские камлания, игры, танцы и пения (Lantis, 1938, 445—446). Отметим, однако, что к местным интерпретациям подобных древних сооружений, не основанным на непосредственном наблюдении исследователей, следует относиться, как показывает и пример Китовой аллеи, с известной осторожностью.

Второй особенностью ритуальной практики азиатских эскимосов можно считать то, что большинство обрядовых действий проводилось внутри жилища и лишь отдельные, как правило, кратковременные или иногда особо сакральные действия проходили на открытом воздухе. Основным и обязательным элементом всех эскимосских обрядов было совместное пиршество и жертвоприношение — «угощение» предков, которое чаще всего происходило в яранге. Поскольку у азиатских эскимосов XIX — начала XX в. не зафиксировано существования общинных мужских домов, широко распространенных у эскимосов Аляски (единственное недавнее упоминание о таких «общинных» землянках относится к Наукану и не имеет пока других подтверждений (Теин, 1975, 89), ритуальные действия могли проводиться любой семьей или группой семей в каждом жилище, обычно прямо в пологе или реже в холодной части яранги. Несколько особняком в этом плане стоят лишь четыре обряда: осенний поминальный обряд (*ахкысяхтук*), летний обряд подбрасывания на моржовой шкуре (*увыхтак*), летние спортивные соревнования по бегу и борьбе и весенний и осен-

ний обряды начала охоты (спуска байдары на воду — *атыҕак*), которые, хотя и включали в себя элементы, проводившиеся в жилище, протекали в основном на открытом воздухе. Резкое преобладание ритуальных действий в жилище (общинном доме или яранге руководителя обряда) было характерно и для американских эскимосов XIX — начала XX в.

Именно в жилище — пологой или холодной части яранги — в период некоторых праздников азиатские эскимосы устраивали специальные кратковременные ритуальные сооружения: различные деревянные сакральные шесты, к которым на ремнях крепились также деревянные изображения птиц, байдар, маленькие расписные весла и дощечки, специальные сети из сухожилий, а также круговые выкладки из голов добытых промысловых животных, подробно описанные В. Г. Богоразом и другими авторами (Bogoras, 1910, 401—405; Воблов, 1952, 322, 331, 333; Иванов, 1954, 422—430; Меновщиков, 1959, 99—101; Теин, 1975, 92). Подчеркнем, что в последнем случае это были не черепа, а именно головы животных (моржей, лахтаков, нерп) со всеми мягкими тканями, которые хранились до праздника в жилище бригадира, а затем делились между членами его бригады. На китовом празднике, как будет показано ниже, также выкладывали круг из частей туши добытого кита (кусочков хвостового плавника, глаз, кусков носа, губ и т. п.), но никогда из костей этого животного. Никогда не устраивали в жилищах и какие-либо каменные выкладки или сооружения, кроме одного известного нам случая, когда крупный камень использовался для соревнований по поднятию тяжестей во время ежегодного зимнего праздника (Крупник, 1979, 33).

Третьей особенностью традиционной ритуальной жизни азиатских эскимосов можно считать то, что подавляющее большинство праздников и обрядовых действий приходилось на осенние, зимние и весенние месяцы, когда земля покрыта снегом и установление или тем более вкапывание столбов, черепов и других крупных предметов практически невозможно. Единственное, что можно было установить в такое время, это какие-то сооружения временного характера, например подпорки для байдары перед спуском ее на воду, втыкавшиеся прямо в снег у яранги бригадира. Напомним, что с ноября по начало июня, т. е. в основной сезон проведения эскимосских праздников, до Китовой аллеи можно добраться только на собачьей упряжке, поскольку узкие проливы между материком и островами забиты льдом в течение 7—8 месяцев в году. Между тем целый ряд структурных элементов памятника: линия столбов-вех вдоль побережья Аракамчечена, вкопанные в землю черепа на самом берегу в Сиклюке и др. — не оставляют сомнения в том, что до Китовой аллеи добирались морем, т. е. в летние месяцы.

Наконец, четвертой и важнейшей для интерпретации Китовой аллеи особенностью эскимосской ритуальной жизни XIX — начала XX в. можно считать социально и территориально ограниченный характер праздников. Любое праздничное или обрядо-

вое действие всегда устраивала сравнительно небольшая группа людей (часто даже один человек), которые приглашали к себе для участия или присутствия на церемонии ближайших родственников и старейших жителей поселка. Такой группой могли быть клан, байдарная артель, линидж, «поминальная группа» (круг родственников, совместно справлявших поминки) или даже малая семья (как в случае проведения зимних «индивидуальных» праздников).

Однако любой эскимосский праздник всегда имел определенного индивидуального «хозяина», выполнявшего вместе со своей женой функции главного распорядителя церемонии и являвшегося, как правило, хозяином яранги, в которой она проводилась. Только в относительно небольших поселках, например Киваке, Сиклюке, Напакутаке, в подобных праздничных действиях принимало участие все население, которое ввиду своих незначительных размеров могло собраться в одной большой яранге. В крупных же поселках с населением более 100 человек (Унгазике, Имтуке, Аване, Сирениках, очевидно, также и Наукане) существовали целые периоды праздничных церемоний (зимних индивидуальных праздников, праздников спуска байдары на воду, окончания весенней охоты, поминок, китового праздника, если в поселке в один год было убито несколько китов, и т. п.), когда в течение достаточно длительного времени проходила серия одинаковых или близких ритуалов, отмечаемых различными социальными, семейными или производственными группами.

Вместе с тем нельзя полностью исключить возможность, что в прошлом коллектив, принимавший участие в совместном проведении праздника, мог быть у азиатских эскимосов более многочисленным. В пользу этого, в частности, говорят уже отмеченные свидетельства о существовании у эскимосов мужских «общинных домов», известных на Аляске под названием «кажим» или «кажги» и подробно описанных рядом исследователей XVIII—XIX вв. (Загоскин, 1956, 95—97; Файнберг, 1964, 196—198; Lantis, 1966, 104—107). Для азиатских эскимосов сведения такого рода слишком неполны и противоречивы: С. И. Руденко, например, полностью отрицал существование жилищ типа кажимов на азиатском берегу (Руденко, 1947, 70); по В. Г. Богоразу, в конце XIX в. «специальные дома, предназначенные для проведения главного зимнего праздника» не отличались по размерам от обычного жилища или были просто чьей-либо пустующей ярангой; по сообщениям всех наших информаторов старшего поколения, на их памяти все праздники проводились в обычных жилых ярангах. Наконец, в недавних публикациях В. В. Леонтьева и Т. С. Теина имеются упоминания о существовании в прошлом у науканских эскимосов и близких к ним уэленских чукчей неких родовых или мужских жилищ (наук. — *кайги*, чук. — *клегран*) (Леонтьев, 1975, 86; Теин, 1975, 89).

Не исключено, что остатками общинных домов азиатских эскимосов могут быть развалины крупных землянок в Сирениках и

Наукане, имевших собственные имена, которые сохранились до настоящего времени и к которым восходят названия некоторых кланов. Подчеркнем, однако, что даже и в этом случае каждый праздник должен был быть действием ограниченного круга лиц, входивших в данную «кажимную» группу (и приглашенных ими гостей), как это наблюдалось, в частности, у эскимосов Тыкыгака в XIX в., когда все население поселка делилось на семь групп по числу имевшихся общинных домов (galegi) и все ритуальные церемонии проводились этими группами по очереди (Raineu, 1947, 242). Индивидуальный и социально ограниченный характер эскимосского праздника, вырисовывающийся из этнографических наблюдений и материалов, хорошо согласуется с весьма лабильной социальной организацией азиатских эскимосов, характеризующейся слабой интеграцией и иерархией внутри социальных единиц.

Поэтому не удивительно, что у азиатских эскимосов XIX — начала XX в. мы почти не встречаем общеплеменных или тем более межплеменных праздничных церемоний, которые могли бы привести к возникновению ритуальных или мемориальных сооружений, хоть как-то напоминающих Китовую аллею. Даже летние массовые праздники, такие, как спортивные состязания, подбрасывание на моржовой шкуре, всегда проводились как праздники конкретных семей (Богораз, 1939, 407), в которых участвовали прежде всего их близкие родственники и лишь на заключительном этапе — остальные жители поселка.

О существовании крупных летних межплеменных праздников, в которых кроме племени-«хозяина» участвовали и приезжавшие гости из других поселков и племен, мы имеем сейчас лишь отрывочные воспоминания, которые требуют дополнительной проверки и уточнения. Большинство из них относится к поселку Унгазик, куда приезжали в летние месяцы на байдарках гости из Кивака, Авана, Имтука, Сиреников, о-ва Св. Лаврентия, чукчи из окрестных поселков и стойбищ. Однако, как мы уже отмечали выше, сам Унгазик вырос до подобных размеров лишь в середине XIX в., так что традиция устраивать крупные межплеменные праздники с приездом гостей из других поселков может иметь здесь позднее происхождение.

В Унгазике Е. С. Рубцовой (1954, 74—75) была записана сказка о жителях о-ва Св. Лаврентия, к которым на летние соревнования по борьбе на один день приехали гости с азиатского берега, из Унгазика, Авана, Уреликов, Сиреников; о межплеменных встречах и состязаниях на этом острове упоминает и американский источник конца XIX в. (Doty, 1900, 188). В памяти нынешних старейших жителей этих поселков воспоминаний о подобных поездках на о-в Св. Лаврентия не сохранилось. Среди науканских эскимосов, напротив, достаточно хорошо держится память о традиционном «гостевании» у них как жителей о-ва Ратманова, так и эскимосов с американского берега. Записан нами и рассказ о регулярных приездах ратмановских эскимосов в бывший поселок Пупак, располагавшийся к югу от Наукана, для

спортивных состязаний и обмена. Однако анализ такого рода информации (так же как и многочисленных сведений о межплеменных контактах американских эскимосов) показывает, что все описываемые случаи «гостевания» не представляли собой норму, коренящуюся в традиционных верованиях азиатских эскимосов, и носили сугубо «светский», а отнюдь не культовый характер.

Исключительно слабо изучена и традиционная обрядность, которая была связана с китом и китовым промыслом. Материалы по этому вопросу крайне фрагментарны, и нам остается сейчас только гадать, какие элементы очень развитого и сложного ритуала, зафиксированного подробно для американских эскимосов мыса Хоуп, Принца Уэльского, о-ва Св. Лаврентия (Rainey, 1947, 257—263; Thornton, 1936, 165—169; Lantis, 1938, 47), существовали в прошлом и на азиатской стороне Берингова пролива. Из более чем 30 элементов «китового культа», отмеченных американским этнографом М. Лэнтис для приморских народностей Северной Пацифики и прилегающих районов Арктики, у азиатских эскимосов достоверно зафиксировано лишь 6: специальный ритуал для открытия сезона китовой охоты, поднесение воды убитому киту, вырезание его глаз, особое отношение к некоторым частям тела — символам животного (глазам, кускам плавников, носа, губ, пупка и т. п.), организация китового праздника и, наконец, уже упоминавшиеся выше представления о связи касаток с волками и об их помощи людям при охоте на кита.

Утверждение М. Лэнтис о высоком социальном статусе «китобоев» у азиатских эскимосов не подтверждается нашими полевыми материалами. Даже в главном центре традиционного эскимосского китового промысла на Чукотке — Имтуке и Сирениках — самые знаменитые китобой конца XIX—начала XX в. (Панаугье, убивший 15 китов, Анкалин, Кульюк и др.) не составляли особой социальной элиты и по своему статусу уступали старшим мужчинам, представителям линиджа нуналихтака, или некоторым другим старшим и зажиточным охотникам. В Унгазике вообще не сохранилось воспоминаний о китобоях, и самые знаменитые охотники начала XX в.: Ивакак, Натака, Утатаун и др. — были известны здесь прежде всего как удачливые добытчики моржей и других ластоногих. Не было статуса китобоя и в других эскимосских поселках Юго-Восточной Чукотки — Киваке, Аване, Напакутаке, тем более Сиклюке. Вообще можно утверждать, что у азиатских эскимосов конца XIX—начала XX в. не было какого-либо престижного разделения между китобоями и охотниками на других морских или сухопутных животных, как не было и никаких социальных ограничений для участия в китовом промысле. При нехватке людей в команду часто брали гребцами юношей, подростков, обедневших чукчей-оленоводов, иногда женщин из семей членов бригады и т. п. Также и мясо добытых китов не считалось в это время престижной пищей и ценилось эскимосами заметно ниже мяса моржа или домашнего оленя. Кроме китовой кожи с салом (*маңтак*), никакие другие части кита не использо-

вались обычно в пищу при ритуальном или праздничном угощении.

Этнографическими материалами у азиатских эскимосов достоверно зафиксированы четыре специальные ритуальные церемонии, связанные с китом или китовым промыслом: обряд начала китовой охоты, «встречи» убитого кита, праздник гренландского кита («китовый праздник») и два варианта зимних личных праздников, где среди прочих предметов использовались деревянные изображения китов или специальные весла и дощечки с нарисованными сценами китовой охоты. Важнейшей из этих церемоний, несомненно, являлся «праздник гренландского кита», который отмечался обычно в конце ноября или в декабре после окончания сезона китовой охоты в случае, если в данном году в поселке был добыт кит. Подробные, хотя во многом различные описания этого праздника имеются в работах В. Г. Богораза (1939), Т. С. Теина (1975, 88—92) и Г. А. Меновщикова (1979), к которым мы и отсылаем читателя.

Устроителем и главным распорядителем церемонии («хозяином праздника») всегда был бригадир байдары, первой загарпунившей кита; если в поселке в один год было добыто несколько китов, то последовательно справляли соответствующее число праздников. Вся церемония длилась обычно несколько дней и включала ряд ритуальных действий: «кормление» убитого кита, угощение участников праздника и зрителей, танцы и театрализованные представления, раздача подарков, обмен вещами (с некоторыми чертами потлача), спортивные состязания и т. п. По сообщениям всех наших информантов, в начале XX в. китовый праздник всегда проводили в яранге устроителя церемонии. В центре ее холодной части выкладывали небольшой круг из частей тела убитого кита: глаз, кусочков носа, губ, самых маленьких пластин уса, концов плавников и хвоста, которые символизировали целое животное и которые «кормили», обмазывая кусочками мяса или оленьего жира.

К сожалению, по имеющимся весьма фрагментарным материалам сейчас трудно оценить истинное место праздника кита в традиционной ритуальной жизни азиатских эскимосов. По данным В. Г. Богораза и рассказам наших информантов старшего поколения, он не выделялся среди всего цикла осенне-зимне-весенних праздничных церемоний, который начинался в конце сентября обрядом «кормления мертвых» и заканчивался в июне главным промысловым праздником «наскуныхкылык», на котором в яранге хозяина каждой промысловой байдары выкладывали круг из голов убитых за сезон весенней охоты морских животных — моржей и тюленей. Судя по описанию Т. С. Теина (не подкрепленному, правда, личными наблюдениями автора), праздник гренландского кита «полъа» в Наукане вырисовывается как очень крупный общепоселковый ритуал и главное событие всего года. Однако даже и в этой трактовке он сохраняет все отмеченные выше общие черты праздничной обрядности азиатских эскимосов: он

проходил зимой (в декабре), главным образом в жилище (по Т. С. Теину, в специальной землянке), не сопровождался строительством каких-либо специальных ритуальных сооружений и имел социально ограниченный характер, т. е. проводился определенной социальной или производственной группой с приглашением других жителей поселка.

Традиционный обряд «встречи» убитого кита у азиатских эскимосов и береговых чукчей также описан В. Г. Богоразом (Bogoras, 1910, 406—408). Он включал в себя ритуальный танец-процессию мужчин-охотников во главе с хозяином байдары, первой загарпунившей кита, вокруг туши убитого животного; особую ритуализированную форму встречи охотников остальными жителями поселка, где главную роль играла жена этого бригадира; вырезание женой бригадира и другими женщинами его семьи глаз, кусков губ, носа, плавников и прочих частей тела — символов кита, которые сохранялись потом до «китового праздника»; церемонию «поднесения воды» убитому киту, которая проводилась перед ярангой бригадира, и т. п. Через пять дней после разделки кита (по сообщениям наших информаторов, иногда сразу же с момента начала разделки) в яранге бригадира устраивался однодневный праздник с «кормлением» убитого кита, угощением жителей поселка, пением, танцами и шаманскими представлениями (Bogoras, 1910, 408), который был как бы уменьшенной копией «китового праздника». Весь этот обряд с некоторыми вариациями в прошлом исполняли также американские эскимосы из поселков на мысах Хоуп, Барроу и Принца Уэльского (Lantis, 1938, 445).

Более скромный характер имела специальная церемония, посвященная началу китовой охоты, описанная И. К. Вобловым (1952, 326) по личным наблюдениям начала 1930-х годов. Она проводилась в первых числах ноября каждой промысловой бригадой в отдельности, обычно даже в разные дни, и длилась всего несколько часов. Сущность ее, по Воблову, заключалась в «угощении» духов моря, которым хозяин байдары и его жена предлагали «обменять» кита на приготовленную пищу и кровь убитой жертвенной собаки (иногда резали только чучело собаки из травы). После этого кусочком оленьего мяса «кормили кита» — специальный ремень, к которому в определенном порядке были привязаны все те же части-символы животного (куски носа, губ, плавников и т. д.), хранившиеся с прошлогоднего китового праздника. Перед началом церемонии на носу байдары или вельбота черной краской рисовали изображение кита, которое сохраняли в течение всего сезона китовой охоты и стирали обычно лишь после китового праздника (Воблов, 1952, 326; Иванов, 1954, 419). Исполнителями обряда были только сам хозяин байдары и его жена, а зрителями — приглашенные старики и старухи со всего поселка, которым раздавали потом остатки приготовленной пищи.

Следует подчеркнуть несомненную эзотеричность всей церемонии, куда не допускались (или не звались) не только остальные жители поселка, но на отдельных этапах даже и рядовые охотни-

ки — члены данной бригады. Сходный обряд был также широко распространен и на американской стороне Берингова пролива, где он, однако, проводился весной, перед началом сезона весенней охоты (Lantis, 1938, 444; 1966, 51; Rainey, 1947, 258—259). При отличии некоторых деталей ритуала в нем также главная роль принадлежала хозяину байдары и его жене.

Наконец, отдельные отголоски почитания кита могли сохраняться и в некоторых вариантах зимних «личных» праздников азиатских эскимосов, где среди прочих атрибутов использовались маленькие деревянные изображения китов длиной 30—40 см, с инкрустированными глазами, плавниками из кусочков китового уса и «фонтаном» в виде привязанных к голове пучков оленьей шерсти.

Такие небольшие потлачеобразные церемонии до 1930-х годов проводились отдельными семьями в каждом эскимосском поселке; сущность их заключалась в ритуальном «кормлении» предков и последующем угощении специально приглашенных родственников и старейших жителей поселка, сопровождавшемся танцами, пением, раздачей подарков, иногда спортивными соревнованиями и т. п. (Крупник, 1979, 34).

На празднике камыгтак (возможно, от эскимосского *камы-стақ* — «кусочек мяса от хвоста кита») маленькое изображение кита привязывали на ремне к месту верхнего соединения шестов яранги и после «кормления предков» участники церемонии, вставая попарно в противоположных углах яранги, раскачивали его друг к другу: сначала «хозяин» праздника и его жена, затем по очереди их дети и далее другие приглашенные родственники. Считалось, что таким образом кит унесет все их болезни. По описанию И. К. Воблова (1952, 331), перед этим жена хозяина исполняла специальный танец «охота на кита».

На празднике казива («крутить», по И. К. Воблову) изготавливали сразу четыре таких деревянных изображения, которые подвешивали к специальному ремню, идущему вокруг шестов яранги, и «кормили», обмазывая кусочками мяса, подобно тому как это делали на обряде начала китовой охоты (Воблов, 1952, 333—334). Самое интересное в описании Воблова — это упоминание о том, что праздничный шест, устанавливаемый на время в яранге, крепился своим нижним концом в специальный кусок китового ребра с проделанным в нем отверстием. Это ребро должно было символизировать кита; его специально готовили для праздника и помещали в центре яранги (Воблов, 1952, 333).

Однако такие варианты ритуалов с использованием деревянных изображений китов составляли лишь весьма незначительную долю среди всех личных праздников азиатских эскимосов. Нами зафиксированы только три праздника камыгтак: два — в Унгазике и один — в Аване примерно из 40 известных случаев личных праздников южных эскимосов (Крупник, 1979); праздник казива проводится И. К. Вобловым без упоминания числа справлявших его семей.

Таким образом, несмотря на эпизодическое употребление деревянных моделей китов или специальных весел и дощечек с изображением сцен китовой охоты (Bogoras, 1910, 397; Иванов, 1954, 422—430; Теин, 1975, 92) на праздниках азиатских эскимосов, у нас нет возможности вывести из этого каких-либо ритуальных аналогий для интерпретации структуры и функции Китовой аллеи.

Тем не менее мы хотели бы привести здесь трактовку некоторых элементов эскимосских праздников, предложенную известным исследователем искусства народов Сибири С. В. Ивановым (1954, 433—435). В образе описанного В. Г. Богоразом чукотского морского духа Кереткуна и его эскимосского аналога Касака С. В. Иванов предлагает видеть Большого кита — хозяина моря и всех морских животных, посылающего людям их промысловую добычу. В пользу этого свидетельствуют особая форма головной повязки «хозяина праздника» Кереткуна у чукчей с двумя вертикальными султанами — «фонтапами» кита; наличие такого же султана на изображениях эскимосских масок, употреблявшихся на китовом празднике; некоторые черты этих масок: огромный, вытянутый до ушей рот, большие круглые глаза и т. п. (Иванов, 1954, 434). Наличие на головной повязке двух султанов, по С. В. Иванову, говорит о том, что она могла изображать кита-полосатика (финвала), имеющего раздвоенный фонтан, и, следовательно, хозяином моря в прошлом считался кит-финвал.

Олицетворением и вместилищем «духа моря» на эскимосском празднике, очевидно, был центральный, «праздничный» столб яранги или специально устанавливаемый шест, на который вешали маски, крепили ритуальные сети, ремни с изображениями китов, птиц, маленьких весел, а на полу вокруг него ставили жирники, выкладывали головы убитых зверей и т. п. Этот же столб перед началом праздника его хозяин «поил» водой, как эскимосы и чукчи «поили» всех убитых морских животных (Иванов, 1954, 435).

Гипотеза С. В. Иванова о центральном, ритуальном столбе жилища как символе хозяина моря в образе Большого кита может иметь ряд аналогий, плодотворных для трактовки ритуального назначения Китовой аллеи. Нам, однако, она представляется недостаточно аргументированной, точнее — опирающейся на слишком малое число этнографических доказательств. Это призывает нас к осторожности в попытках каких-либо прямых сопоставлений структур Китовой аллеи с кажущимися параллелями в эскимосском ритуале начала XX в., тем более что в других этнографических и фольклорных материалах такие параллели не обнаруживаются.

Сооружения из китовых челюстей и черепов в эскимосском ареале

Первый, наиболее распространенный и известный тип подобных сооружений представлен так называемыми байдарными сушилами, состоявшими обычно из четырех вкопанных по углам прямоугольника (как правило, $3-5 \times 8-10$ м) столбов из китовых челюстей сравнительно небольшого размера, часто со спиленными или обломанными вершинами (см. рис. 51). Эти столбы служили для поддержки помоста или крепления поперечных перекладин, на которые укладывались байдара и промысловый инвентарь. В прошлом такие сушила в большом количестве имелись в каждом приморском селении по обеим сторонам Берингова пролива. Остатки их, легко распознаваемые, сохраняются до сих пор в местах многих бывших и современных поселков на Чукотке, как эскимосских, так и чукотских, и по своему виду резко отличаются от описанных выше комплексов столбов Китовой аллеи и о-ва Аракамчечен.

В некоторых поселках побережья Чукотки, как эскимосских, так и чукотских, известны и другие столбы из китовых челюстей, имевшие ритуальный характер. Как правило, это были довольно крупные одиночные столбы, стоявшие на территории поселения или сразу же за его пределами. В чукотской устной традиции они символизировали предков — основателей и охранителей данного селения (Вдовин, 1977, 139). Во время осенних поминок и некоторых других праздников им приносили специальные подношения в виде «угощения» кусочками пищи, на них вешали амулеты и т. д. Такой крупный одиночный столб стоял в прошлом, например, в Сирениках на берегу моря возле землянок. Еще в начале XX в. ежегодно во время осенних поминальных праздников его «кормил» хозяин поселка (нуналихтак).

Аналогичный одиночный столб, очень старый, судя по состоянию кости, описан В. Г. Богоразом в поселке Чечен (Bogoras, 1910, 412). Он был весь обвешан амулетами в виде бусин, привязанных к волокнам сухожилий; по сообщению Богораза, жители Чечена считали, что такие подношения столбу помогают избавиться от ревматизма. Во время праздников к нему на ремнях подвешивали также сверху моржовую и оленью головы. В настоящее время никаких следов обоих столбов, сирениковского и чеченского, не сохранилось, однако память о них жива в устной традиции. Еще в начале 30-х годов такие столбы стояли также в чукотских селениях Аккани и Мечигмен (Вдовин, 1977, 139). К этому же типу следует отнести и описанный выше крупный одиночный столб в Напакутке, поставленный в конце косы за последней землянкой, под которым в 1976 г. были найдены остатки деревянных эскимосских блюд для мяса (*жаутах*), скорее всего использовавшихся для «кормления».

В Имтуке, недалеко от Сиреников, сохранились два одиночных столба другого типа. По рассказам информантов, они были

поставлены в самом начале XX в. бригадами вельботов (сохранились даже их конкретные имена) возле своих яранг в память об убитых ими гренландских китах «с одной половиной уса», т. е. без пластин китового уса с одной стороны. Добыча животного без зубов с одной стороны считалась эскимосами крайне опасной для охотника и его семьи и требовала специальных обрядов и приношений. После исполнения китового праздника около данных столбов, по рассказам, никаких ритуальных действий более не проводили.

Известны на побережье Юго-Восточной Чукотки и группы вкопанных столбов из челюстей, но не в виде пары, образующей арку, как группа Е на Китовой аллее или столбы в Ярге, а в виде бессистемных (или неясных по конфигурации) скоплений типа групп М—О на Китовой аллее. Помимо описанных в гл. 2 пяти таких столбов в Майныатхыгыргыне, подобное скопление из трех очень крупных столбов из нижних челюстей гренландского кита было обнаружено нами в 1979 г. в районе заброшенного поселка Синрак к северо-западу от Сиреников (рис. 63). Они были поставлены по углам грубо равнобедренного треугольника со сторонами 2 и 5 м. Примечательно, что эти столбы стояли не только на значительном удалении от старого поселка, в месте, где нет никаких остатков древних жилищ, но и достаточно далеко от берега, так что при прохождении они практически не видны с моря.

Видимо, аналогичная им группа из трех больших столбов из китовых челюстей, вкопанных на расстоянии нескольких метров друг от друга, еще в 1920-х годах сохранялась на территории поселка Аван. Столбы эти, ныне разрушенные, по сообщениям информантов, также стояли на некотором удалении от берега и по своему виду резко отличались от имевшихся в поселке байдарных сушил. Однако в начале XX в. функции и время установления этих столбов жителям Авана были уже неизвестны, и они использовали их, как и обитатели Сиклюка, для растяжки и просушки ремней из лахтачьеи шкуры. К этому же типу можно отнести и столбы, стоявшие ранее в Унгазике, кроме тех, которые явно служили байдарными сушилами.

Имеются также отрывочные сведения о существовании одиночных столбов или групп столбов и за пределами рассматриваемого нами эскимосского ареала, на юго-восточной оконечности Чукотского полуострова. Так, в прошлом, по воспоминаниям местных жителей, на Уэленской косе в пределах современного поселка стояло несколько столбов с отверстиями в верхней части. Для уэленцев они не были символами предков — основателей их поселка, поскольку в Уэлене эту роль играли два крупных, рядом стоящих камня — «Старик» и «Старуха» (Леонтьев, 1972, 9; Вдовин, 1977, 139—140). Одиночный столб также с отверстиями в верхней части стоит до сих пор на месте бывшего эскимосского поселка Мерухта на о-ве Св. Лаврентия (Х. Г. Банди, личн. сообщ.). На американском берегу Берингова пролива огромный одиночный столб имеется на могиле Аттунгорука — известного

«сильного человека» эскимосского поселка Тыкагак на мысе Хоуп, убитого своими односельчанами в конце XIX в. (Rainey, 1947, 243). На мысе Принца Уэльского описан «круг из китовых костей» (столбов? — *Авт.*), в котором при добыче кита жена убившего его китобоя исполняла особый ритуальный танец (Lantis, 1938).

Наконец, представляется возможным выделить еще один тип одиночных столбов, которые ставились не в поселках, а в приметных точках побережья, обычно на мысах, недалеко от поселений. Такие столбы известны, в частности, в Наукане, Мамрохпаке, на мысу Верблюжьем в районе Эквена и, вероятно, в ряде других пунктов азиатского побережья. Скорее всего именно с этим типом

Рис. 63. Столбы из китовых челюстей в Сивраке, к западу от Сиреников

можно как-то соотнести линию столбов на мысах вдоль южного берега Аракамчечена.

Еще меньше данных имеется о традиции ритуального использования китовых черепов в ареале азиатских эскимосов. В древнеберингоморскую и пунукскую эпохи черепа китов вместе с другими костями: челюстями, ребрами, лопатками, позвонками и др. — широко употреблялись при строительстве полуподземных жилищ. В XVIII—XIX вв. в связи с переходом в наземные жилища надобность в этом отпала, и с этого времени черепа применялись в основном лишь при строительстве очень крупных мясных ям. Использование черепов, челюстей и других крупных китовых костей отмечается с самого начала древнеберингоморской эпохи также и в конструкциях могил; при этом китовые черепа обычно встречаются в наиболее богатых по инвентарю захоронениях. Очень характерны китовые черепа и для погребений раннего и развитого пунука, но в послепунукское время обычай сооружения глубоких захоронений исчезает и основной формой погребения становится поверхностное захоронение, обычно на каменистой осыпи. С этого времени в погребальной обрядности перестают использоваться черепа китов.

Поэтому, кроме Китовой аллеи и одного сохранившегося одиночного черепа на северо-восточном берегу мыса Чаплина, пока более по побережью нам неизвестны сейчас врытые в определенном порядке китовые черепа ни на азиатской, ни на американской стороне Берингова пролива. Правда, по рассказам чукчей-оленьеводов, на вершинах некоторых сопок во внутренней тундре имеются специально затащенные туда черепа китов, возможно гренландских, неизвестно кем и когда туда доставленные *. В начале XX в. азиатские эскимосы, как мы уже отмечали, обычно старались вытащить череп добытого кита на сушу и иногда даже подтащить его поближе к жилищам (как, например, в Кынлираке), однако на этом все связанные с ним действия заканчивались. Поэтому беспорядочно лежащие китовые черепа в изобилии имеются в Имтуке, Аване, Сирениках и других старых эскимосских поселках. В конце XIX—начале XX в. азиатские эскимосы никогда не проводили ритуальных действий с китовыми черепами и во всех обрядовых церемониях, связанных с китом, использовали лишь части мягких тканей. Американские эскимосы, в частности на мысе Хоуп, в отличие от азиатских в прошлом вообще сбрасывали череп добытого кита в воду, поскольку череп считался вместилищем китовой души, которая должна была остаться в море (Rainey, 1947, 261).

В ритуальных же целях и азиатские эскимосы, и береговые чукчи вплоть до недавнего времени очень широко использовали черепа других крупных промысловых животных — моржей и белых медведей. Правильные круги и овалы, линейные выкладки из моржовых и медвежьих черепов описаны для многих древних

* См. об этом также: Меновщиков, 1972, 145.

стоянок северного побережья Чукотского полуострова: у мыса Шелагского, на мысе Шмидта, в Ванкареме, Уэлене, Инчоуне, Уттене, Энурмино и др. (Диков, 1977, 182, 186, 200, 201; Леонтьев, 1972, 90; Вдовин, 1977, 155—156). Существование в прошлом подобных выкладок из черепов известно авторам и в других пунктах восточного и южного побережья Чукотки — в Яндагае, Сирениках, Уэлькале, на Руддерском лежбище и т. д. Южнее Анадыря во всех прибрежных чукотских селениях в прошлом имелись специальные жертвенные места «камаки» в виде выложенных кругов из крупных камней с помещенными в центр черепами морских млекопитающих (Вдовин, 1977, 156), но, по всей вероятности, не китов. К последнему типу, очевидно, очень близок одиночный китовый череп в кольце из камней, найденный нами в центральной части Китовой аллеи, северо-западнее первой осыпи. Наконец, выкладки из моржовых и медвежьих черепов известны и во многих пунктах Американской Арктики: на мысе Барроу, островах Св. Лаврентия, Нунивак и т. д. (Lantis, 1966).

По всей вероятности, к такому типу ритуальных сооружений и приближаются обследованные нами на Аракамчечене три кольцевых жертвенника из валунов и черепов маленьких серых китов. И хотя, помимо самой Китовой аллеи, их можно считать пока единственными культовыми памятниками из китовых черепов, известными нам на побережье Чукотки, в целом они не выделяются из уже известной ритуальной традиции как по своей архитектуре (кольцевые поверхностные выкладки небольшого диаметра), так и по использованному строительному материалу (черепа сравнительно некрупных животных, чередующиеся с каменными валунами). Напротив, разница между этими кольцевыми выкладками и длинным рядом вкопанных китовых черепов на Китовой аллее представляется нам принципиальной.

Наконец, на американском побережье Берингова моря, к северу от залива Гудньюс, южнее устья р. Кускоквим, описан единственный памятник, занимающий как бы промежуточное положение между выкладками из черепов различных животных отмеченного выше типа и сооружениями Китовой аллеи. Прямо на берегу моря расположены «длинные ряды черепов белухи, лежащих вплотную друг к другу с челюстями, обращенными на юг... Эти ряды, которых имеется от 30 до 40 в пределах нескольких миль (? — *Авт.*), начинались прямо на пляже, где черепа были уже почти разрушены и изъедены лишайниками, и продолжались в глубь суши, где встречались самые свежие экземпляры. В одном ряду насчитывалось до 200 черепов» (Lantis, 1966). Тем не менее ни одно из отмеченных выше сооружений из черепов различных животных не сопоставимо с правильным рядом двоек и четверок черепов гренландских китов на Китовой аллее.

Несомненный интерес для нашего исследования представляют местные интерпретации сооружений из челюстей и черепов, сохранившиеся в устной традиции эскимосов Юго-Восточной Чукотки. Предваряя их изложение, отметим, что, судя по сообщениям

наших информантов, по крайней мере с конца XIX — начала XX в. (скорее всего значительно раньше) уже не существовало той системы представлений, в рамках которой могла быть создана Китовая аллея и линия столбов-вех вдоль берега Аракамчечена. Во всяком случае, все попытки интерпретации сохранившихся сооружений такого рода современными эскимосами старшего поколения либо носят явно фантастический характер, либо порождены желанием рационалистически истолковать непонятное явление.

Как уже отмечалось, в начале XX в. многие столбы использовались лишь для просушки и растяжки ремней из шкур морских животных, на что и указывают некоторые информанты, пытаясь ответить на вопрос, для чего они были поставлены. Существует версия, что некоторые столбы, в частности в Унгазике, использовались в прошлом якобы для подвешивания к ним тюков с вещами или даже собранных яранг, чтобы предохранить их от порчи или растаскивания бурыми медведями во время отлучки хозяев в летние месяцы. Про уэленские столбы рассказывают, что в старину на празднествах к ним привязывали призы, столбы натирали жиром, и молодежь соревновалась в лазании на них.

В одном науканском предании повествуется о том, как чужеземцы-танги, жившие в стране, расположенной через пролив от селения Кивалук (нахождение которого нам неизвестно), похитили дядю героя. Герой отправляется его искать. «Скоро до большого селения дошел. Испугался, что увидят, и решил подождать ночи. Когда ночь наступила, пошел к жилищам. Среди жилищ одна огромная землянка. За землянкой высокий столб. А ночь лунная, все видно. Посмотрел на верхушку столба, увидел, что там человек сидит. Подкопал земляные крепления столба. Повалил столб. Посмотрел на привязанного к столбу человека, а это, оказывается, его дядю танги убили» (Меновщиков, 1974, 177). Допустимо усматривать в этом предании смутное указание на то, что столбы могли как-то использоваться для человеческих жертвоприношений, совершавшихся возле общинных домов (огромных землянок). Аналогичный мотив встречается и в другой науканской сказке, где злые орлы-великаны похищают сына героя, привязывают его ремнями к столбу и каждый день клуют, вынуждая исполнить их желание (Меновщиков, 1958, 132—133).

Безусловно, во всех этих интерпретациях отразились воспоминания об исчезнувшем к XX в. обычае подвешивания на столбах различных предметов, а может быть, и людей в ритуальных целях. Скорее всего последнее упоминание об этой традиции было зафиксировано В. Г. Богоразом в поселке Чечен. В любом случае имеющиеся материалы весьма слабо объясняют наличие на Китовой аллее столь большого количества столбов нескольких типов, а также их ритуальную функцию и цель установления. Подчеркнем, что если одиночные столбы и бессистемные группы столбов имеются и в других пунктах побережья Чукотки, то группы из двух поставленных друг против друга в виде арки китовых че-

люстей пигде более, кроме расположенной напротив Сиклюка местности Ярга и самой Китовой аллеи, пока не зафиксированы *.

Еще менее пригодными для трактовки Китовой аллеи кажутся современные эскимосские интерпретации правильных групп черепов на берегу в Сиклюке. По одной, уже отмеченной выше версии, они были якобы поставлены как укрытие для охотников при стрельбе по плавающим тюленям с берега, в другом варианте — для защиты воинов-лучников. По словам старейшего нашего информанта из бывших жителей Ыттыграна, Ятылина, жившего в 30-х годах в Сиклюке, эти группы черепов вполне могли использоваться в древности для установки байдар, т. е. были как бы аналогичны байдарным сушилам. Однако ни он сам, ни его предки, ни кто-либо иной, по его словам, никогда не слышали о существовании и использовании в прошлом подобных конструкций из китовых черепов.

По нашему мнению, правильные группы черепов на берегу, расставленные к тому же с определенным строгим интервалом, скорее всего, могли отмечать постоянные места причаливания разных бригад или бригад из различных поселений, приезжавших на Китовую аллею. Еще в конце XIX—начале XX в. в некоторых эскимосских поселках: Аване, Наукане, Сирениках — сохранялось постоянное и строгое закрепление мест для причаливания к берегу разных промысловых бригад, между которыми соблюдалась равные и постоянные расстояния. В Унгазике, Уэлькале, Имтуке и других поселках такое строгое закрепление существовало только в весенние месяцы, когда каждая бригада вырубала в ледовом припае особое место для спуска и причаливания своей байдары. В летние месяцы в этих поселках байдары и вельботы могли уже свободно подходить к берегу в любом месте, но при совместной охоте нескольких бригад опять-таки сохранялись строгие интервалы между участками причаливания и отплытия каждой бригады, и охотники обычно старались приставать к берегу в том же месте, где и отчалили.

Наконец, в наши дни в поселке Сиреники, где ведется промысел 4—5 эскимосскими бригадами, каждая из них имеет свое постоянное место на берегу для причаливания, складывания промыслового снаряжения и т. п., отделенное от мест других бригад равными интервалами примерно в 20—25 м. При этом один и тот же порядок расположения бригадных мест сохраняется уже в течение нескольких последних лет. И хотя в XIX—XX вв. места причаливания байдар ни в одном эскимосском поселке не были отмечены какими-либо специальными знаками на суше, нам представляется, что именно эта традиция лучше всего может объяснить функцию равно расставленных групп из китовых черепов на берегу бухты Сиклюк — составного элемента Китовой аллеи.

---

* Согласно устному сообщению Ж. Н. Малори, на мысе Хоуп стоят друг против друга два больших столба из китовых челюстей, между которыми «проходят охотники, отправляясь на промысел».

В заключение этой темы приведем два любопытных сообщения мореплавателей и путешественников, посетивших Чукотку в начале и середине XIX в. Эта информация, как нам представляется, имеет самое непосредственное отношение к Китовой аллее и отчасти подтверждает высказанные нами выше соображения о возможном функциональном характере столбов и черепов.

Первое из них оставлено английским лейтенантом В. Х. Хупером, участником экспедиции капитана Томаса Мура на судне «Пlover», зимовавшей на Чукотке в 1848/49 г. Описывая поселок Чечен (Тасек), в котором он побывал сам, Хупер замечает: «Яранги были незначительные и грязные; единственное, что могло привлечь к этому поселку интерес по сравнению с остальными, были поставленные парами 18—20 китовых голов для того, чтобы класть на них лодки. Я полагаю вполне вероятным, что они обычно могли держать здесь какое-то количество лодок, полностью готовых для охоты, для того чтобы немедленно спустить их на воду при получении сигнала о приближении китов» (Ноорег, 1976, 121).

Насколько можно понять, это единственное упоминание о конструкции, действительно очень похожей на Китовую аллею. Более того, Хупер высказывает приведенную уже нами версию об использовании пар черепов в качестве байдарных сушил, хотя непонятно, видел ли он сам поставленные на них байдары. Сейчас от этого ряда не осталось и следа; не упоминает о нем ни слова и В. Г. Богораз, побывавший в Чечене в самом начале XX в., т. е. всего через 50 лет после Хупера. Никаких воспоминаний об этих черепках не сохранили и старейшие жители Кивака и Чечена, с которыми мы беседовали на эту тему.

Еще более интересное сообщение находим в дневнике плавания лейтенанта А. П. Лазарева, участника экспедиции М. Н. Васильева — Г. С. Шинмарева на шлюпе «Благонамеренный» в 1820—1822 гг. Летом 1821 г., находясь в чукотском поселке Нунымо, у северного входа в бухту Лаврентия, А. П. Лазарев оставил следующую запись: «В рассуждении нынешних жертв мы не могли узнать подробного, а только видели в селении Нунагма поодаль от оной поставлены в земле четырехугольным (Так в тексте. — *Авт.*) по углам две китовые челюсти и два носа, в середине между ними две головы и одно ребро китовое же. Мы ходили туда, и при нас старшина сего селения, бывший с нами, приклеивал... к каждому из сих членов по малейшему лепесточку полученного от нас табаку. На вопрос наш, что это значит, отвечал, что это жертвы... Сказывают, что от каждого промысла также часть сюда уделяют... Сии, так сказать, жертвенники есть в каждом селении, как мы после сами их везде видели» (Лазарев, 1821, 76).

В другом варианте судового журнала, ведшегося Лазаревым, читаем: «После по селению (Нунымо. — *Авт.*) видали их жертвенники, где они приносят жертву Камаке и Кергиугье. Они составлены из четырех ребер, то бишь челюстей китовых. Связаны китовым усом, так как происхождение свое они считают от кита, то

в знак своего почтения из его членов составляют жертвенник. Жертвы приносят и табаком, и... малыми кусками прилепляют к ребру или челюсти, что мы сами видели» (Лазарев, 1821, IV).

Сообщение это, единственное в своем роде, весьма существенно для нашей темы. Правда, структуру описанного жертвенника трудно уяснить достаточно явственно. Видимо, он представлял собой четыре столба: два из нижних челюстей, а два, возможно, из верхних (во всяком случае, так можно понять упоминания о «китовых носах»), поставленных по углам некоего четырехугольника, внутри которого располагались два китовых черепа. Строго говоря, сооружение это не похоже ни на один из элементов Китовой аллеи, но связывает их, безусловно, конструктивное сочетание столбов и черепов в одном комплексе. Лазарев, в сущности, подтверждает приведенные нами выше данные о ритуальном назначении столбов, а в описанной жертве мы видим все то же известное нам «кормление» этих необычных объектов. Сомнения, правда, вызывают утверждения Лазарева о том, что он видел много таких жертвенников в других пунктах побережья Чукотки, так как из его дневника видно, что кроме Нунямо он высаживался только в Лорино и, возможно, еще где-то на Мечигменской косе. Скорее всего, он просто принимал за жертвенники замеченные с моря столбы на берегу.

К сожалению, у нас нет никаких данных, позволяющих проводить аналогии между жертвоприношениями в Нунямо и возможными ритуалами на Китовой аллее. Не исключено, что Лазарев действительно зафиксировал какую-то древнюю традицию накануне ее полного исчезновения. Но столь же вероятно и то, что он просто был свидетелем вполне обычного в рамках традиционной культуры почитания древних объектов. Заметим, что табак никак не мог принадлежать к «традиционным» видам жертв. Проверить сообщение Лазарева тем более трудно, что никаких следов описанного им жертвенника в Нунямо не сохранилось ни на поверхности земли, ни в воспоминаниях местных жителей.

Так или иначе сообщения мореплавателей XIX в., как и другие приведенные в этом разделе данные, указывают на то, что в прошлом Китовая аллея не была столь уникальной, какой она предстает сейчас, и, пусть с некоторой натяжкой, как-то вписывалась в ряд конструктивно близких ей ритуальных памятников.

Китовая аллея и эскимосский китобойный промысел

Наличие на Китовой аллее огромного числа черепов и челюстей гренландских китов, всего не менее чем от 50—60 животных, включая кости из развалин землянок поселка Сиклюк, с неизбежностью предполагает существование где-то поблизости мощного центра эскимосского китобойного промысла. По всей вероятности, это крупнейшее из известных пока на Чукотке скоплений кито-

вых костей (по числу особей), не считая весьма спорных оценок С. И. Руденко по древнеэскимосским землянкам в Сирениках. Все это заставило нас обратиться к сбору материалов о характере и интенсивности традиционного китового промысла у азиатских эскимосов.

Имеющиеся в нашем распоряжении этнографические и статистические данные относятся, к сожалению, лишь к самому концу XIX — первой половине XX в., т. е. к тому времени, когда азиатские эскимосы вели промысел уже с помощью американских ручных гарпунных пушек («ружей») или капсюльных патронов-гарпунов, а количество китов резко сократилось по сравнению с доконтактным периодом из-за хищнического промысла американских китобоев. Поэтому реконструировать прежние размеры популяции китов, пути и сроки ее сезонных миграций можно лишь с очень большим приближением. Столь же трудно оценить и интенсивность традиционного эскимосского промысла даже в XVIII — первой половине XIX в., не говоря уже о более раннем времени. И все же, используя более поздние этнографические материалы по азиатским и американским эскимосам, а также сведения по экологии гренландского кита, мы попытаемся примерно представить характер китобойного промысла в период существования Китовой аллеи. Исходной посылкой при этом будет предположение, что основные экологические принципы эскимосского промыслового хозяйства на протяжении последних столетий оставались относительно стабильными или колебались в определенных закономерных границах.

В настоящее время картина сезонных миграций тихоокеанского стада гренландских китов реконструируется следующим образом. Зиму киты проводят в южной части Берингова моря, спускаясь до Камчатки, Алеутских островов и даже заходя в Охотское море, где в середине XIX в. их активно промыслили американские китобои. Весной вслед за отступающей кромкой льдов киты мигрируют на север, проходят через Берингов пролив в Чукотское море, где одна часть стада идет далее вдоль побережья Северной Америки в море Бофорта, а другая поворачивает на запад и уходит в район острова Врангеля и Геральда. Осенью врангелевская группа возвращается на юг вдоль северо-восточного побережья Чукотки, соединяется в Беринговом проливе с животными, идущими вдоль американского побережья, и далее обе группы следуют на юг в Берингово море, держась в целом ближе к азиатскому берегу (Томилин, 1957, 48—49). Поэтому у эскимосского населения северного Берингоморья в XIX—XX вв. (и по всей вероятности, также и во все более ранние периоды) существовало два главных сезона китовой охоты: весенний и осенний, соответствующие миграциям животных на север и обратно на юг вдоль линии берега.

На азиатском побережье весной киты появляются вблизи берега в среднем в начале апреля: раньше всего в районе Сиреников и Имтука, где благодаря местным течениям сохраняется открытая вода; затем далее на восток в Аване, Киваке и Чаплино. Весен-

няя охота на них здесь заканчивается обычно в конце мая — начале июня. Сроки осеннего промысла колебались соответственно от начала октября в Наукаше до середины ноября и даже начала декабря в Имтуке и Сирениках *. В холодные годы, а также в периоды похолодания климата сроки весенних миграций были более поздними, а осенних — более ранними; в теплые годы и теплые климатические периоды наблюдалась обратная картина. Однако холодные годы (и соответственно холодные климатические периоды) могут считаться неблагоприятными для эскимосского китобойного промысла главным образом не из-за сокращения сроков охоты, а в связи с более тяжелыми ледовыми условиями у побережья, затрудняющими плавание для охотников и заставляющими китов держаться дальше от берега (Крупник, 1976, 110—111).

Специфика экологических условий в разных точках побережья Чукотки определяла особенности сроков и характер эскимосского промысла. В поселках к западу от мыса Чаплина весенняя охота на гренландских китов практически всегда велась уже на открытой воде (иногда, правда, при наличии дрейфующего льда), и убитых животных буксировали прямо к берегу. Осенняя охота также всегда велась на открытой воде, но опять-таки при некотором, иногда значительном количестве плавающих льдов. По данным конца XIX — XX в., на азиатском побережье почти везде осенняя охота была более результативной, чем весенняя (на северном побережье Чукотского полуострова сезон весенней охоты вообще отсутствовал), и лишь в Унгазике весенний промысел в отдельные годы мог быть более эффективным. Напротив, на американском побережье основной период традиционной эскимосской китовой охоты приходился на весенние месяцы, когда китов промыслили в узких ледовых трещинах — разводьях между припаем и паковым льдом; осенний же промысел там велся вдали от берега и был очень трудным, а в некоторых поселках (например, Пойнт-Хоупе, Уэльсе и др.) в прошлом вообще отсутствовал.

Имеющиеся реконструкции китовой охоты древних эскимосов показывают, что в обоих случаях она велась на плаву с больших кожаных байдар на веслах или, позднее, под парусом. К животному надо было подойти бесшумно практически вплотную, не далее чем на 5—6 м, чтобы поразить его специальным поворотным гарпуном, к которому крепился линь с тремя-четырьмя привязанными поплавками из нерпичьей шкуры. Наиболее уязвимым местом у кита считается участок выше и чуть позади грудных плавников, и в исключительных случаях животное может быть убито одним лишь попаданием гарпуна (Томилин, 1958, 57; Nelson, 1972, 218). Обычно же раненый кит мгновенно уходил под воду, утаскивая за собой поплавки, и появлялся на поверхности через некоторое

---

* Более детальное описание весенних и осенних миграций гренландских китов и сроки традиционной охоты на них в разных поселках Чукотского п-ова в конце XIX — первой половине XX в. см.: Богословская, Вотрогов, Крупник, 1981.

время на новом месте. Главная задача далее состояла в том, чтобы поразить его еще дополнительно одним или несколькими гарпунами, и лишь после этого обессиленное и истекающее кровью животное добывали специальным добойным копьём с длинным сланцевым наконечником, пробивая кожу и слой жира до сердца или дыхательных органов (Rainey, 1947, 259—260; Томилин, 1957, 56—57; Меновщиков, 1959, 20—21; Nelson, 1972, 217—218).

При таком методе промысла успех охоты определялся двумя главными условиями: возможностью подойти к плывущему или спящему на воде киту на близкое расстояние для первого броска гарпуна и максимально большим числом участников охоты, так как надо было расположить промысловые байдары так, чтобы одна или несколько из них оказались как можно ближе к вынырнувшему раненому животному и могли поразить его дополнительными гарпунами. Как видно, даже в самом благоприятном случае это было исключительно опасное и сложное дело, требующее помимо умения и отваги объединенных усилий нескольких байдарных команд по 8—10 мужчин-охотников в каждой. Поэтому в китовой охоте в прошлом всегда участвовали не менее трех-четырех байдар, или около 30 мужчин-охотников. В мифологии и регламентированной традиционной системе разделки туши убитого кита обычно фигурируют 8 байдарных команд, т. е. 60—70 взрослых мужчин-охотников (Rainey, 1947, 260; Меновщиков, 1959, 21; Van Stone, 1962, 49; Worl, 1980, 317—318).

По сообщениям наших информантов, даже в начале XX в. жители Сиклюка и других маленьких поселков на Ыттыгране и Аракамчечене не отваживались поэтому из-за своей малочисленности вести охоту на гренландских китов, хотя и были вооружены уже ручными американскими гарпунными пушками. Вплоть до 20—30-х годов XX в. наиболее опытные охотники из Напакутака, составлявшие одну бригаду на своем вельботе или байдаре, поселялись дважды в год — весной и осенью — на длительное время в Унгазике, чтобы принять там участие в китовом и моржовом промысле вместе с чаплинскими бригадами.

Понятно поэтому, что в древнем традиционном эскимосском обществе эффективный китовый промысел могло вести только население сравнительно крупных поселков (не менее 100 человек, или 20—30 взрослых охотников), расположенных в непосредственной близости от путей миграций гренландских китов. На азиатском побережье такими лучшими местами и соответственно крупнейшими центрами китового промысла издавна считались Имтук, Сиреники, Наукан, в меньшей степени — Уэлен и Унгазик; на американском берегу — Тыкырак (Пойнт-Хоуп), Уэльс, Уэнрайт и Барроу. Тем не менее даже в крупных поселениях с давними традициями китового промысла убитые и использованные животные составляли лишь незначительную часть от общего числа загарпуненных, но ушедших от охотников китов. Так, в 1889 г. на мысе Принца Уэльского удалось добыть только 3 из 15 раненых животных, в 1891 г. — лишь одно из 30 (Ray, 1976, 111); в 1929 г. жители Уэле-

на смогли разделить и использовать только 2 из 16 загарпуненных ими китов, жители Энурмино в 1930 г. — лишь одного из 10 (Крупник, 1980, 68—69). Такие же факты известны для Барроу, Пойнт-Хоупа, а на азиатской стороне — для Чаплино (Унгазик), Авана, Сиреников и многих других пунктов (Murdoch, 1887, 276; Rainey, 1947, 261; Morgan, 1977, 8—9; Томилин, 1957, 49 и т. д.).

Статистические данные первой трети XX в. показывают, что в этот период всем местным населением Чукотки добывалось в год в среднем 6—12 китов (в основном гренландских, а также горбатых, а в районе Ильяна-Мечигмана — серых), причем на промысел собственно эскимосских поселений приходилось не менее половины — двух третей общей добычи (Крупник, 1980, 68). Наиболее продуктивным был промысел в районе Сиреников и Имтука, где ежегодно добывали двух-трех (иногда до четырех-шести) гренландских китов, и около Наукана (один-два гренландских и иногда серых китов).

В ближайшем к Китовой аллее крупном эскимосском поселке Унгазике, по рассказам стариков, примерно с 1915 по 1940 г. было убито не более 8—10 китов, каждый из которых до сих пор известен по имени охотника, его убившего, точнее, по имени бригадира байдары, первой загарпунившей кита. Такая же картина наблюдалась в расположенных далее на запад Киваке и Аване, где за это же время было добыто всего по 5—6 китов (Крупник, 1979б, 154). Во всех поселках на Ыттыгране и Аракамчечене на памяти ныне живущих стариков, т. е. по меньшей мере с начала XX в., не было убито ни одного кита. В 1933 г. один сельдяной кит (сейвал) был выброшен на берег Аракамчечена около мыса Йергин, напротив Сиклюка (Томилин, 1957, 221). Правда, в конце 20-х годов напакутаской бригаде, охотившейся в Чаплино, удалось убить одного кита в акватории, примыкающей с севера к мысу Чаплина, однако его пришлось бросить из-за сильного волнения во время транспортировки туши в Унгазик. В самом же Сиклюке, а также в близких мелких поселках — Ярге, Пагиляке, Мейныгукке, Ингахпаке и др. — китобоев, насколько известно, в конце XIX—первой половине XX в. вообще не было, и жители занимались здесь только промыслом моржей и мелких ластоногих.

Правда, киты, в основном серые, реже гренландские, нередко заходили и заходят до сих пор, обычно в конце осени, в узкие проливы между островами и материком, о чем имеются упоминания в литературе (Шнакенбург, 1933, 3), воспоминания и даже современные наблюдения местных жителей и капитанов проходящих судов (см. подробнее: Богословская, Вотрогов, Крупник, 1981). В целом, однако, весь этот район считается современными эскимосами малопригодным для китового промысла. Весенняя охота на кита здесь вообще практически невозможна, поскольку до июня все бухты и проливы забиты льдом, а осенняя представляется крайне затруднительной из-за плохих, как правило, погодных условий. Случаи эпизодических заходов гренландских китов в конце осени известны и для бухт Провидения, Пlover, Ткачен (Томилин,

1957, 49), жители которых, как и обитатели Сиклюка, также в XX в. не занимались китобойным промыслом.

В рассказах о Китовой аллее, пытаясь ее интерпретировать, некоторые старики-эскимосы указывали нам, что проливы некогда были исключительно богаты китами, хотя, как мы выше отмечали, это было уже не на их памяти и даже не на памяти их отцов. В подтверждение своей мысли они всегда ссылались на большое количество китовых останков «на Сиклюке», т. е. на Китовой аллее, поэтому не исключено, что такое представление о прошлом изобилии китов в этом районе домыслено и причина и следствие здесь поменялись местами. Так же, очевидно, можно объяснить и цитированный выше рассказ Налюгьяка, согласно которому хозяйственная деятельность на летних стоянках в районе пролива Сенявина основывалась в прошлом на промысле мелких ластоногих и сборе дикорастущих растений. Даже морж в качестве промыслового зверя в этом контексте не упомянут, а в другом месте даже прямо сказано, что моржа промыслили только в самом Унгазике (Рубцова, 1940, рук. 19), хотя вблизи островных поселений располагалось Аракамчеченское моржовое лежбище, благодаря чему в этих водах ежегодно в августе—октябре скапливается большое количество моржей и возможен даже активный промысел этих животных. В отдельные годы моржи устраивают кратковременные лежки на косе Пиватынгу на южном берегу Ыттыграна, между Амьяком и Сивуратом, на косе Йергын, между Яргой и Пагиляком, а также на о-ве Нунанирак. Можно резонно предположить, что в прошлом, когда численность моржей была больше, эти лежки были постоянными (рис. 64).

И все же при более общей хозяйственно-экологической оценке всей акватории проливов единственным в этом районе поселком открытого побережья, т. е. изначально ориентированным на промысел крупных морских млекопитающих — китов и моржей, можно считать только Кыгынин, где, судя по всему, условия для охоты на этих животных действительно были в прошлом исключительно благоприятными. Напакутак, а также виденные нами с моря остатки поселений на юго-восточном побережье Аракамчечена занимают как бы промежуточное положение. Мелкие поселения по берегам бухт и проливов — Сиклюк, Мейныгук, Ярга, Пагиляк, Ингахпак, Амьяк и др. — по своему местоположению должны были ориентироваться прежде всего на добычу мелких ластоногих (Крупник, 1977, 12—14). Эта схема, казалось бы, хорошо подтверждается воспоминаниями местных жителей старшего поколения, т. е. устной традицией конца XIX — первой половины XX в. Однако в рассказе Налюгьяка о Сиклюке рассказчик упоминает о китах и приводит кажущиеся сейчас нереальными данные о добыче 3—4 китов ежегодно только в районе Сиклюка.

Таким образом, мы не можем полностью исключить вероятность того, что акватория пролива Йергын была в прошлом местом скопления гринландских китов и что жители окрестных поселков (и возможно, также летние переселенцы из Унгазика) занимались

здесь их промыслом. В последние годы накапливается все больше свидетельств в пользу того, что помимо сохранившейся до нашего времени популяции гренландского кита, которая ежегодно мигрирует через Берингов пролив к берегам Канады и обратно (именно на этих животных охотились в XIX—XX вв. местные жители Чукотки и Аляски), в прошлом существовала еще одна субпопуляция (стадо?) гренландских китов, которая оставалась в летние месяцы у берегов Чукотки и была в XIX в. полностью уничтожена американскими китобоями (Богословская, Вотрогов, Крупник, 1981). Очевидно, к ней могли относиться те киты, которых добывали в летние месяцы в XVIII—первой половине XIX в. местные жители из поселков вокруг залива Лаврентия (Кук, 1971, 367; Коцебу, 1821, 156), а также в проливе Сенявина, о чем мы имеем прямое описание, сделанное в августе 1856 г. американским натуралистом У. Стилпсом во время стоянки судна «Венсан» в бухте Глазенапа (Heine, 1859, 167—168):

«Однажды мы видели, как туземцы ловят кита. Их стоящие на вершине холма дозорные заметили в проливе кита, и, как только это стало известно, множество байдар из разных поселков (!) стали окружать животное, чтобы не дать ему уйти обратно. При каждом удобном случае бросали в кита копьё, причем как только острие входило в тело кита, древко отпадало, а острие, соединенное длинным шнуром с большим рыбьим пузырем (поплавком из нерпичьей шкуры. — *Авт.*), оставалось торчать в ките. Таким образом, движения кита были сдержаны, а пузыри не давали ему нырнуть. Вскоре его убили, оттащили к ближайшему на берегу стойбищу, разрезали и мясо разделили между охотниками... Одного кита при-

Рис. 64. Стадо моржей недалеко от берега у с. Спренки

было на берег недалеко от нашего лагеря, так его разделили менее чем за час... Киты, которых мы здесь видели, относятся к разряду настоящих китов (гренландских. — *Авт.*)».

Разумеется, по одному описанию крайне трудно судить, насколько подобная охота на кита в проливе Йергын могла быть типичной даже для XIX в., не говоря уже о времени создания и функционирования Китовой аллеи. В любом случае мы можем лишь признать, что в фольклорной традиции Сиклюк и окружающая акватория связывались с добычей китов, в то время как согласно устной традиции в конце XIX—XX в. китов здесь уже не добывали.

Оценить размеры древнего китового промысла коренного населения Чукотки до хищнического истребления гренландских китов американскими китобоями во второй половине XIX в. мы можем лишь крайне приблизительно. Американские ученые считают, что в доконтактный период эскимосы северо-западной Аляски добывали в год в четыре раза больше гренландских китов, чем в начале XX в., т. е. около 40—50 животных на примерно 2,5 тыс. населения (Bockstoe, 1977, 5). У нас, однако, нет оснований переносить это соотношение на традиционный промысел азиатских эскимосов, поскольку добыча китов в узких ледовых проходах у мысов Хоуп или Барроу, всегда должна была быть намного продуктивней охоты на открытой воде, характерной для расположенного южнее Чукотского полуострова. С большой осторожностью мы можем считать, что доконтактный промысел на Чукотке мог быть максимальным в полтора — два раза более интенсивным, чем в начале XX в., т. е. составлять ежегодно около 20 животных (Крупник, 1979б, 155). Чтобы жителям обследованных нами небольших поселков в районе пролива Сенявина удалось сообща добыть 50—60 гренландских китов, чьи черепа стоят на Китовой аллее, потребовалось бы время жизни одного-двух поколений при самых благоприятных условиях промысла и как минимум трех-четырех поколений — при менее благоприятных.

Не менее трудным делом, чем сам промысел, была транспортировка убитых китов от места добычи в поселок и их разделка (рис. 65, 66). Для того чтобы на веслах буксировать 30—50-тонную тушу гренландского кита, требовалось не менее 4—5 промысловых байдар (т. е. 30—40 мужчин-охотников). Старики неоднократно описывали нам огромные трудности транспортировки добытых далеко от берега китов, которая могла длиться двое суток (см. также: Меновщиков, 1959, 21). При этом от внутреннего тепла мясо убитого кита уже через 24 часа портится («сторае»), и поэтому известно немало случаев, когда охотникам приходилось проводить частичную разделку туши в открытом море на воде и бросать остальное, привозя домой лишь малую часть мяса, кожи, жира и китового уса. Неустойчивые, постоянно изменчивые погодные условия в весенние и осенние месяцы также делали опасной длительную транспортировку китов; возможность реального использования убитого животного была обратно пропорциональна расстоянию от места добычи до поселка. Именно поэтому возможность буксировки добы-

Рис. 65. Убитый серый кит, вытасщенный на берег

Рис. 66. Убитый серый кит перед разделкой

тых китов на большие расстояния, скажем на Китовую аллею от Кыгынгина или тем более Унгазика, представляется маловероятной.

Наконец, доставив тушу гренландского кита к берегу, даже жители крупного поселка не могли вытащить ее на сушу, и потому разделка обычно проводилась прямо на воде около берега или же по частям на ледовом припае. Это была исключительно тяжелая работа, требующая совместных усилий всего населения поселка (Меновщиков, 1959, 21). По расчетам для полной разделки крупной туши гренландского кита требуется непрерывная работа многих десятков человек, в том числе не менее 30—40 мужчин в течение 1—2 суток (Raineу, 1947, 261; Morgan, 1977, 9; Marquette, 1979, 15).

Кости и череп разделанных китов в начале XX в., по сообщениям информантов, обычно вытаскивали на сушу. Считалось, что в противном случае киты перестанут подходить близко к берегу, однако эта процедура не сопровождалась никакими ритуальными действиями и обрядами. Нижние челюсти, ребра, лопатки использовались при строительстве мясных ям и ранее также для сооружения землянок, поэтому в более древних эскимосских поселениях, где китовый промысел велся в течение многих столетий, на берегу скапливалось такое количество китовых костей, что они образовывали культурный слой мощностью в несколько метров. В Сирениках, например, мощность этого культурного слоя в обнажении берега достигает 8—11 м, и весь он напоминает гигантский «слоеный пирог» из перемешанных с гумусом полусгнивших китовых и тюленьих костей. Не использованные для строительства кости, как правило, уносились затем осенними штормами и потом беспорядочно выкидывались морем на берег. Поэтому пляжная полоса у многих старых и новых поселков открытого побережья практически всегда изобилует окатанными обломками китовых костей, позвонками, ушедшими в гальку или песок китовыми черепами и т. п.

Все изложенные выше материалы образуют, на наш взгляд, достаточно убедительную систему аргументов в пользу того предположения, что черепа и челюсти китов, использованные для строительства Китовой аллеи, частично или в основном принадлежали животным, добытым и разделанным не в Сиклюке, а в каком-либо другом месте, и были специально привезены затем на Сиклюк. Наиболее веским аргументом в данном случае может считаться отсутствие крупных древних поселений в непосредственной близости от Китовой аллеи, относительная непригодность этого района для китового промысла, по оценкам эскимосов, в конце XIX—XX в., и, главное, примечательное отсутствие или, точнее, крайняя малочисленность других китовых костей — ребер, позвонков, лопаток и др. — на Китовой аллее. Подчеркнем, что в самом Сиклюке, по видимому, не бывает сильных штормов, о чем, помимо рассказов местного населения, мы могли судить и по обилию старых скелетов моржей, разбросанных на галечном пляже перед поселком и аллеей. Следовательно, китовые кости не могли быть полностью смыты морем. Равным образом кости от 50—60 гренландских китов не могли быть полностью использованы при строительстве сравнитель-

но небольших землянок древнего поселка Сиклюк, на сооружение которых в лучшем случае пошло бы не более десятка полных скелетов. Поэтому кости китов с Китовой аллеи, по всей вероятности, должны лежать где-то в другом месте, а именно в развалинах каких-то крупных поселений, где происходила добыча и разделка животных.

Мы не можем принять и точку зрения, согласно которой проливы между островами и материком могли быть в прошлом крупным центром китового промысла, куда съезжались эскимосские охотники из разных пунктов побережья. Даже если предположить, что в древности эти воды изобиловали китами, то все равно промысел здесь, вдали от крупных поселений, был бы крайне неэффективным, поскольку в свои поселки охотники могли бы привозить на байдарках только ничтожную часть мяса убитых животных, и огромные усилия на добычу, транспортировку и разделку китов не окупались бы. Близ столь важного центра китобойного промысла неизбежно возник бы крупный поселок, жителям которого было бы выгодней заниматься промыслом моржей, мелких ластоногих, птицы, которыми изобилует этот район, чем совершать ежегодно длительные и малоэффективные экспедиции на китовую охоту. Однако крупного поселка на островах и прилегающем побережье нет; равным образом ничего не известно и о существовании здесь какой-либо специальной бухты, где производилась бы разделка добытых китов и остались бы в изобилии кости убитых животных.

Наконец, остается рассмотреть возможности существования вблизи Китовой аллеи какого-либо крупного естественного, природного источника китовой кости. В литературе описаны так называемые «китовые кладбища» — особые бухты или отмели на побережье, где во время штормов или сильных приливов море выбрасывает на берег туши мертвых китов; имеются сведения, что по неизвестным причинам киты иногда сами выбрасываются здесь на сушу. Одна такая бухта описана, в частности, на северо-восточном побережье Кольского полуострова. Ежегодно в ней выкидывало на сушу от 1 до 40 китов, и берега ее были сплошь покрыты костями и остатками этих животных (Латкин, 1854, 52). В 1835 г. в Баренцевом море на отмели близ о-ва Вайгач поморы нашли 12 туш выброшенных морем китов и т. п.

Конечно, наличие вблизи Китовой аллеи китового «кладбища» вполне обеспечило бы ее создателей, даже жителей маленького поселка, необходимым строительным материалом, не требуя от них ни трудного и опасного промысла, ни изнурительной транспортировки и разделки убитых животных. Однако такого «кладбища» в районе пролива Сенявина и мыса Чаплина нет; во всяком случае, оно не было обнаружено нами во время двукратных обследований побережья в 1976 и 1977 гг. Ничего не известно о нем также и местным жителям, в том числе и самым старым уроженцам Сиклюка, Напакутака, Ингахпака и других расположенных здесь поселков, а также плавающим в проливах капитанам местных транспортных и промысловых судов.

Таким образом, даже если подобное кладбище и имелось где-либо далее по побережью на север или запад от исследуемого района (о чем, впрочем, также нет никаких свидетельств), то все равно перевести оттуда на Китовую аллею черепа или челюсти мертвых китов можно было лишь в ходе многократных и целенаправленных экспедиций. При настоящем уровне наших знаний о Китовой аллее и окружающей ее территории все аргументы говорят в пользу того, что сюда были специально привезены (или свозились из разных мест) только строго определенные части китовых скелетов — черепа и нижние челюсти (хотя не исключена возможность добычи части китов в акватории пролива) и, следовательно, аллея изначально возникла как тщательно задуманное сооружение, не имеющее прямой объективной связи с реальными нуждами китового промысла.

Подчеркнем, что даже транспортировка на Китовую аллею черепов и челюстей гренландских китов на кожаной весельной байдаре была довольно сложным делом: одна челюстная кость гренландского кита весит до полутонны, а череп — около 2—2,5 тонн (Томилин, 1957, 42). Скорее всего, челюсти на Китовую аллею перевозили, привязывая снаружи к борту байдары, подобно тому как это делают и сейчас с тушами забитых моржей, а черепа буксировали на ремнях, придав им плавучесть с помощью нескольких поплавков из нерпичьих шкур. Эскимосские охотники считают, что два таких поплавка держат на воде большого моржа весом около тонны. Для китового черепа, следовательно, могло понадобиться 5—6 поплавков, что составляет обычный комплект промысловой байдары.

Мы уже отмечали выше, что на большинстве черепов Китовой аллеи сохранились искусственно сделанные отверстия (проушины) на крайних выступах в скуловой части черепа. Эти проушины, скорее всего, могли использоваться для привязывания к ним поплавков, а также ремней для выволакивания черепа на берег. Это можно считать еще одним подтверждением того, что на сиклюкское побережье вытаскивались не головы китов с мягкими тканями, а уже мацерированные черепа. Для очистки черепа от мягких тканей еще в начале XX в. головы гренландских китов, добытых во время осенней охоты, опускали на ремнях в море и вытаскивали затем весной. Однако в конце XIX—начале XX в. эскимосы никогда не перевозили с места на место китовые кости и особенно черепа, и сама мысль об этом представлялась всем нашим современным информантам смешной и нелепой.

Некоторые выводы

На протяжении всех страниц этой главы авторы предприняли попытку вписать Китовую аллею и сопряженные с ней сооружения в общеэскимосскую и локальную культурную традицию, выяснить, какие моменты в эскимосском фольклоре, культах, обрядности, навыках китового промысла и вообще в отношении к

киту могут быть соотнесены с данным памятником. Следует признать, что выводы, к которым мы пришли, малоутешительны и парадоксальны. И сам памятник, и окружающая его территория крайне слабо отражены в эскимосской фольклорно-мифологической традиции, как и во всем комплексе нарративных и иных текстов, связанных с материальной и духовной жизнью азиатских эскимосов. Мы не только не можем почерпнуть из них сведений о том, как, зачем и с какой целью привозились огромные кости китов в бухту Сиклюк, но, более того, сама идея подобных действий представляется современным эскимосам несуразной.

Вообще кит в мифологии и верованиях эскимосов в целом играет второстепенную, подчиненную по отношению к основным мифологическим персонажам роль, и его значение проявляется только в обрядовых действиях, но не в сакральных текстах. У эскимосов, по крайней мере с XVIII—XIX вв., не было обычая воздвигать памятники из китовых черепов и челюстей так, как это сделано на Китовой аллее. Культовые и мемориальные действия производились в это время с черепами других животных: моржей, медведей, есть одно не очень ясное сообщение о черепах белух, но не китов. То, что черепа могли маркировать места причаливания, а столбы из китовых челюстей рассматриваться как вместилища душ предков, малоспецифично, так как подобные весьма общие представления можно найти почти в любой культуре в связи с любыми крупными, заметными и вертикально стоящими предметами. Скорее всего, эти данные мы должны рассматривать не как отражение чего-либо специфического, присущего эскимосской этнической традиции, а как проявление общечеловеческих семантических универсалий.

Достаточно развитый и сложный ритуал, связанный у эскимосов с событиями жизненного и годового хозяйственного цикла, также не укладывается в контекст Китовой аллеи и вообще почти не требует создания крупных и долговечных сооружений. Пожалуй, лишь наличие кольцевых каменных структур, связанных с поминальным культом, может быть как-то соотнесено с некоторыми ее элементами. Впрочем, аналогичные обычаи могут быть найдены и во многих других, весьма далеких культурах.

Итак, парадоксальный вывод, к которому мы можем прийти после анализа этнографических материалов, таков: Китовая аллея не выглядит памятником, укладываемым в известный нам контекст духовной культуры азиатских эскимосов и вообще современного эскимосского этноса. Скорее, она смотрится как историческое наследие какого-то иного этнического пласта, с иными ритуальными и духовными традициями, хотя явно с почти аналогичной материально-хозяйственной базой. Этот вывод имеет, очевидно, решающее значение для дальнейшего хода нашего анализа. Во-первых, он снимает кажущиеся противоречия между фактической уникальностью памятника и его крайне слабым отражением в «живой» этнографической традиции. Во-вторых, он явственно ограничивает наши возможности опираться на поздние этнографические

материалы при реконструкции структуры, функций Китовой аллеи и ее места в жизни древнеэскимосского общества. В-третьих, в общеметодическом плане он еще раз демонстрирует трудности анализа истории бесписьменных, архаичных обществ, где между материалами, получаемыми археологами, и данными, собираемыми в поле или по источникам этнографами, как правило, лежит хронологический разрыв во много столетий. Пример Китовой аллеи показывает, сколь опрометчивыми могут оказаться попытки заполнить этот разрыв путем простой экстраполяции видимой и хорошо изученной этнографической реальности последних столетий.

К какому же этносу в таком случае мы должны относить древних строителей Китовой аллеи? В археологии, палеоантропологии и истории этого региона сейчас общепринято мнение, что по крайней мере со II тысячелетия до н. э. все сменявшие друг друга по берегам Берингова пролива культурные традиции этнически были связаны с древними эскимосами, хотя, несомненно, с разными культурными и генетическими пластами в рамках эскимосского этноса. Поэтому, если мы сопоставим древнеберингоморскую культуру эскимосов Чукотки или о-ва Св. Лаврентия начала нашей эры с культурой туле эскимосов Северо-Западной Аляски XII—XV вв., то увидим весьма разительные контрасты в форме жилищ и поселений, погребальном ритуале, средствах художественного выражения и прочих фиксируемых археологически культурных элементах. Тем не менее обе эти культуры, как и промежуточные, и смыкающиеся с ними типа бирнирк, пунук и т. д., всеми исследователями принимаются за эскимосские, поскольку в этом ареале нет другого этноса, с которым можно было бы связать характерные для всех них и представленные у современных эскимосов традиции специализированного морского промысла как основы хозяйства.

Поэтому в данном исследовании мы также будем исходить из постулата эскимосской принадлежности нашего памятника, хотя, скорее всего, связанного с каким-то специфичным или малоизвестным пластом в истории азиатскоэскимосской этнической общности. Несомненная принадлежность Китовой аллеи культуре, ориентированной на морской зверобойный промысел, очевидно, сразу же исключает возможность строительства ее тундровым оленеводческим населением или даже охотниками на дикого оленя, которыми в прошлом являлись чукчи. Что же касается так называемых оседлых или приморских чукчей, широко расселившихся в последние века на побережье Чукотки, то, согласно принятому мнению (Вдовин, 1961), их культура сложилась на базе предшествующего им эскимосского субстрата и с трудом может быть дифференцирована от него даже в ее современном облике, не говоря уже о более ранних этапах. Кроме того, хотя сейчас район пролива Сенявина лежит на стыке ареалов эскимосского и чукотского этносов, он, насколько известно по всем материалам, так никогда и не был освоен собственно приморскими чукчами и вплоть до наших дней несомненно являлся частью южного ареала азиатских эскимосов, центром которого в последние одно-два столетия был мыс Чаплина.

КИТОВАЯ АЛЛЕЯ И ДРЕВНЕЕ ЭСКИМОССКОЕ ОБЩЕСТВО

Перед этнографом, наблюдающим современное ему живое общество, постоянно встает задача интерпретации и анализа реальных социокультурных функций действующих в этом обществе ритуальных обычаев и установлений. Далеко не всегда эта задача легко разрешима, а предлагающиеся решения нередко оказываются противоречивыми и даже взаимоисключающими. Тем более сложна задача определения функционального назначения таких институтов, от которых осталось только их внешнее материальное оформление, да и то в значительной степени фрагментарное, о которых мы не располагаем почти никакой запечатленной в народной традиции информацией. Тем не менее, если исследователь прошлого, работающий археологическими и палеоэтнографическими методами, не хочет ограничить себя лишь эмпирической фиксацией материальных фактов и отказаться от каких-либо попыток их осмысления, то, на наш взгляд, он обязан создать пусть крайне гипотетическую, но все же достаточно полную систему концептуальных данных, в которую полученные им факты и материалы могли бы быть логически уложены. Понятно поэтому, что любая попытка реконструкции действий, которые были связаны с Китовой аллеей, их социального и культурного смысла, а также предопределивших их факторов может быть только гипотетичной и однозначного решения на данном уровне наших знаний здесь предложить невозможно.

Для того чтобы найти хотя бы один из многих возможных вариантов решения такого уравнения со множеством неизвестных, каким представляется Китовая аллея, необходимо наметить датировку ее сооружения, длительность функционирования, время и обстоятельства превращения ее из живого элемента культуры в мертвый памятник прошлого; отыскать в сравнительном этнографическом материале, прежде всего среди этнически и географически близких этносов, такие параллели, которые могли бы способствовать гипотетической реконструкции роли этого сооружения и проходивших на нем действий (рис. 67, 68).

Датировка

Датировка Китовой аллеи сама по себе представляет уже достаточно сложную задачу. Разведочные шурфы, заложенные нами в пределах разных структурных элементов памятника, не дали, как уже указывалось, никаких датирующих материалов. Впрочем, это и не удивительно. Китовая аллея, как можно судить, не явля-

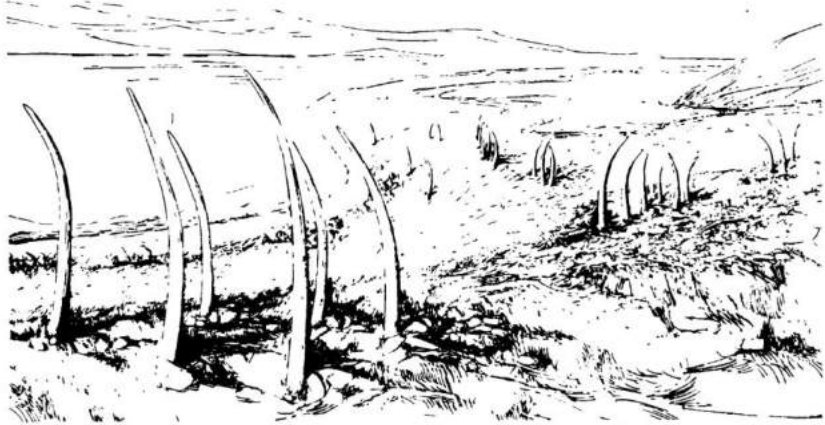

Рис. 67. Китовая аллея: первоначальный вид памятника. Реконструкция К. Чаликяна и Л. Абрамяна

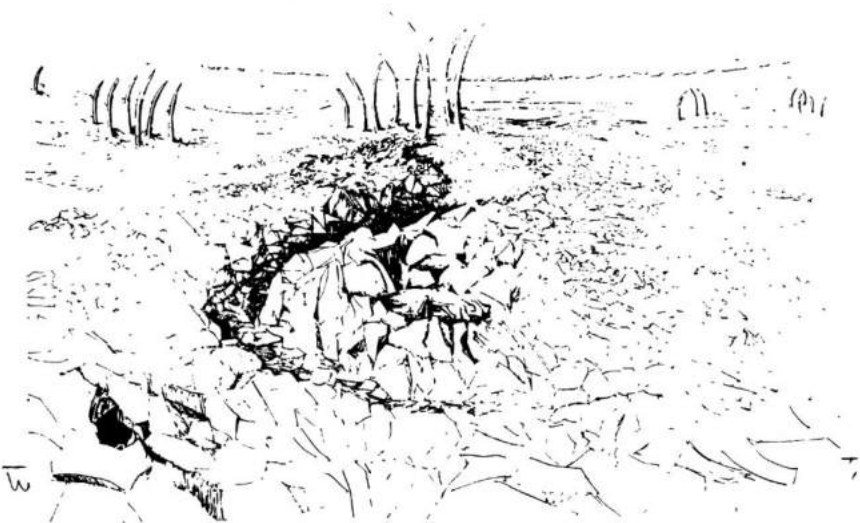

Рис. 68. Китовая аллея: центральная часть с главным святилищем. Реконструкция К. Чаликяна и Л. Абрамяна

лась ни погребальным сооружением, ни местом сколько-нибудь длительного поселения. Пребывание людей в ее пределах было, очевидно, эпизодическим и кратковременным и вероятность случайной потери или поломки каких-либо датирующих бытовых или культовых предметов весьма невелика. Даже если создатели Китовой аллеи и поместили на ней какой-нибудь клад, тайник или иное захоронение ритуальной утвари, жертвенных предметов или чего-либо подобного, то только счастливая случайность могла бы помочь обнаружить его на памятнике, занимающем столь большую пло-

щадь. Сплошные же раскопки Китовой аллеи, учитывая масштабы памятника, трудно осуществимы, да и нежелательны: любые археологические работы на нем должны проводиться крайне осторожно, не нарушая целостности его облика.

Радиоуглеродная датировка памятника также представляет известные трудности. Найденные в его пределах очаги (кострища) практически не содержали угля, а состояли только из золы и следов обгорелой кости, спекшейся с галькой. Радиоуглеродное датирование на основе обычной китовой кости, длительное время находившейся на открытом воздухе или в грунте, имеет свои проблемы, на которых мы остановимся ниже. Поэтому сначала мы попытаемся рассмотреть возможность датировки Китовой аллеи на основании различных косвенных заключений. Логически отсекая как самые поздние, так и самые ранние варианты времени ее создания, мы можем прийти в итоге к выделению того относительно узкого исторического периода, в рамках которого сооружение памятника выглядит наиболее вероятным.

Достаточно очевидно, что Китовая аллея не могла быть создана в новое время, т. е. в XVIII—XIX вв. Столь крупное сооружение в этот период, несомненно, оставило бы следы в устной традиции.

То, что оно не могло быть делом рук позднего неаборигенного населения (скажем, русских землепроходцев или американских китобоев), на наш взгляд, не нуждается в доказательствах. Как было показано выше, фольклор чаплинцев-пагалигмит, активно осваивавших в XVIII—XIX вв. в летние месяцы Ыттыгран и Аракамчечен и прилегающее материковое побережье, содержит довольно подробную картину жизни эскимосов периода, предшествовавшего установлению контактов с европейцами, но никаких прямых упоминаний о Китовой аллее в этом фольклоре нет. Поскольку нельзя допустить, что Китовой аллее тогда еще не было, очевидно, что к этому времени значение ее было уже забыто. Нет никаких упоминаний о Китовой аллее и в тех пластах фольклора, которые повествуют о войнах с «таннитами» или сивукахмит (жителями о-ва Св. Лаврентия) и относятся, по всей вероятности, к более раннему периоду XVII—XVIII вв.

Наконец, против позднего времени строительства Китовой аллеи говорит уже само состояние китовых костей из различных элементов памятника. Конечно, визуальная оценка степени старения китовой кости не может дать достаточно точной датировки сооружения, однако при приблизительном датировании с интервалом в несколько столетий этот признак может иметь важное значение. Так, китовые кости из землянок и уалькар исторического и предысторического периодов в Сиклюке, Кыгынине, Пагыляке, Унгазике и других пунктах имеют, как уже отмечалось, относительно белый цвет, мелкопористую структуру поверхности и сравнительно слабо изъедены лишайником. Кости более ранних землянок пунукского времени значительно более изъедены лишайниками, имеют сероватый цвет, открывают крупнопористую структуру по-

верхности, однако хорошо сохраняют свою целостность и конфигурацию и не подвергаются существенному растрескиванию. Наконец, кладки из китовой кости древнеберингоморского времени, исследованные нами в древнем поселке Эквен и на Эквенском могильнике, не только очень сильно изъедены лишайниками и имеют крупнопористую структуру, но зачастую весьма непрочны, легко обламываются, расщепляются, а форма их поверхности полностью нарушена.

Ближе всего по степени выветривания и разрушения черепá и челюсти Китовой аллеи стоят к китовым костям из кладок пунукских землянок. Это особенно хорошо видно при сравнении их с костями из развалин уалькар поселка Сиклюк, которые датируются не позднее начала XIX в. В то время как кости уалькар подверглись лишь минимальной эрозии, на костях сооружений аллеи, особенно на некоторых поваленных черепах, эрозия зашла достаточно далеко. На многих столбах и черепах хорошо различаются надпилы, произведенные железной пилой, очевидно, в XIX—XX вв. и обнажающие более плотную, мелкопористую светлую внутреннюю часть кости. В то же время поверхность крупных зарубок и отверстий на концах некоторых столбов и черепов не отличается по фактуре от остальной поверхности, и, следовательно, эти зарубки имеют примерно тот же возраст, что и сами кости. В любом случае по уровню сохранности кости Китовая аллея явно старше землянок и уалькар предисторического и исторического периодов (т. е. XVII—XIX вв.), но ее также вряд ли можно относить ко времени более раннему, чем пунукское.

Хотя китовые кости широко использовались уже в древнеберингоморских захоронениях первой половины I тыс. н. э., в частности на Уэленском и Эквенском могильниках, все же крупные китовые черепа в них встречаются сравнительно редко. Обрамление китовыми черепами наиболее характерно как раз для погребений пунукского времени (т. е. примерно с VIII—X вв.). В гарпунном инвентаре древнеберингоморской культуры также лишь единично встречаются наконечники, изготовленные специально для охоты на кита, тогда как в пунуке они составляют основную массу наконечников. Поэтому нам представляется почти бесспорным, что масштабность Китовой аллеи отражает столь высокую степень развития китового промысла, которая еще не могла быть достигнута в древнеберингоморскую эпоху, но характерна для пунукского времени.

Памятники более древние, чем древнеберингоморские, на азиатском побережье Берингова моря нам неизвестны, поэтому никаких сопоставлений с ними мы делать не можем. Что касается культуры бирнирк, которая хронологически считается промежуточной между древнеберингоморской культурой и культурой пунук, то центр ее формирования лежал севернее, на побережьях Ледовитого океана, а в районах южнее Берингова пролива происходило лишь постепенное перерастание древнеберингоморской культуры в пунукскую, осложнявшееся некоторыми бирнирскими интрузия-

ми. Насколько можно судить по погребениям, люди бирнирской культуры нигде не практиковали китового промысла, поэтому вопрос о каких-либо возможных связях рассматриваемого здесь памятника с культурой бирнирк автоматически отпадает.

Наконец, одной из возможностей датировки Китовой аллеи может служить ее привязанность к современной береговой линии. Положение ряда черепов вдоль самой бровки галечной косы показывает, что они были установлены в то время, когда уровень моря был относительно близок к современному. И хотя известно, что в течение последних двух тысячелетий уровень Мирового океана был относительно стабильным и колебался в пределах всего 1—2 м, для таких сооружений на самой бровке берега, как Китовая аллея, даже небольшие флуктуации могли иметь решающее значение. Это хорошо видно по уровню современных приливов и отливов, амплитуда которых в бухте Сиклюк достигает всего нескольких десятков сантиметров. В отлив полоса галечного пляжа увеличивается на 8—12 м; из воды в нескольких метрах от уреза показываются вершины галечных гряд, которые затрудняют подход к берегу на вельботе или кожаной байдаре. Напротив, поднятие уровня моря привело бы к значительному разрушению бровки косы Синракак и оставило бы следы замыва и галечного перехлеста, которые видны, например, на косе в Напакутаке.

Имеющиеся весьма неполные материалы о позднейших колебаниях уровня моря в восточном секторе Арктики, которые вполне могут быть соотнесены с прилегающими районами Берингова пролива, позволяют выделить следующие периоды, хорошо коррелирующие с основными этапами изменения климата в течение последних полутора тысяч лет (Hume, 1965, 1165—1166; Stanford, 1976, 7—8). Напомним, что в периоды похолодания климата уровень моря в арктическом бассейне должен был несколько понижаться за счет увеличения массы льда в ледниках, а в теплые периоды — соответственно повышаться в пределах от 1 до 1,5—2 м за счет таяния морского оледенения.

1) Холодный климат и низкое стояние уровня моря. 500—800 гг. н. э. — бирнирская эпоха и начало пунука.

2) Теплый климат и относительно высокое стояние уровня моря (заметно выше современного). 800—1300 гг. н. э. — эпоха развитого пунука.

3) Быстрое понижение уровня моря в переходный климатический период. 1300—1500 гг. н. э., период позднего пунука в рассматриваемом районе.

4) Холодный климат и низкое стояние уровня моря. 1500—1850 гг.

5) Постепенное потепление и повышение уровня моря до современного. 1850 гг. — до наших дней.

Если не принимать во внимание мелких, кратковременных колебаний, то вероятнее всего связать сооружение Китовой аллеи с переходным периодом XIV—XV вв., когда береговая линия была относительно близка к современному уровню. Вместе с тем следы

слабого замыва некоторых групп черепов, стоящих у кромки, а также то, что отдельные группы в центральной и юго-западной части памятника были явно нарушены в результате, по всей очевидности, давления выпираемых на берег льдин или сильных штормов, можно рассматривать как свидетельства незначительных подъёмов уровня моря уже после строительства Китовой аллеи; их можно ориентировочно связывать с более теплыми климатическими интервалами начала XVII, начала XVIII и второй трети XX в.

После того как в ходе экспедиции 1977 г. мы пришли к такой косвенной датировке Китовой аллеи, мы сочли необходимым проверить ее радиоуглеродной датировкой, учитывая, впрочем, весьма условную надёжность радиоуглеродного метода определения возраста по китовой кости, которая длительное время либо находилась на открытом воздухе, либо была закопана в грунт сравнительно неглубоко от поверхности. Отбор образцов кости для датирования был произведен во время экспедиции 1979 г. из разных частей памятника, а также из развалин землянок поселка Сиклюк. Во всех случаях образцы представляли собой спилы китовых челюстей, носовых костей и позвонков, вкопанных в грунт до глубины 60—90 см. Анализ образцов проводился в Лаборатории радиоуглеродного датирования Ленинградского отделения Института археологии АН СССР Ю. С. Свеженцевым, которому авторы выражают свою самую искреннюю благодарность.

Образец кости непосредственно с самой Китовой аллеи — спил мышелка нижней челюсти от обломанного теперь столба Н, взятый с глубины 80 см, показал дату 1690 ± 30 (JE—1598). С учетом принятых сейчас поправок (см.: Арсланов, 1978) это дает его реальный возраст, т. е. фактически время гибели кита, 1628 ± 30 г. н. э., или конец XVI — первая половина XVII в. Однако, учитывая очевидную омоложенность образца из-за промыва кости и окружающей почвы снеговыми и грунтовыми водами, а также очень высокую пористость самой кости, обуславливающую ее высокую адсорбционную способность (т. е. возможность поглощения из почвы и воды более молодых карбонатов), нам представляется, что результаты радиоуглеродного датирования не противоречат нашим предшествующим заключениям о датировке Китовой аллеи периодом позднего пунука. Интересно, что в точности такой же возраст (1683 ± 40 , а с учетом поправок — 1628 ± 40 г. н. э.) имеет и другой образец (JE—1597) — спил крупного китового позвонка, извлеченного с глубины 70—85 см при зачистке наружной стенки вала небольшой «псевдоземлянки» в центральной части поселка Сиклюк, оказавшейся в действительности кольцевой структурой из крупных валунов, прикрытой мощным гумусным слоем. Как единственный возможный комментарий мы можем предположить, что некоторое количество синхронных китовых костей могло впоследствии оказаться на территории поселка. Наконец, третий из определенных пока образцов (JE—1636) — взятый с глубины 60—65 см спил обломка нижней челюсти C₁, вкопанной мышелком вверх, — датируется $1790 \pm$, или с поправкой 1743 ± 40 г. н. э.

Это в некоторой степени подтверждает нашу мысль о конструктивной «чужеродности» двух обломков челюстей, закопанных мышелком вверх на самом северо-восточном крае Китовой аллеи.

Как видно, некоторый разнобой в имеющихся у нас пока радиоуглеродных датировках, а, главное, трудности их интерпретации вносят известную сложность в проблему радиоуглеродного датирования Китовой аллеи. И все же, как нам кажется, радиоуглеродные датировки (особенно учитывая их очевидную омоложенность), не расходятся принципиально с нашим определением возраста памятника на основании косвенных свидетельств и заключений. Таким образом, в итоге всех приведенных выше рассуждений мы можем с определенной степенью достоверности наметить как верхнюю, так и нижнюю его границу и отнести время сооружения Китовой аллеи к периоду позднего пунука, т. е. примерно к XIV—XVI вв.

Функциональная реконструкция памятника

Любая попытка построить гипотетическую схему функционирования Китовой аллеи неизбежно упирается в вопрос о сроках и сезонности происходивших на ней действий. Его решение, однако, в значительной степени облегчается тем обстоятельством, что сама природная обстановка Берингоморья представляет довольно мало простора для различных гипотетических вариантов. Совершенно ясно, что ориентированная на море и связанная цепью столбов-маяков с южным побережьем Аракамчечена, Китовая аллея строилась таким образом, чтобы посещение ее участниками обрядовых действий могло быть приурочено к навигационному сезону, т. е. к периоду с середины июня по середину ноября, или в течение всего пяти месяцев в году. Исходя из данных об изменениях климата Арктики во II тысячелетии н. э., мы можем предположить, что в XIV—XVI вв. эти сроки вряд ли существенно отличались от современных.

Годовой хозяйственный цикл создателей Китовой аллеи мы можем отчасти реконструировать по фольклорным и этнографическим материалам XIX—XX вв., как это в свое время было сделано для древних жителей Ипиутака по аналогии с эскимосами мыса Хоуп XIX в. (Larsen, Rainey, 1948). В нем, несомненно, должен выделяться период интенсивной весенней охоты на мигрирующих моржей и китов, продолжавшийся с апреля по конец июня, и такой же период осенней охоты — с начала сентября до конца ноября, т. е. фактически до окончания навигационного сезона. Кроме того, август, очевидно, был оптимальным временем для охоты на дикого оленя, игравшей важную роль в экономике азиатских эскимосов до развития чукотского крупнотабунного оленеводства в XVII—XVIII вв. и требовавшей либо рассредоточения населения по побережью, либо специальных экспедиций мужчин-охотников в глубь тундры на места переправ или скученного выпаса животных. Реликтами таких поездок можно, очевидно, считать описан-

ные выше летние миграции чаплинцев в XVIII—XIX вв. в район пролива Сенявина для промысла мелких тюленей, рыболовства и сбора дикорастущих растений. Поэтому для сборов на Китовой аллее сравнительно большого числа людей наиболее подходящими, видимо, оставались два промежутка времени: конец июня — июль (сразу же после окончания весенней охоты) и конец августа — начало сентября (после возвращения с летних стоянок, но до начала осеннего промысла крупных морских млекопитающих). Напомним, что в XIX — начале XX в. второй период являлся общепринятым среди азиатских эскимосов временем обмена с оленеводами-чукчами и дальних поездок на больших байдарках вдоль побережья; он же считался и самым благоприятным в году с точки зрения погодных и навигационных условий.

Поскольку вблизи Китовой аллеи нет крупных, синхронных ей древнеэскимосских поселков, мы не можем пока принять точку зрения, что она была в первую очередь сезонным центром охоты, т. е. местом регулярного сбора, стоянки, а затем и разделки добытых китов группами охотников из нескольких соседних селений. Поэтому наиболее важным для решения вопроса о сезонности действий на Китовой аллее является, с нашей точки зрения, наличие среди ее структурных элементов большого количества мясных ям на осыпи, во многих из которых до сих пор сохраняются остатки мяса. Это достаточно четко указывает на то, что к моменту сбора участников какие-то из ям должны были быть заполнены мясом, чтобы обеспечить пищей собравшихся. Можно предположить несколько вариантов функциональной интерпретации последовательности заполнения и использования этих хранилищ.

Разумеется, нельзя исключать возможность двукратного посещения Китовой аллеи в течение каждого года, при котором последовательность действий вырисовывается следующим образом. При первом, раннелетнем посещении участники сборища съедали запасы, оставленные с прошлой осени, а затем заполняли ямы привезенной или добытой в акватории пролива продукцией новой весенне-летней охоты, для того чтобы использовать ее осенью. В период второго, осеннего сбора эти запасы поедались и закладывались новые на зиму. Очевидно, участники сборищ на Китовой аллее не могли полагаться на случайности охоты в период праздника в непосредственной близости от памятника или же они были заняты какими-то другими действиями, не позволявшими им вести параллельную охоту. Только этим можно объяснить необходимость заблаговременного создания больших запасов мяса на Китовой аллее. При иной точке зрения, т. е. если считать, что на Китовую аллею приезжали только раз в году, это было бы неоправданным, поскольку за целый год запасы мяса в ямах такого «временного» типа наверняка бы испортились.

Предложенная интерпретация, с одной стороны, объясняет одну из наименее ясных деталей Китовой аллеи — существование мясных ям вне поселения и саму необходимость создания пищевого запаса на территории культового сооружения. Она, однако, никак

не проясняет главные особенности мясных хранилищ памятника: их многочисленность, своеобразие конструкции и, наконец, нахождение во многих из них сохранившихся остатков мяса. Трудно представить себе в этом случае, чтобы столь регулярно собиравшийся коллектив не мог поддерживать сравнительно небольшое количество обычных мясных ям, вполне достаточное для обслуживания праздника при их регулярной чистке и обновлении, как это наблюдалось во всех эскимосских поселках. Вместо этого создатели Китовой аллеи почему-то предпочитали выполнять весьма трудоемкую работу по сооружению новых мясных ям дальше на осыпи. Наконец, эта гипотеза не поясняет характера ритуального действия или, вернее, имплицитно предполагает соотносимость его с промысловыми культами, что явствует хотя бы из привязки сезонности церемониала к охотничьему циклу. Между тем промысловые культы достаточно хорошо известны как у эскимосов вообще, так и у азиатских эскимосов в частности, и их отправление, как уже писалось выше, нигде не связывалось со столь монументальными сооружениями. Поэтому исключительный характер исследуемого памятника должен предполагать и нестандартность культового действия, на нем производившегося.

Вторая возможная интерпретация базируется на предположении об одноразовом использовании Китовой аллеи в течение года в конце августа — начале сентября и о существовании определенной территориальной или социальной группы, считавшейся «хозяином» памятника и поддерживавшей и возобновлявшей на протяжении летнего сезона как пищевой запас, так и общий порядок на самом сооружении. Такая гипотеза, с одной стороны, позволяет отказаться от достаточно громоздкого и плохо объяснимого построения, что Китовая аллея использовалась два или даже несколько раз в году. Одновременно она достаточно хорошо, как видно, согласуется с известной по материалам XIX—XX вв. социальной организацией жителей этого района, базировавшейся на разделении племенной общности на ряд униилинейных родственных групп, среди которых одна рассматривалась в качестве «хозяина земли», на которой располагался поселок, и осуществляла регулятивные функции как в использовании промысловых угодий, так и в области религиозной и праздничной жизни.

С другой стороны, изложенная гипотеза имеет целый ряд слабых сторон. Во-первых, она требует наличия столь значительного прибавочного продукта, чтобы он давал возможность одной или нескольким промысловым бригадам заниматься обслуживанием культового сооружения и быть выключенными на значительный срок из системы хозяйственного воспроизводства. Такого прибавочного продукта даже в период благоприятной экологической обстановки функционирования Китовой аллеи у ее создателей мы все же допустить не можем. Во-вторых, для небольшой «обслуживающей» группы было также гораздо удобнее поддерживать необходимое ограниченное количество мясных ям на осыпи или,

скорее, в обычном мерзлом грунте. Наконец, в-третьих, с точки зрения этой гипотезы характер самого действия по-прежнему остается неясным.

Отвергая возможность существования группы, регулярно приезжавшей извне для обслуживания святилища, мы тем самым отвергаем и возможность существования такой группы, постоянно проживавшей в самом Сиклюке рядом с Китовой аллеей. Для жителей Сиклюка также было бы естественным иметь небольшое количество обычных мясных ям в мерзлом грунте неподалеку от жилищ, а не в каменистой осыпи вдали от поселка. Таким образом, мы можем еще раз заключить, что описанные выше землянки поселка Сиклюк не были синхронны Китовой аллее и, скорее всего, функционально не связаны с ней.

Наиболее вероятным нам представляется предположение, согласно которому более или менее постоянный контингент участников действий на Китовой аллее собирался здесь, может быть, даже не ежегодно, но в установленные традицией или заранее обусловленные сроки, падавшие, скорее всего, на самый удобный для плавания, раннеосенний период. Однако подготовка к каждому такому сборищу или празднеству велась не всеми его потенциальными участниками совместно, а лишь какой-либо одной их частью поочередно. Мы исходим из предположения, что вся совокупность потенциальных участников действий на Китовой аллее распадалась на ряд равноправных групп (байдарных артелей, поселков, кланов или адекватных им социальных ячеек), каждая из которых в порядке очередности или по собственной инициативе могла брать на себя подготовку нового празднества и постепенно в течение всего летнего сезона создавать на Сиклюке необходимые запасы пищи. В этих случаях празднество, каковы бы ни были различные составляющие его ритуальные моменты, неизбежно должно было в какой-то части носить потлачеобразный характер. Отсюда понятным становится и наличие столь непомерно большого количества мясных ям, поскольку каждая группа как из культовых, так и из престижных соображений вряд ли могла позволить себе использовать сооружения, оставленные предыдущими устроителями, а скорее, считала необходимым строить заново собственные. Некоторые из этих ям, особенно крупные и включавшие в свою конструкцию китовые черепа, очевидно, носили особо подчеркнутый престижный характер. Из престижных же соображений несъеденные остатки мяса, скорее всего, не вывозились из Сиклюка и не использовались последующими устроителями.

Такое допущение может быть подтверждено многочисленными данными о существовании потлачеобразных церемоний и ритуализированного обмена дарами у эскимосов Западной Аляски в более позднее историческое время (Загоскин, 1956, 105—106; Файнберг, 1964, 131—141; Lantis, 1966, 20—27). К сожалению, мы располагаем лишь фрагментарными данными такого рода об азиатских эскимосах, что, несомненно, объясняется их недостаточной этнографической изученностью. Американская исследовательница

духовной культуры аляскинских эскимосов М. Лэнтис отмечает, что раздача даров, преимущественно в виде пищи, приуроченная к различного рода церемониям и обрядам жизненного цикла, чаще всего осуществлялась между разными территориальными общинами. Одной из распространенных форм ее была традиция вкладов разных общин в общий фонд, который подлежал затем перераспределению среди всех участников культовых действий, и особенно среди представителей старшего поколения. М. Лэнтис считает это характерной чертой общеэскимосской культуры Берингоморья, распространенной «от Барроу и Сибири (т. е. Чуокки.— *Авт.*) до Кадыака» и стадияльно предшествующей развитым формам потлача, сложившимся у алеутов и индейцев северо-западного побережья (Lantis, 1966, 112).

Вместе с тем у аляскинских эскимосов действия, отмеченные чертами потлача, происходили обычно при большом стечении народа, проводились либо в жилищах, либо в специальных местах ритуальных церемоний и носили подчеркнуто открытый характер. Так, в частности, происходили у эскимосов Аляски в XIX в. крупнейшие межобщинные праздники-потлачи в честь поминания умерших (Great Feast of the Dead), на которые съезжались десятки и даже сотни гостей из разных селений (Lantis, 1966, 22—23). Они устраивались обычно не чаще, чем раз в несколько лет, иногда даже раз в десятилетие. На одном таком празднике, описанном Л. Загоскиным в 1847 г., на побережье залива Нортон присутствовало 70 гостей из соседних поселков. Его устроители сначала пошли на кладбище, где обновили памятные столбы (?) и оставили на могилах подарки, а затем действие продолжалось в течение пяти дней в кажиме и сопровождалось танцами, театрализованными представлениями и раздачей подарков (Загоскин, 1956, 105). Подчеркнем, однако, что как в этом случае, так и во всех других имеющихся описаниях крупные праздники-потлачи американских эскимосов проводились в зимние месяцы, всегда в кажиме, и имели среди зрителей и участников не только мужчин, но и женщин и детей (Lantis, 1966, 21, 23, 24, 61, 71). Также зимой в обычной яранге или «общественном жилище» проходили описанные В. Г. Богоразом крупные многодневные праздники Кереткуна с элементами потлача и участием всех членов данной семьи, клана, возможно, поселка у приморских чукчей и азиатских эскимосов (Bogoras, 1910, 392—401, 404) или рассмотренный выше праздник гренладского кита в Наукане (Теин, 1975, 88—92; Меновщиков, 1979, 203—207).

В этом отношении все они существенно отличались от действий, происходивших на Китовой аллее, достаточно удаленной от человеческого жилья, куда можно было добраться только по морю на байдаре. Как известно по этнографическим материалам, у азиатских эскимосов женщин и детей крайне редко брали в море на промысел и в дальние путешествия. Поэтому само расположение Китовой аллеи вдали от населенных пунктов и ее несомненная связь с охотничьей деятельностью позволяют предположить, что жен-

щины и дети не были в числе возможных участников ритуала. В то же время коллективная охота на крупного морского зверя, в которой принимали участие только мужчины, естественно, благоприятствовала обособлению мужских коллективов для специальных ритуальных действий.

Очевидно, в этой связи следует обратить особое внимание на расположенное сравнительно недалеко от Китовой аллеи, на мысу Кыгынин, Аракамчеченское моржовое лежбище, которое, судя по ряду столбов вдоль южного берега острова, могло находиться в прямой связи с памятником. По этнографическим материалам XIX—начала XX в., моржовые лежбища на Чукотке, как правило, находились во владении определенной территориальной группы (позднее даже отдельных лиц — «хозяев» лежбища), однако использовались сообща жителями нескольких ближайших поселков. В таких случаях от каждого поселка на лежбище в заранее обговоренный период отправлялась одна или несколько бригад, которые проводили там регламентированную поколку и привозили мясо уже разделанных моржей в поселок. Тем самым охота на лежбищах создавала условия для регулярных межобщинных контактов, но не всего населения в целом, а для сравнительно небольшой части лучших мужчин-охотников.

Подчеркнем, однако, что для азиатских эскимосов (в отличие, например, от приморских чукчей на побережье Ледовитого океана) поколка моржей на лежбищах всегда имела подсобное значение и никогда не была основной формой добычи моржа и тем более основой зверобойного промысла. Это легко объясняется как неустойчивостью функционирования моржовых лежбищ в разные по погодным условиям годы, так и трудностями транспортировки добытых моржей к поселкам, порой на весьма значительные расстояния. Прямым подтверждением этого можно считать единичность находок специальных орудий для поделки моржей — длинных штыкообразных копий в древнеэскимосских памятниках (Руденко, 1947, 81; Арутюнов, Сергеев, 1975, 99), которые по численности не идут ни в какое сравнение с наконечниками поворотных гарпунов и даже копьями для охоты на кита и белого медведя. Само существование развитого комплекса поворотных гарпунов в районе, где имеются моржовые лежбища, доказывает, что основу промысла явно составляла охота на плаву. Скорее всего, к поколке на лежбищах прибегали в тех случаях, когда испытывали острую необходимость в мясе, а добыча на плаву по тем или иным причинам была невозможной или недостаточной. Тем не менее близость Аракамчеченского лежбища, несомненно, повышала ценность Китовой аллеи как удобного места для межобщинных контактов и создавала дополнительный (или резервный) источник мяса для празднества помимо основной добычи морского зверя в проливе, в непосредственной близости от памятника.

Социальный облик создателей Китовой аллеи

Таким образом, суммируя вышесказанное, мы можем предположить, что действия, проводившиеся на Китовой аллее вдали от населенных пунктов, носили ритуальный и, скорее всего, эзотерический характер, происходили, очевидно, один раз в год или в несколько лет и сопровождались обильными пиршествами. С меньшей долей вероятности можно предположить, что в них участвовало только активное мужское население, разделенное на определенные территориальные или социальные группы и ячейки. Уместно задать вопрос: какова же была социальная организация, в рамках которой могла функционировать Китовая аллея? При ответе на него мы должны будем обратиться к рассуждениям более умозрительного характера, нежели те, что были приведены нами ранее, поскольку материалы, позволяющие провести подобного рода реконструкцию, крайне малочисленны. Построения, которые мы предлагаем читателю на последующих страницах, основываются уже не только на анализе данных самой Китовой аллеи, но и на сопоставлении отдельных, фрагментарных материалов по азиатским эскимосам с этнографическими реалиями, зафиксированными среди других частей эскимосского народа и соседних с ним этносов северной части бассейна Тихого океана.

Наиболее вероятной формой социальной организации, в рамках которой могли проводиться действия на Китовой аллее, нам представляется тайный мужской союз — социальный институт, зафиксированный еще в XVIII—XIX вв. у алеутов и эскимосов Южной и Юго-Западной Аляски: о-ва Кадьяк, Нунивак, побережья залива Нортон и др. (Lantis, 1966, 27—31; Birket-Smith, 1959, 144; Файнберг, 1964, 199—204). Принимая это допущение, можно предположить, что Китовая аллея была тайным ритуальным местом такого мужского союза, предназначенным для действий, особо сакральных по сравнению с теми, что проводились в поселке в мужских домах. Так, на Китовой аллее могли практиковаться, например, некоторые особо сакральные формы промысловых культов, связанные в первую очередь с добычей кита. В этой связи особенно интересно следующее сообщение М. Лэнтис: «На острове Кадьяк и в северной части Берингоморья (?—Авт.) китобой хранили свое китобойное снаряжение, амулеты и мумии или антропоморфные изображения, придававшие им силу, в секретных местах вдали от поселка» (Lantis, 1966, 32—33). Там же отмечено, что на о-ве Кадьяк практиковалось некогда специальное посвящение (инициация) в китовый культ.

Исходя из практики тайных мужских союзов внутри и за пределами рассматриваемого региона Северной Пацифики, в таких особо сакральных местах как раз и проводятся специальные инициационные обряды над неофитами, а также совещания и совместные ритуальные действия в рамках социальной верхушки. По имеющимся весьма широким этнографическим параллелям, существование тайных мужских союзов вызывается целым рядом

достаточно сложных социальных причин, в числе которых следует в первую очередь отметить усложнившуюся по сравнению с предыдущим состоянием социальную стратификацию общества; усиление и более строгое проведение в жизнь принципа патрилинейности наследования и вообще патриархального доминирования в различных сферах жизни; необходимость создания политической формы организации, зачастую обусловленная интенсификацией военных столкновений с соседним населением, и т. п. (Boas, 1895; Webster, 1968; Членов, 1973). Для деятельности тайных мужских союзов характерны тираническое отношение мужчин — членов союза к женщинам и детям, а также к не входившим в него мужчинам; устройство специальных, часто театрализованных действий и обрядов в масках; организация сложной эзотерической системы обрядов, обычно имитирующих смерть и воскрешение иницилируемых; создание относительно стройной военизированной организации, используемой как во внешних конфликтах, так и для поддержания престижа союза внутри общества. Многие из этих действий неоднократно и весьма ярко описывались для эскимосов Юго-Западной Аляски и алеутов (Давыдов, 1810, 205—208; Вениаминов, 1840, ч. II, 308—313; Lantis, 1966, 27—33; Файнберг, 1964, 199—204).

Свое наибольшее развитие институт тайных мужских союзов получил среди южных соседей эскимосов — индейцев северо-западного побережья Америки. Подчеркнем при этом, что культурный комплекс эскимосов древнего Берингоморья, исходный и предковый по отношению к пунуку, находит больше всего параллелей не среди этнографически известных эскимосов района Берингова пролива, а именно среди алеутов и северо-западных индейцев. Это относится к характеру криволинейного орнамента, принципам построения многофигурных скульптурных композиций, манере изображения человеческой фигуры и другим аналогичным деталям, имеющим не только художественный, но и, несомненно, знаковый характер. Логично предположить, что в обоих случаях за сходными знаками скрывались и сходные идеи и понятия.

Центральным элементом ритуальной концепции тайных союзов индейцев северо-западного побережья, согласно Е. А. Окладниковой (1979, 124—127), был образ «верховного духа-каннибала». Выражающим его символом служила устрашающая личина, которую легко можно найти среди петроглифов и ритуальной утвари индейцев-квакиутль и хайда, в частности в петроглифах из Форт-Руперт, в ритуальных масках квакиутлей и хорошо сопоставимых с ними алеутских масках с о-ва Атха (Авдеев, 1958; Окладникова, 1979, 150). Всем этим маскам присущи такие черты, как огромные выпученные глаза, широкие брови, широкий расплющенный нос с гипертрофированными ноздрями, огромный раскрытый рот, с толстыми губами и торчащими зубами, и т. д.

Именно такая деревянная маска была найдена в прекрасном состоянии в погребении 154 на Эквенском могильнике, датировемом

развитым—поздним берингоморьем (Арутюнов, Сергеев, 1975, 62—63, 180). Необычайное сходство ее с ритуальными масками алеутов с о-ва Атха является еще одним аргументом в пользу близости форм социальной организации древних эскимосов и этнографически известных алеутов и северо-западных индейцев. Археологические материалы из древнеэскимосских могильников северо-восточного побережья Чукотки (Уэленского и особенно Эквенского) с очевидностью свидетельствуют также о том, что в древнеэскимосском обществе наличествовала более сложная система социальной стратификации, нежели та, которая известна нам по этнографическим данным об азиатских эскимосах XVIII—XX вв. Правда, в большинстве эти археологические материалы относятся не к пунукской культуре, наиболее близкой хронологически к предполагаемой эпохе создания Китовой аллеи, а к древнеберингоморской, предшествующей ей почти на пять-восемь столетий. Однако, несмотря на малочисленность найденных пока на Чукотке собственно пунукских памятников, можно утверждать, что эта культура развивалась (возможно, с некоторым коротким временным интервалом) непосредственно от древнеберингоморской, причем в условиях резко возрастающей интенсивности морского зверобойного промысла. В литературе неоднократно отмечалось, что усиление в эскимосском хозяйстве роли морского промысла на крупных млекопитающих, особенно кита, ведет к дальнейшему усложнению форм социальной организации, укрупнению размеров человеческих коллективов, развитию массовых форм духовной культуры и т. п. (Арутюнов, Сергеев, 1975, 196; Petersen, 1969, 8—11). Поэтому данные о сложной стратификации древнеберингоморского общества могут быть в известной степени экстраполированы и на хронологически более позднее пунукское общество, т. е. и на период создания Китовой аллеи.

В числе раскопанных на Чукотке древнеберингоморских погребений встречаются несколько типов захоронений, резко различных как по богатству погребального инвентаря, так и по общему ритуалу. Так, в наиболее богатых погребениях с обильным охотничьим инвентарем встречаются и предметы ритуально-культового назначения: амулеты, маски, черепа культовых животных и т. п. В таких захоронениях наряду с основным костяком, окруженным богатым инвентарем, встречаются положенные над ним сопогребенные костяки, лишенные инвентаря, а иногда и черепов. Имеются также отдельные погребения, очень специфичные по ритуалу (перекрытые бревнами и китовыми ребрами в форме лотарингского креста), которые полностью лишены инвентаря. Нам представляется вполне допустимым видеть в таких лишенных инвентаря погребениях свидетельства существования какой-то неполноправной, зависимой части населения, формировавшейся из сирот, малоимущих общинников, а также, вполне вероятно, из военнопленных. Напротив, в могилах особо сложной конструкции, с необычно богатым инвентарем, изобилующим ритуальными предметами,

можно видеть погребения представителей социальной элиты, возвышавшихся по своему положению и влиянию над рядовыми общинниками, составлявшими, очевидно, основную массу захоронений.

Важным доказательством существования в древнеэскимосском обществе достаточно сложной социальной стратификации может служить раскопанное в 1974 г. на Эквенском могильнике погребение 204. Захороненный в нем человек был, очевидно, очень значительным и влиятельным лицом в родо-племенном обществе древнего Эквена. Об этом говорят как богатство и разнообразие инвентаря, так и все черты погребального ритуала. В последние годы своей жизни этот человек, мужчина весьма пожилого возраста, вряд или мог принимать непосредственное участие в морском промысле, о чем свидетельствуют следы тяжелого заболевания, приведшего к сильной деформации шейного отдела позвоночника. Тем не менее в могиле был найден очень богатый охотничье-промысловый инвентарь, многочисленные орудия для обработки камня, дерева, кости, фрагменты воинского панциря и т. д. Здесь же находились предметы, часть которых имела несомненно культовое назначение: череп необычно крупного ворона со вставленным в клюв клыком белого медведя, статуэтка сидящего человечка, морская раковина, аномально винтообразно загнутый бивень моржа.

В погребении 204 найдены также два «крылатых предмета» и роговая обойма с железным резцом — третий случай нахождения железного орудия в памятниках древнеэскимосских культур после Ипиутакского могильника на Аляске и Уэленского могильника на Чукотке (Арутюнов, Глинский, Сергеев, 1977). Обладание столь редкостным и ценным орудием отразилось на орнаментике всех промысловых орудий погребенного, украшенных узкими, но необычайно глубокими щелями и бороздами, которые с точки зрения конструкции и прочности предмета являлись в известной степени даже вредными. Скорее всего, столь необычный декор на деталях гарпунного комплекса должен был подчеркивать влиятельность, престижность его владельца и мог связываться с представлениями не только о его реальном, но и о более важном, магическом могуществе.

Обнаруженные рядом несколько лежащих скелетов без инвентаря (погребения 202, 203 и 206), вероятно, могут трактоваться как сопогребенные и синхронные с покойником 204, т. е. как находившиеся при жизни в какой-либо форме зависимости от него. Скелеты 202 и 203 лежат непосредственно над основным покойником, головами к его ногам, причем черепа у них отсутствуют, сохранились только нижние челюсти. Покойник 206 лежит перпендикулярно к оси основного погребения, а его скелет перекрыт китовыми костями, как бы придавлен, чтобы «помешать ему встать». Наличие в одном комплексе четырех захоронений, погребенных столь различно, заставляет предположить, что положение этих лиц в древнеберингоморском обществе было неравнозначным.

Достаточно сложную стратификацию общества, во всяком случае гораздо более сложную, чем у азиатских эскимосов XVIII—XIX вв., можно ожидать и для строителей Китовой аллеи. Об этом косвенно свидетельствует даже сама архитектура памятника, в которой отчетливо выделяются элементы уникальные (амфитеатр, главное святилище-теменос с ведущей к нему узкой тропой-дромосом) и массовые, повторяющиеся (группы черепов и столбов). Отсюда и ритуальные действия на Китовой аллее, скорее всего, были двух типов: общие, которые совершались каждой группой (бригадой?) у своей пары черепов, где, очевидно, стоял и «свой» столб, и корпоративные, проводившиеся уже избранными представителями всех групп или же членами ведущей группы (хозяевами памятника?). Возможно поэтому, что одиночные столбы около группы черепов являлись символами предков данных социальных ячеек или даже целых общин-поселков, подобно тому как это уже в историческое время зафиксировано у азиатских эскимосов и береговых чукчей (Вдовин, 1977, 139—141). Зарубки и дырки на столбах могли при этом служить как для подвешивания ритуальных объектов, так и для прикрепления призывов, что, в свою очередь, наводит на мысль о возможном проведении на Китовой аллее определенных спортивных состязаний, которые у эскимосов всегда сопровождали большие межгрупповые встречи.

Итак, как нам представляется, в процессе функционирования Китовой аллеи на нее приезжали несколько промысловых бригад, очевидно из разных поселков, участники которых объединялись в рамках тайного мужского союза и собирались для совместного проведения эзотерических ритуальных действий, возможно сопровождавшихся потлачеобразными обрядами. Число таких бригад могло примерно соответствовать количеству групп черепов, маркировавших их причальные места, т. е. составляло от 8 до 15, вероятнее всего 11—12 байдар, или около 100 взрослых мужчин.

На наш взгляд, линия столбов вдоль южного берега Аракам-чечена явно указывает на участие в действиях на Китовой аллее людей из поселка Кыгынини и, возможно, других населенных пунктов южного берега. Присутствие жителей мыса Чаплина кажется более проблематичным, поскольку не имеет никаких реальных подтверждений, за исключением одиночных черепов в районе Тыфляка—Униырамкыта. Наконец, нельзя исключить также и возможное участие в обрядах на Китовой аллее жителей поселков, располагавшихся на северном выходе из пролива Сенявина и далее на север к Мечигменской губе. Как утверждают местные жители, на этом необитаемом сейчас (и никем ранее не обследованном) участке побережья сохранились остатки нескольких крупных древних поселений. Топонимика этого района говорит о существовании здесь в прошлом эскимосского населения, которое, как отмечалось выше, на основе этногенетических преданий можно непосредственно соотнести с предками патрилинейной группы

сигунпагит, обитавшей до середины XX в. в Сиклюке, Напакутаке и Старом Чаплино.

Таким образом, вырисовывается картина достаточно крупного межобщинного объединения, охватывавшего, вполне вероятно, обширную территорию (возможно, от Мечигменского залива до мыса Чаплина), спаянного особым политическим институтом (мужским союзом) и имевшего ритуальный и символический центр на Китовой аллее. Необходимость создания подобного политического объединения могла диктоваться в период существования Китовой аллеи различными причинами. Одной из них вполне можно считать возросшую к этому времени миграцию чукчей, выход которых к морскому побережью в районе Мечигменского залива и залива Св. Лаврентия разорвал некогда единый ареал азиатских эскимосов на восточном побережье Чукотки. Во всяком случае, по первым подробным данным середины XVIII в. эти места уже были явно заселены чукчами, сменившими здесь эскимосское население (Очерки, 1974, 84).

Другую причину допустимо усматривать в миграциях американских эскимосов, носителей культуры туле, следы которой фиксируются археологически во многих памятниках этого периода (Очерки, 1974, 64). Ухудшение климата, наступившее в конце пунука, прежде всего должно было проявиться в районах арктического побережья Аляски и вызвало обратную миграцию американских эскимосов в поисках более благоприятных мест обитания. Следы таких миграций американских эскимосов (которых, очевидно, следует считать носителями языков группы инупик) сохранились, в частности, и в топонимике района мыса Дежнева и побережья Чукотского моря (Меновщиков, 1972).

В то же время у нас нет никаких данных, указывающих на то, что носители культуры туле в заметном количестве распространились на юг, в частности на территорию, прилегающую к проливу Сенявина. Очевидно, причины, приведшие к упадку той социальной системы, в рамках которой функционировала Китовая аллея, следует искать не в угрозе северных влияний с Американского материка, а в общем кризисе культуры пунук, наступившем в XIV—XVI вв.

Причины «гибели» Китовой аллеи

Отчетливо фиксируемое по многим данным похолодание климата Арктики с XIV—XVI вв. должно было затронуть и более южные районы Чукотского полуострова и привести к целому ряду изменений в хозяйстве местного населения. В первую очередь похолодание климата означало ухудшение условий для морского зверобойного промысла ввиду удлинения зимнего ледового периода, нарушения путей миграций крупных морских млекопитающих, осложнения навигационной обстановки и т. д. (Крупник, 1976, 110—111, 145—156). Как было показано в пре-

дыдущих исследованиях, похолодание климата всегда вело к изменению пропорций в традиционном хозяйстве морских зверобоев: уменьшению в нем роли китового промысла и возрастанию значения охоты на мелких ластоногих и сухопутной охоты на тундровых животных. Упадок китового промысла и связанных с ним китобойных культур типа пунук и туле отчетливо фиксируется для XIV—XVI вв. во всех эскимосских культурах от Гренландии до Чукотки; в обширных районах центральной части канадской Арктики добыча китов вообще полностью прекращается (McGhee, 1969—1970, 175—182).

Упадок китового промысла и переход населения к более активной охоте на мелких ластоногих и дикого оленя неизбежно вызвали заметное изменение прежней структуры расселения; рассредоточение и уменьшение общих размеров береговых поселков, перемещение населения в места, более удобные для зимнего промысла на льду, и т. п. Нам представляется, что именно эти изменения привели к постепенному упадку китобойного промысла в районе островов пролива Сепьявина и прилегающей территории и вызвали размывание связанных с ним ритуальных и социальных традиций.

Мы уже упоминали о том, что отсутствие устной традиции, связанной с Китовой аллеей, у современных чаплинских эскимосов, а также в зафиксированных фольклорных памятниках XIX—первой половины XX в. вызывает недоумение. В какой-то степени это может быть результатом эзотерического характера действий, производившихся на Китовой аллее. С этим, в частности, согласуются некоторые отмеченные фольклорные материалы, в которых о-в Ыттыгран выступает в роли обиталища потусторонних сил. Допустима и некоторая дополнительная интерпретация почти полного забвения Китовой аллеи местным населением, связанная с этническим развитием этого региона.

К сожалению, мы почти не располагаем достоверными источниками, позволяющими сделать реконструкцию лингвистической ситуации побережья Юго-Восточной Чукотки в эпоху функционирования Китовой аллеи. В период XIX—начала XX в. здесь имелись три четко отграниченных друг от друга языковых ареала: так называемый чаплинский («азиатскоэскимосский») язык, распространенный от южного берега Аракамчечена до бухты Провидения или далее до Имтука; старосиренинский язык с возможно существовавшими ранее его диалектами — далее на запад, по крайней мере до устья р. Курупки и, возможно, даже до озера Ачтон; и чукотский язык — к северу от чаплинского и к западу от сиренинского и небольшим ареалом внутри чаплинского в районе расселения тасегмит и нанупарагмит. По уже отмечавшимся выше сообщениям К. Мерка, еще в конце XVIII в. ареал чаплинского языка простирался, видимо, далее на север по западному побережью Берингова пролива вплоть до бухты Поутен, где он соприкасался с ареалом близкородственного ему науканского языка. Современный язык эскимосов о-ва Св. Лаврентия

идентичен чаплинскому, что принято объяснять интенсивным переселением на остров выходцев с Азиатского материка на протяжении последних двух столетий. Известны указания на то, что до тяжелого голода 70—80-х годов XIX в., приведшего к обезлюдению большинства поселков на острове, там могли быть распространены близкородственные чаплинскому говоры и диалекты (Krauss, 1973, 820). Тем самым о-в Сивукак может быть также изначально включен в ареал чаплинского языка.

Далеко зашедшее расхождение чаплинско-сивукакского языка как со старосиренинским, так и с языками группы центральный юпик (в устьях рек Юкон, Кускоквим и Ноатак) заставляет предполагать, что формирование чаплинско-сивукакского языка происходило в условиях длительной изоляции, исключавшей постоянные контакты с носителями родственных диалектов. Скорее всего, такое формирование как раз и могло иметь место на о-ве Сивукак, изолированном от обоих материков. Характерно, что язык эскимосов о-ва Нунивак, также принадлежащий к группе центральный юпик, хотя и существенно отличается от языков, распространенных на континенте, но все же в значительно меньшей степени, чем чаплинский, что хорошо согласуется с гораздо более близким положением острова к берегам Аляски. Исходя из этого, можно предполагать, что появление чаплинского языка на Азиатском континенте было связано с какой-либо волной миграции с о-ва Сивукак. Хронологически эту миграцию, скорее всего, следовало бы отнести ко времени угасания пунукской культуры, связанного с общим ухудшением климата, т. е. к XIV—XVI вв. Последствия этого ухудшения в период упадка промысла китобразных и крупных ластоногих, несомненно, острее сказывались на густонаселенном о-ве Сивукак, лишенном альтернативных ресурсов. По данным археологических раскопок Х. Г. Банди на о-ве Св. Лаврентия, захоронения периода позднего пунука отмечены здесь печатью крайней бедности, а в некоторых случаях — явными признаками физического вырождения *. В подобной кризисной ситуации выходом для жителей Сивукака, численность которых, очевидно, резко возросла в предыдущий период расцвета китового промысла, должна была стать миграция на Азиатский материк, удаленный от острова всего на 70—80 км и хорошо видимый с его западной оконечности. Примеры подобных миграций, известные по этнографическим материалам более позднего времени, уже приводились выше.

Таким образом, вполне возможно, что конец функционирования Китовой аллеи был близок по времени к этническому сдвигу в районе мыса Чаплина, приведшему к смене культурной и языковой традиции в этом районе. Дополнительным указанием на то, что на островах пролива Сенявина мог быть распространен некогда иной эскимосский язык, может служить этимологизация

---

* Личное сообщение Х. Г. Банди.

некоторых современных топонимов*. Возможно, более тщательное топонимическое изучение юго-восточного побережья Чукотки позволит выявить и другие топонимические свидетельства существования дочаплинского языкового субстрата в этом районе.

В результате этническая история этого региона представляется нам следующим образом. На протяжении древнеберингоморского и пунукского периодов развития древнеэскимосской культуры на юго-восточной оконечности Чукотского полуострова, очевидно, имели место этническая преемственность и развитие единой культурной традиции, которые привели к росту населения и усложнению социальной организации в эпоху позднего пунука. Именно к этому времени и относится сложение Китовой аллеи, отразившей, видимо, формирование некоторого межобщинного объединения в районе пролива Сенявина. Начавшееся ухудшение экологических условий должно было привести к упадку экономической базы такого объединения и к атомизации его социальной структуры. Но в данном случае этот процесс, очевидно, был ускорен вторжением этнически инородного элемента с Сивукака, в результате чего местные культурные традиции, особенно в их эзотерической части, относящейся к Китовой аллее и связанным с ней представлениям, могли быть утеряны. Центр культурного и этнического развития, видимо, в этот же период переносится в район мыса Чаплина, а острова постепенно превращаются в дальнюю периферию этнической территории формирующегося в то время племени унгазигмит. Севернее пролива Сенявина несколько позже происходит интенсивный выход к побережью чукчей и следовавшая за этим ассимиляция ими эскимосского населения. Этот процесс был связан в конечном счете с теми же экологическими факторами, которые привели к упадку Китовой аллеи и эмиграции с Сивукака. Похолодание климата, неблагоприятное для ресурсов морского зверя, создавало, напротив, оптимальные условия для развития континентальных чукотских культур охотников на дикого оленя, а затем и оленеводов и способствовало быстрому росту их численности (Крупник, 1976, 170—172).

Очукочивание эскимосского населения, выход чукчей к морю и переход их к зверобойному промыслу были длительным процессом, затянувшимся до конца XIX в. Ранее всего он начался на участках побережья, примыкавших к равнинной тундре с наиболее удобными пастбищами. Менее удобные пастбища гористых прибрежных районов осваивались позже, и соответственно процессы этнической ассимиляции здесь замедлились. Характерно, что все поселки, где к началу XX в. сохранилось эскимосское население, расположены на гористых, труднопроходимых побережьях, неудобных для оленеводов. Ранние маршруты военно-

* В частности, мыс Инрылюкак на Ыттыгране и мыс Пагыляк на Аракамчене. Первых из них, очевидно, можно возвести к апеллятиву иң, ың — сир. «гора», паук. — иң'иқ; по-чаплински «гора» — *найгақ*. Пагыляк также восходит к сир. *пагыльыт* — «баклан» и тем самым переводится как мыс **Бакланий**.

административных походов, организовывавшихся в течение почти всего XVIII в. из Анадырского острога, также пролегали по равнинным, проторенным путям оленеводов и сворачивали от побережья Анадырского залива в районе современных поселков Нунлигран и Сиреники по речным долинам на север прямо к Мечигменской и Колючинской губам. Поэтому полуостровные выступы бывшей этнической территории эскимосских племен оставались в стороне от этого главного маршрута. Однако эпизодические конфликты как с чукчами, так и с русскими служилыми людьми и ясачными коряками и юкагирами, несомненно, имели место. Очевидно, поэтому в наиболее стратегически важных местах, вблизи эскимосских поселков и возникали своеобразные крепости, подобные крепости Сенлюн недалеко от Наукана (Диков, 1977, 173—175) и описанным нами выше крепостям Рыгнахпак и Гуйгунгу.

Параллельно с очукчиванием эскимосского населения центральной части восточного побережья Чукотки между Мечигменским заливом и бухтой Поутен протекала дальнейшая консолидация племени унгазигмит. Очевидно, в XVII—XIX вв. в него на правах самостоятельных кланов постепенно вливались фрагменты эскимосского населения всего этого района.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В бесконечно многообразной картине культурной истории человечества эскимосская культура, несомненно, занимает особое место как одна из самых удивительных форм адаптации доклассового общества с присваивающим хозяйством к крайне суровым и сложным, экстремальным условиям существования. Благодаря выработанной на протяжении тысячелетий, по-своему очень высокой технологии промысла и жизнеобеспечения, благодаря высокому уровню специализации в освоении природных ресурсов высоких широт эта культура смогла во многом достичь такого уровня развития, который почти нигде не был превзойден в рамках присваивающей экономики. Пожалуй, только у алеутов и индейцев северо-западного побережья Америки наблюдались столь сложные формы социальной организации, материальной и духовной культуры, которые в других районах мира были возможны лишь на базе производящего хозяйства.

Вместе с тем эскимосская культура очень крупномасштабна: географически она распространилась на огромном расстоянии от Северо-Восточной Сибири до Лабрадора и Гренландии, а хронологически охватывает не менее 4 тысячелетий. Однако ее материальные основы в целом едины и базируются прежде всего на охоте на крупных морских млекопитающих, дополняемой рыболовством и эксплуатацией фаунистических и флористических ресурсов тундры. На этой общей хозяйственно-культурной базе в разные эпохи и в разных районах Арктики формировались специфические локальные варианты эскимосской культуры. Те из них, которые стали известны по этнографическим материалам XVIII—начала XX в., в большинстве своем характеризовались атомарностью социальной структуры, что автоматически экстраполировалось многими исследователями и на все предшествующие стадии развития. Между тем доступный этнографической фиксации последний период в истории эскимосской культуры с экологической точки зрения никак не может считаться оптимальным. Хорошо известно, что как общая численность, так и сама этническая территория эскимосов была не стабильной, а пульсирующей и обширные ее районы то обезлюдевали, то осваивались вновь. Логично было бы предположить, что и социальная организация эскимосов в такой экстремальной ситуации, где малейшие нюансы в изменении экологической обстановки могли повлечь далеко идущие последствия в образе жизни населения, также вряд ли представляла собой линию сплошного и непрерывного развития, восходящую от более простых форм к более сложным. Скорее всего,

в ее эволюции тоже наблюдались периоды, когда более высокие формы могли позднее приходить в упадок и сменяться более примитивными, а общее поступательное движение носило регрессивно-приспособительный характер.

Уже давно было замечено, что, по крайней мере в области духовной культуры, прежде всего искусства, подобное циклическое развитие действительно имело место. Чрезвычайно изощренное и сложное древнеберингоморское искусство, несомненно, возникло на базе неизвестных пока более простых и примитивных форм. Более сухие, но все же очень отточенные и изысканные стилистические особенности пунукского времени в эпоху туле сменяются по существу глубоким упадком, как бы повторно возникающей наивностью и примитивностью, которая лишь в позднейшее время начинает усложняться.

В ходе раскопок многочисленных памятников древнеэскимосской культуры на азиатском берегу Берингова моря уже были получены некоторые данные, говорящие о том, что эта культура в весьма раннее время получала импульсы развития из более южных районов Дальнего Востока, выразившиеся в проникновении металла, отдельных форм орудий, орнаментально-сюжетных мотивов и т. д. Раскопки последних лет представили также убедительные доказательства того, что в древнеэскимосском обществе имело место значительное имущественное и социальное расслоение. Однако эти материалы не могли еще дать каких-либо ключей к пониманию социальной структуры древнеэскимосских коллективов.

Вновь открытый памятник эскимосской культуры, не имеющий пока аналогий в других частях Арктики, Китовая аллея на о-ве Ыттыгран, позволяет теперь высказать ряд предположений о структурных аспектах древнеэскимосского общества в этом районе. Хотя хронологическая привязка памятника не может считаться окончательно решенной ввиду отсутствия пока что связанных с ним датирующих находок, ряд соображений позволяет с достаточной вероятностью соотнести его с эпохой позднего пунука, когда специализация китового промысла у эскимосов Берингова пролива достигла своего высшего расцвета.

Архитектоника Китовой аллеи, а также анализ ее культурно-исторического окружения показывают, что это было культовое сооружение, значимость которого выходила далеко за рамки социальных нужд одного, пусть даже очень крупного хозяйственного коллектива. Это тем более примечательно, что остатков больших поселений сходного периода поблизости пока не обнаружено. Скорее всего, Китовая аллея представляла собой центральное святилище довольно крупного объединения, охватывавшего ряд поселков на островах пролива Сенявина и, возможно, также на более обширной прилегающей территории. Очевидно, с памятником были связаны культы и ритуалы, носившие в какой-то мере эзотерический и социально ограниченный характер, а весь комплекс культовых представлений мог служить идеологическим

обоснованием политической целостности, принимавшей черты племенного союза.

Таким образом, можно считать, что в эту эпоху, отличавшуюся особо благоприятной экологической ситуацией, в районе Берингова пролива, вообще уникального во всей Субарктике по богатству своих природных ресурсов, среди азиатских эскимосов складывались формы социальной организации, во многом подобные тем, что были зафиксированы этнографически у индейцев Северо-Западного побережья с их высоко специализированным рыболовческим хозяйством.

Однако не следует забывать, что этот «всплеск» культурно-идеологического усложнения и высокого развития происходил на самом краю эйкумены, в экстремальных или, точнее, субэкстремальных условиях. Поэтому он не мог не быть кратковременным, эфемерным и абортивным. Достаточно было наступить очередному ухудшению экологической обстановки — и под воздействием кумулятивного эффекта внутреннего хозяйственного упадка и внешних вторжений этот уникальный для всего Арктического региона феномен прекратил свое существование, и даже воспоминание о нем оказалось стертым из памяти последующих поколений.

Итак, хотя Китовая аллея является и, скорее всего, останется единичным памятником своего рода и хотя как святилище она, очевидно, функционировала в течение относительно недолгого времени, это не может умалить ее значения для изучения эволюции древнеэскимосских культур и в целом для понимания сложных, неоднозначных закономерностей развития и распада первобытного общества. Открытие на маленьком островке в Беринговом море гигантского святилища, для сооружения которого потребовались невиданные в условиях Арктики затраты времени, усилий, а значит, и прибавочного продукта, существенно меняет прежние представления об обществах оседлых арктических охотников как о слабо развитых атомарных социумах, тратящих все свои внутренние силы на тяжелейшую борьбу за выживание в суровой среде обитания. Можно надеяться, что дальнейшее, более детальное исследование как самого комплекса разнородных структурных компонентов, объединенных в Китовой аллее, так и остатков многочисленных древнеэскимосских поселений в районе островов пролива Сенявина позволит пролить новый свет на обстоятельства возникновения и функционирования этого необычного памятника культуры арктических морских зверобоев.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Эта книга была уже давно написана и сдана в издательство, когда летом 1981 г. на Китовую аллею отправилась новая экспедиция в составе М. А. Членова, И. И. Крупника и художника С. А. Богословского. На этот раз мы ставили главной целью полное обследование не осмотренных ранее участков побережья пролива Сенявина, прежде всего северного и западного берегов Аракамчечена. Мы надеялись также при благоприятных условиях проследовать далее на север вдоль берегов Берингова моря вплоть до Мечигменской губы, чтобы проверить доходившие до нас неясные сведения о существовании там якобы заброшенных древних поселений с вкопанными, как на Китовой аллее, группами столбов из китовых челюстей и черепами гренландских китов.

Эта задача была успешно выполнена. Конечно, рассказ о трехнедельном плавании на вельботе вместе с чаплинской охотничьей бригадой вдоль не обследованных ранее участков восточного побережья Чукотки, от бухты Ромулет до залива Лаврентия (см. рис. 1) требует отдельного повествования. Но сразу скажем, что в целом результаты экспедиции 1981 г. не изменили принципиально основные наши выводы о Китовой аллее, изложенные на страницах этой книги. Теперь, однако, мы можем с большим основанием говорить об уникальности этого памятника и рассматривать его на более широком культурно-историческом фоне. Обследование ряда не известных или не описанных ранее древних поселений вплоть до мыса Дежнева представило новые подтверждения наших гипотез о связи Китовой аллеи с зоной Мечигменского залива и возможных культурных корнях ее строителей к северу от пролива Сенявина.

На этот раз мы жили и работали в Сиклюке вместе с эскимосом В. Тагитуткаком (1922 г. рожд.) — последним из ныне живущих мужчин — уроженцев Напакутака и взрослых охотников, проживавших до 1950 г. в Сиклюке. Рассказы и объяснения Тагитуткака и некоторые комментарии других сопровождавших нас эскимосских охотников помогли уточнить ряд деталей памятника, хотя в целом они не выходят за рамки уже известных нам интерпретаций. Мы вновь записали версии о том, что на Сиклюке «в древности» чаплинские жители били гренландских китов и складывали мясо в ямы на осыпи, а черепа воздвигали для того, чтобы ставить на них байдары. Правда, как и прежде, наши ин-

форматоры признавали, что это лишь их собственное мнение, поскольку ранее они ни от кого доподлинно не слышали о подобных действиях.

Дополнительная конкретная информация о памятнике сводится к следующему. Столбов *Тугутытат* (с. 35) было четыре, а не три, и стояли они двумя арками, подобными группе Е; остатки их представлены сейчас поваленным столбом С и, видимо, группой Д. Таким образом, первоначально ряд столбов в северном крыле Китовой аллеи состоял по крайней мере из четырех пар арок, вытянутых в линию. Множество остатков спиленных столбов в разных частях памятника объяснялось тем, что уже в новейшее время, в конце XIX — первой половине XX в., их пилили местные охотники для изготовления костяных подшивок для килей вельботов и байдар. Подтвердились наши мысли о позднем происхождении «окопчика» в группе черепов 14 (с. 20—22) и каменного «жилища» у нижнего края осыпи (с. 36—37). Оба они, по словам Тагитуткака, были построены участниками геодезических экспедиций в 1930-е годы. По сравнению с 1977 и 1979 гг. мы отметили ряд изменений в конфигурации берега в юго-западной части памятника, а выступавшие в 1979 г. замывшие в гальку черепа группы 14 вновь скрылись с поверхности. Таким образом, бровка косы является подвижной и постепенно отступает в сторону суши, что грозит некоторым участкам памятника серьезными разрушениями. Во времена детства Тагитуткака, в 1930-е годы, от ряда черепов до бровки косы находилось еще большое заросшее травой пространство, на котором играли дети.

В ходе исследований на острове Аракамчечен были вновь осмотрены памятники южного берега, уже описанные в книге. Холмы с торчащими обломками китовых костей, виденные нами с моря в 1977 г. (с. 65), оказались не остатками крупных древних поселений, а местами небольших и относительно поздних береговых стоянок с жилищами, напоминающими яранги-уалькары с каркасом из китовых костей на Сиклюке. Такие жилища скорее всего ставились в конце XVIII—XIX в. В этот раз мы не обнаружили столбов из челюстей гренландского кита на участке южного берега острова между Кыгыниным и мысом Олений, зато подробно обследовали виденные ранее издали группы столбов в Мейныатхыгыргыне и на косе Инкытук у озера Ярга (с. 65—66). В первой из них оказалось десять столбов (часть их представлена обломками и потому не видна с моря), а во второй — один сохранившийся столб и восемь пеньков-оснований, поставленных двумя параллельными рядами. Возле столбов в Мейныатхыгыргыне найдено кольцо из камней с тремя черепами серых китят, напоминающее подобные кольца на Кыгынине.

Повторный осмотр самого поселения на Кыгынине показал его более скромные размеры, особенно при сравнении с остатками древних поселков на берегу Мечигменского залива. Еще более скромными оказались следы древних стоянок на северном и за-

падном берегах Аракамчечена: поселения из четырех небольших полуземлянок и нескольких яранг на северной оконечности острова и двух совсем маленьких и явно поздних стойбищ в нескольких километрах к востоку и юго-западу от него. Не найдено следов древних поселений и на материковом побережье пролива Сенявина. Теперь мы с полной уверенностью можем сказать, что в непосредственной близости от Китовой аллеи, кроме Кыгынина и Унгазика, не было крупных поселков, жители которых могли быть строителями памятника.

Тем интереснее, что такие поселения были найдены нами намного севернее района пролива Сенявина. Это — древние поселки Ныхсирак на мысу Халюсткина и Масик (Мечигмен) на южной Мечигменской косе.

Поселок Ныхсирак находится в 65 км по прямой к северу от Китовой аллеи у основания северной косы, отчленяющей от моря лагуну Гэтлянгэн. Его различные сооружения протянулись на 600—650 м и состоят из воронок от 10 полуземлянок нескольких типов и 20 яраночных колец, расположенных двумя группами. В кладках полуземлянок, круговых выкладках и прямо на поверхности косы сохранилось около 120 черепов маленьких серых китов такого же размера, как и в «китовых кольцах» южного берега Аракамчечена. Кроме того, там найдены около 15 пеньков — оснований от столбов из челюстей гренландских китов и семь сохранившихся черепов, в том числе одна пара, некогда вкопанная «двойкой» наподобие черепов Китовой аллеи.

Еще более впечатляющим выглядит огромное древнее поселение Масик в 90 км к северу от Китовой аллеи, занимающее в длину около километра и состоящее из примерно 100 сооружений различного типа. Среди них, помимо остатков более десяти крупных полуземлянок в виде воронок с коридорами и следами каркаса, имеются восемь овальных полуподземных жилищ из китовых костей, ни разу не встретившихся нам ранее на побережье Чукотки. У двух из них — единственных на азиатском берегу — полностью сохранились наружный каркас и дерновые перекрытия, так что по ним можно восстановить первоначальную конструкцию. Главной особенностью стоянки Масик является использование черепов серого кита в качестве основного строительного материала. Всего на поселении только на поверхности мы насчитали около 1500 (!) маленьких черепов со скуловой шириной 70—90 см. Как и в Ныхсираке, здесь прослеживаются отчетливые следы сходной с Китовой аллеей строительной традиции: остатки более 30 стоявших поодиночке или группами столбов из челюстей гренландских китов и около 20 черепов этих животных, часть из которых была врыта в грунт, наподобие черепов Китовой аллеи.

Теперь можно утверждать, что побережье Мечигменского залива представляло особый ареал древней зверобойной культуры, обитатели которого специализировались на добыче детенышей серых китов. Охота на моржа и гренландского кита занимала в

их хозяйстве подчиненное положение. Трудно, конечно, сказать, в какой степени эти люди могли быть причастны к замыслу создания Китовой аллеи, но типологическое сходство строительных традиций их культуры и описанного нами памятника несомненно. Мы ничего не знаем пока о времени существования земляночных поселений в Ныхсираке и Масике, кроме того, что в XIX — первой половине XX в. там сохранялись мелкие береговые чукотские стойбища, стоявшие на окраинах древних поселков. Их обитатели, хотя и занимались такой же охотой на маленьких серых китов, не осознавали своей преемственности с прежним населением. Судьба же древних жителей побережья Мечигменского залива пока не известна: часть их, как мы уже знаем, мигрировала на юг, в район пролива Сенявина; часть — как впервые удалось узнать — возможно, влилась в состав науканских эскимосов; а большинство, очевидно, составило основу нынешнего чукотского берегового населения этого района.

Так нам приоткрылась еще одна страница древней истории Чукотки. Впервые удалось, пусть и предварительно, не только географически соединить два ареала древних зверобойных культур на северо- и юго-восточной оконечностях Чукотского полуострова, но и наметить их общие исторические связи и культурные традиции. Однако и на этом более широком фоне Китовая аллея осталась уникальным памятником прошлого. Исследования Китовой аллеи продолжаются...

ИЗМЕРЕНИЯ ЧЕРЕПОВ ГРЕНЛАНДСКИХ КИТОВ С КИТОВОЙ АЛЛЕИ:

В августе 1977 г. в ходе детального обследования памятника один из авторов этой книги (И. И. Крупник) произвел измерения черепов гренландских китов на Китовой аллее. Для этой цели были использованы три специально сделанных деревянных раздвижных циркуля (по типу штангенциркулей) с ценой деления 1 и 0,1 см. Учитывая специфическое положение черепов, вкопанных носовой частью в грунт или поваленных, сильную степень разрушения многих из них и отсутствие специальных инструментов, нам пришлось заведомо отказаться от стандартного набора промеров (см.: Томилин, 1957, 16—17). Выбор принятых нами точек и измерений при исследовании черепов Китовой аллеи показан на рис. 69.

Всего, как уже отмечалось, на территории памятника нами было обнаружено 57 черепов гренландских китов (три из них — в 1979 г.). Хотя далеко не для всех из них мы смогли получить полностью даже принятый нами весьма ограниченный набор промеров, Китовая аллея как уникальная остеологическая коллекция намного превосходит собрание любого зоологического музея. Именно поэтому мы сочли возможным предложить материалы наших измерений, при всем несовершенстве использованных инструментов и нестандартности промеров, вниманию наших коллег — биологов и специалистов по традиционному эскимосскому промыслу.

Эти данные приведены в табл. 1, где черепа располагаются по порядку групп, а внутри группы — по принятым на плане Китовой аллеи (см. рис. 7) номерам. В таблице приняты следующие условные обозначения: ∇ — стоящий

Таблица 1

Промеры черепов гренландских китов с Китовой аллеи (см)

	Индекс (группа, номер)	Поло- жение черепа	AB	CD	KL	MN	LM	KN
1	1—1	▲	...	...	xx	48x	xx	xx
2	1—2	▲	10,2	33x	62x	58x	115	235x
3	1—3	▲	13x	34,0	xx	xx	107x	xx
4	1—4	▲	...	...	xx	xx	90x	xx
5	2—1	∇	12,3	40,0	71	73	97	228
6	2—2	▲	13,2	41,3	79	74x	108	257x
7	3—1	∇	12,2	38,5	64	63x	93	218x
8	3—2	∇	14,8x	42,0	78,5	77	103	246
9	3—3	▲	12,0	36,8	75x	xx	103x	xx

Таблица 1 (окончание)

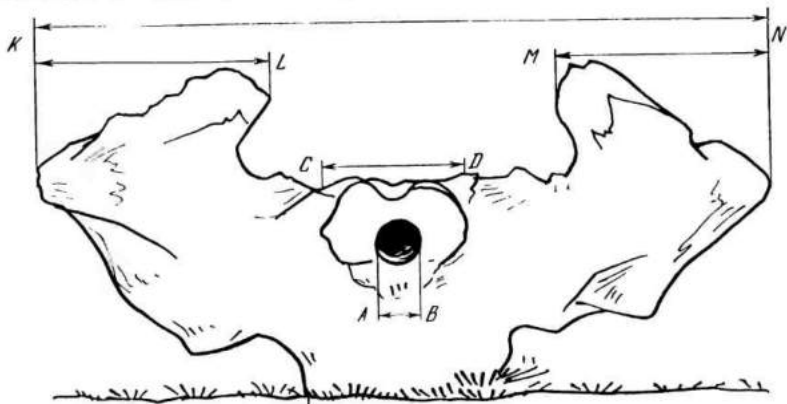
	Индекс (группа, номер)	Поло- жение черепа	AB	CD	KL	MN	LM	KN
10	3—4	△	14,2x	41,5	xx	81x	98x	250
11	(3—5)	△	11,7	32,3	xx	xx	xx	xx
12	4—1	△	12,0	36,8	75x	xx	103x	xx
13	4—2	▽	13,2	36,5	69,5	xx	98	xx
14	5—1	▽	11,6	35,4	73,5	73	94	232
15	5—2	△	12,8x	40,0	76	70x	90	234x
16	5—3	▽	15,7x	41,8	85,5	81	91	252
17	5—4	▽	12,4x	36,5	71,5	72,5	104x	235
18	5—5	△	13,1	40,0	xx	xx	xx	252
19	6	△	xx	42x	75x	xx	xx	xx
20	7—1	▽	11,9	37,8	67	xx	xx	221
21	7—2	▽	13,2	32,0x	xx	xx	xx	xx
22	7—3	▽	11,4	33,5	xx	xx	xx	xx
23	7—4	▽	13,5	37,5x	xx	81,5	114x	xx
24	8—1	▲	...	...	68x	68	120x	236
25	8—2	△	12,3	31,5	xx	xx	xx	xx
26	8—3	△	12,1	34,3	xx	xx	xx	xx
27	8—4	△	11,6	30,3x	xx	xx	xx	xx
28	8—5	▽	11,4	38,5	xx	66	105	228
29	9	▲	...	...	xx	72	xx	xx
30	10—1	▲	...	41,5x	xx	79	120	265
31	10—2	△	xx	37,5x	68	67	94	220
32	11—1	△	12,3	36,0x	xx	xx	xx	xx
33	11—2	△	12,2	35,2	xx	xx	xx	xx
34	11—3	▲	...	...	70	68	126x	252
35	11—4	▽	14,2	38,0	80	76x	131x	266
36	11—5	▲	...	...	67	68,5	107	226
37	12	▽	11,8	38,3	xx	xx	93	xx
38	13—1	▽	11,3	42,5	83	81,5x	88	240
39	13—2	▽	13,9	40,0	74	75x	108	250
40	14—1	▲	13,7	37,5x	66x	69x	xx	230x
41	14—2	▲	14,0	41,5	72,5x	73x	108	250x
42	14—5	▽	14,2	41,7	75,5	73	111	250
43	14—6	▽	12,0	42,5	83	80	102	244
44	14—7	▲	...	34,2x	xx	xx	xx	xx
45	15—1	▽	12,4	38,0	65,5	68	98	228
46	15—2	▽	11,9	35,9	70,5	69,5	86	222
47	15—3	△	14,1	37,8	67,5x	76,5	116	241
48	Гумус- ная яма	△	11,4x	37,5x	xx	xx	xx	xx
49	—, —	△	xx	36,5x	xx	xx	xx	xx
50	Столб F	△	xx	23,5	xx	xx	xx	xx
51	Яма 14	△	13,3	35,8	81,0	78	96	248
52	Яма 72	△	xx	38,7x	xx	xx	xx	xx

череп; △ — лежащий череп затылочным отверстием вверх; ▲ — лежащий череп затылочным отверстием вниз; xx — промер невозможен из-за естественного или искусственного разрушения черепа; 116x — промер условный из-за разрушения черепа; ... — промер невозможен из-за положения черепа.

Рис. 69. Промеры вкопанного в грунт китового черепа (вверху) и группа 14 (внизу)

AB — ширина затылочного отверстия, CD — кондильная ширина (расстояние между наружными краями затылочных мыщелков), KL — ширина левого скуло-

вого отростка, MN — ширина правого скулового отростка, KN — скуловая ширина черепа

ABSTRACT

The title of this book written by S. A. Arutiunov, I. I. Krupnik and M. A. Chlenov, reads as «Whalebone Alley; the Antiquities of the Seniavin Strait Islands». It deals with a description and analysis of several historical relics in this northernmost corner of the Pacific immediately south of the Bering strait, but most of all with a unique monument of a forgotten sea mammal hunting civilisation, constructed of bowhead whale mandibles and skulls.

The first chapter of the book «Description of the Monument» presents a general outline of the structural features of the Whalebone Alley and some additional traits peculiar to it.

In the summer of 1976 we have discovered in Siqllug Bay on the northern shore of Yttygran Island a complex of strange constructions of bowhead whale skulls and mandibles. The rows of these structures, extended along the coastal line, inspired us to label this anonymous place «The Whalebone Alley».

Detailed surface investigations made on the Whalebone Alley in 1976, 1977, and 1979 have demonstrated, that this monument is composed of the following structural elements:

1. A row of skulls of bowhead whales is extended along the edge of the grass-covered part of the beach, which raises about 0.5 meter over the pebble beach. The total length of the row is ca 300 m. It is composed of 15 clearly distinguishable structural units, called here «skull groups». They vary in the degree of their preservation, but it is obvious that initially all skulls were placed in a strict geometrical order, and were inserted into the pebble ground by their nasal parts, while their occipital parts were raised vertically to a height about 1.5 m. Altogether about 60 bowhead whale skulls were found in the Whalebone Alley, mostly in groups of two and four.

2. Poles made of whale mandibles are the most noticeable form of construction in the Whalebone Alley. Many of them at present are broken, some still lying on the ground, but their basal parts which remain inserted in the ground forming a kind of «stubs», indicate their initial position. Altogether 34 mandible poles were found in the Whalebone Alley, among them 14 still erect. Both skulls and poles wear marks of cutting and drilling. Most probably the whales who provided these bones had been hunted not in Siqllug, but in some other places, because other bones usually found in abundance at old butchering grounds, like ribs, vertebrae etc., are very scarce in the area of the Whalebone Alley. The distribution of poles is much less regular than of skulls, they stand both single, in pairs and in rather amorphous clusters of several poles.

3. Stone structures are abundant on the slope of the hill south of the Whalebone Alley, shaped as a talus, and along the hillfoot. Here among groups of poles four ring structures are visible, made of huge stones and having about 1.5—2 m in diameter. Almost exactly in the center of the monument there is an even place in a form of an amphitheatre rimmed by very large stones in a semicircle of 4—5 m in diameter. Remains of a big fireplace were revealed there with a lot of walrus and seal bone ashes. On the very talus there are about 120 stone meat caches 1—1.5 m in diameters, with considerable remains of mummified meat on the bottom of many of them under a grass coverage. A well paved path, or «dromos», goes up the slope. It is 1 m broad and about 50 m long. The lower part of the dromos is absolutely straight, while the upper part is curved around a large structure of huge stones, the diameter of the structure being ca. 4—4.5 m. We called this structure «The Shrine».

An interviewing of the informants has demonstrated that they have very little to say about the history of the Whalebone Alley and adjacent territories. But all the tiniest scraps of evidence that one can find in folk-lore and learn from informants, are analyzed in this book, alongside with the general data on the whale hunting and worship and related ritual and festivals. Most probably the Whalebone Alley was specifically designed to be a venue of such rituals. However in all these ethnographic data one can find but very few parallels suitable to reconstruct the scenario of rituals, once held in the Whalebone Alley.

One may suppose that unfavorable ecological conditions in XV—XVIII centuries have caused not only a considerable deterioration in material culture compared to the «Golden Age» of Old Bering Sea and Punuk era, but have also led to a basical reshaping of social and spiritual institutions.

On the whole the Whalebone Alley looks like an enormously large construction for the conditions of the Arctic with a complicated and highly symmetrical composition. A monument of this kind could not be built in an unplanned, spontaneous and gradual way, but had to be constructed according a single plan, and to consume great amount of labour. In this respect it can be compared with large burial mounds of the Eurasian steppes or with megalithic complexes from Southeast Asia or Western Europe. In its scale it is unique for the whole Arctic region.

The second chapter of this book has a title «Other ancient relics of the

Yttygran Island and in the adjacent territories». It is further subdivided into such topics as: the site of Siqluk, the site of Napakutak, other ancient settlements of the Yttygran Island, Kiginin Cape and the southern shore of the Arakamchechen Island, coastal line of the Cape Chaplin (Indian Point) and some additional remarks.

Reconnaissance trips around Yttygran Island, the nearby larger Arakamchechen Island, and along the adjacent area of the mainland coastal line have revealed a number of other stone and bone constructions. Some of them, like walled fortresses on the tops of several hills, menhir fields, or ruins of ancient settlements may have no systematic and chronological connection with the Whalebone Alley. Some others, e. g. mandible poles erected on key capes of the adjacent coastal line, might be structurally connected with the Whalebone Alley, as route markers.

The title of the third chapter sounds «The Eskimo of the Southeastern Chukotka in the recent period». This chapter is subdivided into the following topics: the tribal structure of the Asiatic Eskimo and the historical geography of the Seniavin Strait Archipelago.

The fourth chapter reads as «Correlations between the monument and the ethnology of contemporary Asiatic Eskimo» and deals with native interpretations of the Whalebone Alley: folkloristic and mythological topics, connected with it; general features of the ritual habits among the Asiatic Eskimo; other structures made of whale mandibles and skulls all over the Eskimo area; the character of Eskimo whaling.

The fifth chapter is named «The Whalebone Alley and the ancient Eskimo society» and includes the following parts: dating; a functional reconstruction of the monument; a social characteristic of its builders, and the factors responsible for its being deserted.

Radiocarbon dating of whale bones from the Whalebone Alley placed it into the XVII century. However, taking into consideration an undoubted contamination with ground water, for several reasons we prefer to date the monument by the Final Punuk period, i. e. XIII—XIV centuries A. D. We may suppose as a working hypothesis, that the rituals once performed at the Whalebone Alley, which undoubtedly was a huge sanctuary, were of esoteric character. They possibly were carried out once per year (or per several years) and were accompanied by feasts. There is a probability that the participants were mostly or exclusively adult males from a number of territorial or social groups. The most probable organizational framework for such ceremonial activities might be a secret society of men. Institutions of this kind were well developed among the Aleuts, the Eskimo of Southwestern Alaska and among the Northwestern Indians.

Many features of the Old Bering Sea culture which is ancestral to the Punuk culture, find their closest parallels not among the modern Eskimo, but among the Aleuts and the Indians of the Northwest Coast. There is also a considerable archeological evidence that the ancient Asiatic Eskimo society possessed a much more complicated system of social stratification and organization than it is ethnographically known about XVIII—XIX centuries Eskimo.

The most natural segmentary units forming the reunion gathering at the Whalebone Alley should be umiak teams. The number of teams possibly corresponded to the number of scull groups, i. e. about 15, which would make a total number of slightly over one hundred participants representing a number of villages. A union of these villages might embrace a rather vast territory, from Cape Chaplin in the south till the Mechigmen Bay in the North, taking a form of a secret male society, with its ritual and symbolic center at the Whalebone Alley, and the reasons for its establishment might be both of external and internal character.

The factors responsible for the decay of this complicated social system, were most probably connected with the general crisis of the Punuk culture, caused by deterioration of climatic and ecological conditions for Arctic sea hunting cultures in the XIV—XV centuries.

The book ends with a conclusion, followed by appendices (measurement of bowhead whale skulls in the Whalebone Alley) and a bibliography.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Авдеев А. Д. Алеутские маски в собраниях МАЭ.— Сборник МАЭ, 1958, т. 18, с. 279—304.
- Айвангу. Альхыгума хуацкута нунавут Уцазиқ [История нашего села Унгазик]. Архив Чукотского краевед. музея, г. Анадырь.
- Арсланов Х. А. О поправках к радиуглеродному возрасту.— Геохимия, 1978, № 8, с. 1157—1164.
- Арутюнов С. А., Глинский Е. А., Сергеев Д. А. К проблеме проникновения железа в Арктику к эскимосам.— СЭ, 1977, № 1, с. 101—106.
- Арутюнов С. А., Крупник И. И., Членов М. А. «Кигояя аллея» древнеэскимосский культовый памятник на острове Иттыгран.— СЭ, 1979, № 4, с. 12—28.
- Арутюнов С. А., Крупник И. И., Членов М. А. Исторические закономерности и природная среда (на примере памятников древнеэскимосской культуры).— Вестник АН СССР, 1981, № 2, с. 91—102.
- Арутюнов С. А., Сергеев Д. А. Древние культуры азиатских эскимосов. Уэленский могильник. М.: Наука, 1969.
- Арутюнов С. А., Сергеев Д. А. Проблемы этнической истории Берингоморья. Эквенский могильник. М.: Наука, 1975.
- Атлас географических открытий в Сибири и в Северо-Западной Америке в XVII—XVIII вв. Сост. А. В. Ефимов, М. И. Белов, О. М. Медушевская. М.: Наука, 1964.
- Богданович К. И. Очерки Чукотского полуострова.* СПб., 1901.
- Богораз В. Г. Дневник 1901 г. во время путешествия и пребывания в Уныине.— Архив АН СССР (г. Ленинград), ф. 250, оп. 1, № 116.
- Богораз-Тан В. Г. Чукчи. Ч. 1 и 2. Л.: Изд. Главсевморпути, 1934, 1939.
- Богословская Л. С., Вотрогов Л. А., Крупник И. И. Миграции и аборигенный промысел гренландского кита на Чукотке.— В кн.: Морские млекопитающие. М.: Наука, 1981.
- Богословская Л. С., Членов М. А., Юрцев Б. А. Острова пролива Сеявина — уникальный природно-культурный комплекс.— Природа, 1979, № 9, с. 91—97.
- Вдовин И. С. Эскимосские элементы в культуре чукчей и коряков.— В кн.: Сибирский этнографический сборник. III. М.; Л., 1961, с. 27—63.
- Вдовин И. С. Очерки истории и этнографии чукчей. М.; Л.: Наука, 1965.
- Вдовин И. С. Религиозные культы чукчей.— В кн.: Памятники культуры народов Сибири и Севера (вторая половина XIX — начало XX в.). Сборник МАЭ, 1977, т. 33, с. 117—171.
- Вениаминов И. Записки об островах Уналашкинского отдела. СПб., 1840, т. 1, 2.
- Воблов И. К. Эскимосские праздники.— В кн.: Сибирский этнографический сборник. I. М.; Л., 1952, с. 320—334.
- [Глазенап] План гавани Глазенапа, снятый и составленный мичманом Глазенапом. СПб., 1828.
- Гондатти Н. Л. Поездка из села Маркова на реке Анадыре в бухту Провидения.— Зап. Приамурского отд. РГО, 1898, т. IV, вып. 1.
- Давыдов Г. И. Двухкратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова. СПб., 1812.
- Диков Н. П. Чинийский могильник:

- (К истории морских зверобоев Берингова пролива). Новосибирск: Наука, 1974.
- Диков Н. Н.** Археологические памятники Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы: Азия на стыке с Америкой в древности. М.: Наука, 1977.
- Диков Н. Н.** Древние культуры Северо-Восточной Азии: Азия на стыке с Америкой в древности. М.: Наука, 1979.
- Долгих Б. О.** Годовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М.: Изд-во АН СССР, 1960.
- Журов Р. Я., Сергеев Д. А.** Древние скульптурные изображения китов: Находки 1961 г. — Зап. Чукотского краевед. музея. Магадан, 1962, вып. 3, с. 21—24.
- Загоскин Л. А.** Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина в Русской Америке. М., 1956.
- Иванов С. В.** Материалы по изобразительному искусству народов Сибири. XIX — начало XX в. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954.
- Иванов С. В.** Об одной уникальной маске эскимосов с острова Ратманова. — В кн.: Краткое содержание докладов годичной научной сессии Института этнографии АН СССР, 1974—1976. Л., 1977, с. 133—134.
- Ионин А. С.** Берега Берингова моря. М.: Изд-во АН СССР, 1959.
- Калинников Н. Ф.** Наш Крайний Северо-Восток. — В кн.: Записки по гидрографии: Приложение к вып. 34. СПб., 1912.
- Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII в.: Сб. арх. докум. Л., 1935.
- Коцебу О.** Путешествие в Южный океан и в Берингов пролив для отыскания северо-восточного морского прохода, предпринятое в 1815, 1816, 1817 и 1818 годах... на корабле «Рюрик» под начальством флота лейтенанта Коцебу. СПб., 1821. Ч. 1.
- Крупник И. И.** Факторы устойчивости и развития традиционного хозяйства народов Севера: (К методике изучения этноэкологических систем): Автореф. канд. дис. М., 1976.
- Крупник И. И.** Освоение среды и использование промысловых угодий у азиатских эскимосов. — В кн.: Некоторые вопросы изучения этнических аспектов культуры. М., 1977, с. 4—17.
- Крупник И. И.** К количественной оценке традиционного хозяйства азиатских эскимосов. — В кн.: Проблемы этнографии и этнической антропологии. М., 1978, с. 26—39.
- Крупник И. И.** Зимние «личные» праздники у азиатских эскимосов. В кн.: Этнокультурные процессы в современных и традиционных обществах. М., 1979а, с. 26—42.
- Крупник И. И.** Местный китобойный промысел азиатских эскимосов в 1920—1930-х годах. — Труды XIV Тихоокеанского научного конгресса. М., 1979б, с. 152—155.
- Крупник И. И.** [Похоронно-поминальная обрядность у азиатских эскимосов] — В кн.: Семейная обрядность народов Сибири. М.: Наука, 1980а, с. 207—216.
- Крупник И. И.** Морской зверобойный промысел азиатских эскимосов в 1920—1930-х годах. — В кн.: Морские млекопитающие. М.: Пищевая промышленность, 1980б, с. 66—79.
- Крупник И. И.** Древние поселки и демографическая история азиатских эскимосов юго-восточной Чукотки (включая о. Св. Лаврентия). — В кн.: Традиционные культуры Северной Сибири и Северной Америки. М.: Наука, 1981.
- Крупник И. И., Членов М. А.** Динамика этнолингвистической ситуации у азиатских эскимосов (конец XIX в. — 1970-е годы). — СЭ, 1979, № 2, с. 19—29.
- Кук Дж.** Третье плавание капитана Джемса Кука. Плавание в Тихом океане в 1776—1780 гг. М.: Мысль, 1971.
- Лазарев [А. П.]** Дневник плавания лейтенанта Лазарева от 11 октября 1820 до 2 мая 1822 г. (Возвращение в Рио-де-Жанейро). — Отдел рукописей ГПБ (Ленинград), ф. Помяловского, № 72.
- [Лазарев А. П.]** Судовые документы, журналы, бумаги с шлюпа «Благонамеренный», 1821 г. — От-

- дел рукописей ГПБ, F XVII 106 (бумаги А. В. Висковатого).
- Латкин В. И.* Дневник Василия Николаевича Латкина во время путешествия на Печору в 1840 и 1843 гг. Ч. 1 и 2.— Зап. РГО, 1853, кн. 7.
- Леонтьев В. В.* Этническая история поселка Уэлен.— Краевед. записки, Магадан, 1972, вып. 9, с. 83—93; 1975, вып. 10, с. 77—87.
- [*Литке Ф. И.*] Плоская карта пролива Сенявина, составленная по описям, произведенным гребными судами шлюпа «Сенявина» флота капитаном Ф. Литке. СПб., 1828.
- Литке Ф. П.* Путешествие вокруг света, совершенное по повелению государя императора Николая I на военном шлюпе «Сенявине» в 1826, 1827, 1828 и 1829 годах флота капитаном Федором Литке. СПб., 1834—1836. Т. 1—3.
- Меновщиков Г. А.* Чукотские, эскимосские, коряцкие сказки. Хабаровск, 1950.
- Меновщиков Г. А.* Эскимосские сказки. Магадан, 1958.
- Меновщиков Г. А.* Эскимосы. Магадан, 1959.
- Меновщиков Г. А.* О пережиточных явлениях родовой организации у азиатских эскимосов.— СЭ, 1962, № 6, с. 29—34.
- Меновщиков Г. А.* Эскимосско-алеутская группа. — В кн.: Языки народов СССР. Л., 1968, Т. 5, с. 372—402.
- Меновщиков Г. А.* Местные названия на карте Чукотки: Крат. топоним. словарь. Магадан, 1972.
- [*Меновщиков Г. А.*] Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки. М.: Наука, 1974.
- Меновщиков Г. А.* Китовый праздник поля у науканских эскимосов.— В кн.: Страны и народы Востока. М.: Наука, 1979, вып. 20, с. 202—208.
- Миллер В. Ф.* Об эскимосских наречиях Анадырского округа.— Живая старина, 1897, год 7-й, вып. 2, с. 133—159.
- Народы Сибири/Под ред. М. Г. Левина, Л. П. Потапова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956.
- Пенлюжкина З. Н.* А когда у челове-
- ка праздник? — Полярник (Провидения), 1975, № 117.
- Общественный строй у народов Северной Сибири. М.: Наука, 1970.
- Окладникова Е. А.* Загадочные личности Азии и Америки. Новосибирск: Наука, 1979.
- Онацевич М.* Заметки во время плаванья около берегов Чукотской земли и в Ледовитом океане в 1876 г.— Мор. сб., 1877, т. 49, № 7, с. 43—68.
- Очерки истории Чукотки с древнейших времен до наших дней. Новосибирск: Наука, 1974.
- Патканов С. К.* Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, языки и роды инородцев.— Зап. РГО. Отд. статистики, 1912, т. XI, вып. 1.
- [*Роджерс Дж.*] Карта пролива Сенявина (с карты лейтенанта Джона Рождерса). СПб., 1867.
- Рубцова Е. С.* Материалы по языку и фольклору эскимосов (чаплинский диалект). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954, ч. 1.
- Рубцова Е. С.* Материалы по языку и фольклору эскимосов.— Арх. Ленингр. отд. Ин-та языкознания АН СССР, 1940, ч. 2.
- Рубцова Е. С.* Эскимосско-русский словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1971.
- Руденко С. Н.* Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема. М.; Л.: Главсевморпуть, 1947.
- Сергеев Д. А.* Пережитки отцовского рода у азиатских эскимосов.— СЭ, 1962, № 6, с. 35—42.
- Теин Т. С.* Эскимосский праздник кита «шольа»: (На примере поселка Наукан).— Краевед. зап., Магадан, 1975, вып. 10, с. 88—94.
- Томилини А. Г.* Китообразные.— В кн.: Звери СССР и прилежащих стран. М., 1957. Т. 11.
- Файнберг Л. А.* Общественный строй эскимосов и алеутов. М.: Наука, 1964.
- Файнберг Л. А.* Очерки этнической истории зарубежного Севера. М.: Наука, 1971.
- Членов М. А.* Числовая символика и тайные союзы на Молуккских островах.— В кн.: Мифология и верования народов Восточной

- и Южной Азии. М.: Наука, 1973, с. 132—166.
- Членов М. А.* К характеристике социальной организации азиатских эскимосов. — В кн.: IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук: Докл. сов. делегации. М.: Наука, 1973.
- Членов М. А.* Коротко об экспедициях, — СЭ, 1976, № 6, с. 134—136.
- Членов М. А.* Кит в фольклоре азиатских эскимосов. — В кн.: Традиционные культуры Северной Сибири и Северной Америки. М.: Наука, 1981.
- Шнакенбург Н. Б.* Китовый промысел на Чукотке. — Тихоокеанская звезда, Хабаровск, 1933, № 259, с. 3.
- Этнографические материалы Северо-Восточной географической экспедиции: 1785—1795 гг. Магадан, 1978.
- Birket-Smith K.* The Eskimos. London, 1959.
- Boas F.* Social Organization and Secret Societies of the Kwakiutl Indians. Washington, USA National Museum Report, 1895.
- Bockstoe J.* Eskimo Whaling in Alaska. — Alaska, 1977, v. XLIII, no 9, p. 4—6.
- Bogoraz W.* The Chukchee. Material Culture. — Memoirs of the American Museum of Natural History, v. VII, part I, 1904.
- Bogoraz W.* The Chukchee. Religion. — Memoirs of the American Museum of Natural History, v. XI, part 2, 1910.
- Bogoraz W.* The Eskimo of Siberia. Leiden — New York, 1913.
- Burch E. S.* Eskimo Kinship. Changing Family Relationships in Northwest Alaska. St. Paul, West Publishing Co., 1975.
- Burch E. S.* Traditional Eskimo Societies in Northwest Alaska. — SENRI Ethnological Studies. Alaska Native Cultures and History, 1980, p. 253—304.
- Burgess S. M.* The St. Lawrence Islanders of Northwest Cape: Patterns of Resource Utilization. Ph. D. Dissertation. Fairbanks, University of Alaska, 1974.
- Doty W. F.* The Eskimo on St. Lawrence Island. — In: Ninht Annual Report on Introduction of Domestic Reindeer into Alaska. Washington, Government Printing Office, 1900, p. 187—223.
- Heine W. C.* Die Expedition in die Seen von China, Japan und Ochotsk, Bd. 3 (Supplement). Leipzig, Costenoble, 1859.
- Hoepfer W. H.* Ten Months among the Tents of the Tuski. New York, AMS Press, 1976, (2-d ed.)
- Hughes Ch. S.* An Eskimo Village in the Modern World. Ithaca, 1962.
- Hume J.* Sea-Level Changes During the Last 2000 Years at Point Barrow, Alaska. — Science, 1965, no. 150.
- Krauss M.* Eskimo-Aleut. — In: Current Trends in Linguistics. Linguistics in North America, v. 10. The Hague, Mouton, 1973.
- Lantis M.* The Alaskan Whale Cult and its Affinities. — American Anthropologist, 1938, v. 10, no. 3, p. 438—464.
- Lantis M.* Alaskan Eskimo Ceremonialism. Seattle — London, 1966.
- Larsen H., Rainey F.* Ipiutak and the Arctic Whale Hunting Culture. — Anthropological Papers of the American Museum of Natural History, 1948, no 42.
- Marquette W.* The 1976 Catch of Bowhead Whales (*Balaena mysticetus*) by Alaskan Eskimos with a Review of the Fishery 1973—1976, and a Biological Summary of Species. Washington, US Department of Commerce, Northwest Alaska Fisheries Center Processed Report, 1977.
- McGhee R.* Speculating on Climate Change and Thule Culture Development. — Folk, 1969—1970, no. 11—12, p. 173—184.
- Merk K.* Beschreibung der Tschuktschi von Ihren Gebräuche und Lebensart. MS — ГИБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, отдел рукописей и редких книг, нсм. F IV, no. 173.
- Morgan J.* A New Look at Subsistence Whaling. — Alaska, 1977, v. XLIII, no. 9, p. 8—10.
- Nelson R.* The Hunters of the Northern Ice. Seattle, 1972.
- Nungak Z., Arima E.* Eskimo Stories from Povungnituk, Quebec. Ottawa, 1969.

- Pangeghtellghet. Fairbanks, Alaska Native Language Center, 1975.
- Petersen R.* On the Variations in Settlement Patterns and Hunting Conditions in 3 Greenlandic Districts. Paper prepared for the Symposium on Circumpolar Problems. Stockholm, 1969.
- Rainey F.* The Whale Hunters of Tigara.—Anthropological Papers of the American Museum of Natural History, 1947, no. 41, part 2, p. 231—283.
- Ray D. J.* The Eskimos About Bering Strait, 1650—1898. Seattle — London, 1976.
- Stanford D.* The Walakpa Site, Alaska. Its Place in the Birnirk and Thule Cultures. Washington, Smithsonian Contributions to Anthropology, 1976.
- Thornton H. R.* Among the Eskimos of Wales, Alaska, 1890—1893. Baltimore, 1936.
- Van Stone J. W.* Point Hope: an Eskimo Village in Transition. Seattle, University of Washington Press, 1962.
- Webster H.* Primitive Secret Societies. New York, Octagon Books, 1968 (2d ed.).
- Wicker H. R.* Akkulturation der traditionell-ökonomischen Struktur bei den Eskimos der St. Lawrence Insel, Alaska, Inaugural Dissertation der Philosophisch-historischen Fakultät der Universität Bern. Bern, Selbstverlag, 1974.
- Worl R.* The North Slope Inupiat Whaling Complex.—SENRI Ethnological Studies. Alaska Native Cultures and History, 1980, no. 4, p. 305—320.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава первая	
Описание памятника	8
Глава вторая	
Прочие памятники острова Ыттыгран и прилегающей территории	46
Глава третья	
[Эскимосы Юго-Восточной Чукотки по данным нового времени	77
Глава четвертая	
Соотнесение памятника с данными эскимосской этнографии	94
Глава пятая	
Китовая аллея и древнее эскимосское общество . .	136
Заключение	158
Вместо послесловия	161
Приложение	165
Abstract	167
Библиография	170

**Сергей Александрович Арутюнов,
Игорь Ильич Крупник,
Михаил Анатольевич Членов**
«КИТОВАЯ АЛЛЕЯ»
(Древности островов пролива Сенывина)

Утверждено к печати
Институтом этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая
Академии наук СССР

Редактор издательства *С. Н. Васильченко*
Художник *Т. И. Алексеева*
Художественный редактор *Н. А. Фильчагина*
Технические редакторы *Т. Д. Панатюк, Л. В. Каскова*
Корректоры *Р. С. Алимова, Г. М. Котлова*

ИБ № 18242

Сдано в набор 05.08.81. Подписано к печати 7.12.81.
Т-28247. Формат 60×90^{1/16}. Бумага типографская № 1.
Гарнитура обыкновенная. Печать высокая.
Усл. печ. л. 11. Усл. кр. отт. 11,25 Уч.-изд. л. 12,1
Тираж 33700 экз. Тип. зак. 726
Цена 80 к.

Издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90
2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

